В. А. Неволин

Человек, лишённый малой родины

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

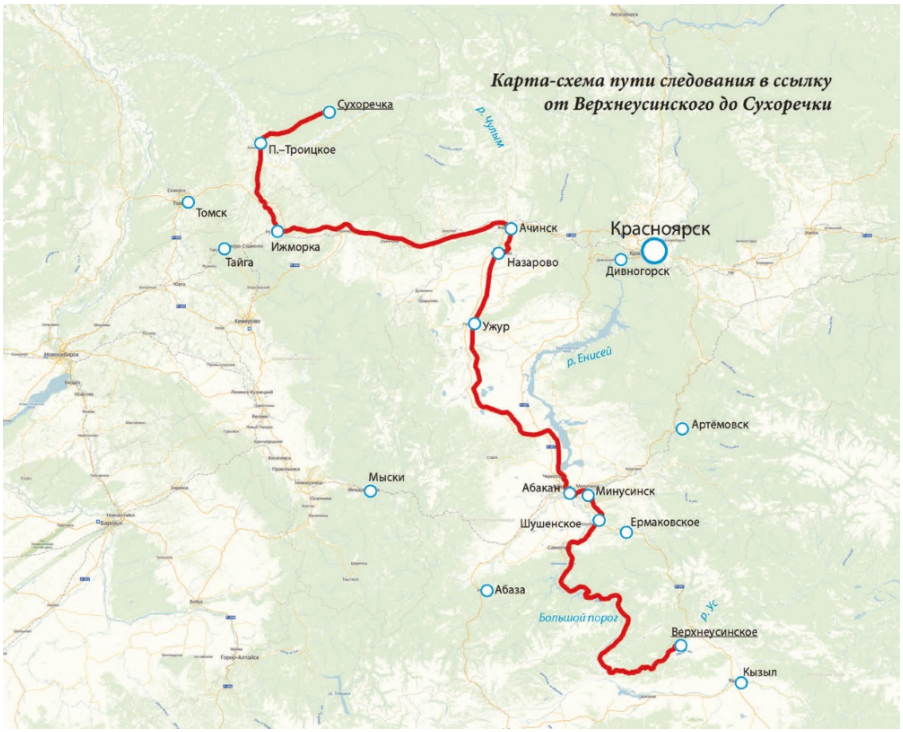
Прошло более 80 лет после проведённой кампании по «ликвидации кулачества как класса», охватившей миллионы сельских тружеников, которые были сосланы вместе с семьями в необитаемые места. В этой книге автор, участник ссылки, рассказывает правду об этой трагедии.

- Виктор Неволин
  -
  - Предисловие
  - Моя малая родина – Верхнеусинское
    - Странички детства – начало начал
    - Мои предки – первые жители Верхнеусинского
    - Жизнь по старинным канонам
    - Революция. НЭП
  - Дорога в никуда. Ссылка
    -
    - Енисейский Большой порог
    - «Всюду жизнь!»
  - Жить, чтобы выжить
    - «Вот здесь ваша и погибель!»
    - Артель «Трудовик» и праздник первого урожая
    - Цыгане. Приобщение их к труду
    - Репрессии продолжились
  - Путь к грамоте, знаниям и свободе
    -
    - Батурине: самый радостный школьный год
  - «Сороковые, роковые…»
    - Город Томск. Первый год без учёбы
    - Ямщик и пахарь
    - Продолжение учёбы. Школа в Асино
    - Школьное воспитание
    - Военно-морское училище
    - Конец войне и ссылке
  - Через 23 года и позже
  - Вместо заключения
  - Список семей в зоне спецкомендатуры на участках

Виктор Неволин
Человек, лишённый малой родины

Автор выражает сердечную благодарность за редактирование и подготовку рукописи к изданию:

Юрию Алексеевичу Кирюшину Владимиру Павловичу Зыкову Ольге Владимировне Разумовой и за техническую помощь в моей работе своим внукам Артёму и Ксении.



В книге использованы фотографии из архива автора.

Об авторе

Виктор Андреянович Неволин родился 3 марта 1926 года в селе Верхнеусинском (ныне Ермак, веского района Красноярского края) в семье крестьянина-старообрядца. В 1931 году вместе с родителями и другими односельчанами, официально признанными кулаками, был выслан в необжитые болотистые места Томской области. Участник Великой Отечественной войны. В течете восьми лет проходил службу на кораблях и в частях Военно-морского флота СССР. В 1956 году после окончания геологического факультета Томского государственного университета направлен на работу в трест «Енисейзолото». В Северо-Енисейском районе Красноярского края работал участковым геологом на Советском руднике, начальником поисково-разведочных партий. В дальнейшем двенадцать лет подряд избирался первым секретарём райкома КПСС Северо-Енисейского и Мотыгинского районов, а с 1973-го по 1993 год был руководителем геологической службы Центральной Сибири (Красноярский край, Хакасия и Тува). С выходом на пенсию создал ООО «Научно-производственный центр «Центрсибгео» и был его бессменным директором до 2013 года.

Окончил институт управления народным хозяйством АНХ СССР. Кандидат геолого-минералогических наук, заслуженный геолог РСФСР, лауреат Государственной премии СССР за открытие и разведку Олимпиадинского золоторудного месторождения. Почётный геолог Монголии. Награждён тремя орденами и двенадцатью медалями. С 1972-го по 1990 год избирался депутатом Красноярского краевого Совета народных депутатов. Почётный гражданин Красноярского края (2002).

Предисловие

Посвящается памяти раскулаченных крестьян Усинского, Ермаковского, Боградского, Аскизского, Шушенского, Курагинского, Каратузского, Бирилюсского и других районов Красноярского края, оказавшихся вместе со мною в ссылке в томской заболоченной тайге в 30-40-е годы XX столетия.

В 2012 году вышла из печати «Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края». В одиннадцатый том Книги памяти включены списки граждан, раскулаченных на территории Красноярского края в 30-е годы XX столетия.

Этот капитальный труд выполнен редакционной коллегией, состоящей из представителей правительства края, архивного агентства, главных управлений МВД, ФСБ края, общества «Мемориал» и других организаций.

Книгу памяти мне подарил А.А Бабий – председатель общества «Мемориал», за что ему искренне благодарен.

Среди сотен фамилий высланных раскулаченных крестьян я нашёл нескольких Неволиных, в том числе и членов моей семьи, и себя, родившегося в 1926 году, а также фамилии многочисленных семей: с детьми я учился в школе и знал их родителей во время пребывания в ссылке.

В этих списках указывается, куда эти семьи высланы, большинство «высланы в Томскую область». Вот и все сведения о крестьянах, сосланных из южных районов края. Наверное, ознакомившись со списками, многих читателей заинтересует дальнейшая судьба этих людей, направленных в ссылку для так называемого трудового перевоспитания, как тогда её называла власть.

Не менее важным источником сведений о репрессиях по политическим мотивам в период 1950-1950-х годов, по ст. 58 УК, являются книжные заметки «Боль и память», изданные в Ермаковском районе, которые по моей просьбе привёз в Красноярск глава администрации района Б.И. Ситников. В этом небольшом издании пофамильно перечисляются сотни, преимущественно малограмотных, крестьян, которые прошли тюрьмы, лагеря, и многие из которых были расстреляны за якобы антисоветскую

деятельность или были предполагаемыми агентами зарубежных разведок. Среди них тоже имеются мои родственники.

Прошло более 80 лет после проведённой государственной политической кампании по «ликвидации кулачества как класса», охватившей миллионы сельских тружеников, которые были сосланы вместе с семьями в самые северные, глухие, необитаемые места. Нас мало осталось в живых – тех, кто испытал все ужасы жестокой, бездумной и бессмысленной политики против своего народа тогдашнего руководства советской власти.

Сегодня эти события уже ушли в историю. Но мне думается, что кто-то должен рассказать правду об этой трагедии в деревнях в южных районах Красноярского края в 1950-х годах. Вот я и решил попытаться это сделать, поскольку был не только свидетелем, но и её участником.

Давно нет в живых моих родителей, умерли и мои братья, нет вокруг меня и людей, прошедших ссылку, которые бы могли напомнить об отдельных моментах нашей тогдашней жизни. Поэтому в своём повествовании я использую свою память – память пятилетнего на начало ссылки мальчишки, и отдельные заметки, памятки и дневниковые записи, которые я пытался в своё время делать.

Воспоминания писались долго и мучительно, много раз начинал их и бросал. Немалую трудность в этом деле для меня представляло описание прошлых событий, чтобы они были беспристрастными и объективными даже на примере моей семьи.

В моих рассказах нет никакого вымысла. Все действующие лица названы своими подлинными именами, и все события имели место в определённое время. Что же касается оценок тех политических событий и действий тогдашнего руководства страны, то это лично моё мнение, моя личная правда, и я их никому не навязываю.

Первоначально воспоминания писались и предназначались для узкого круга: моей семьи, родственников, друзей и людей, к которым я испытываю глубокое чувство уважения и почтения. Однако когда я ознакомил с материалами красноярского книгоиздателя ЮЛ Кирюшина, то он увидел в них социальную значимость, порекомендовал издать небольшую книгу, и я охотно с ним согласился.

Моя малая родина – Верхнеусинское

Странички детства – начало начал

С чего начать мне свою исповедь, мою «заповедную книгу»? Конечно же, с тех, кого я запомнил первыми: с моих родителей, самых дорогих моему сердцу отца и матери. Что мне помнится о них? Что вспоминается в первую очередь? Мои отец и мать были вечными тружениками. И первыми мне вспоминаются картины труда.

Мой отец Андреян Неволин был отличным косарём. Высокий, плечистый – рост под 190 сантиметров. Недаром в дореволюционное время его определили в царскую гвардию, а туда брали истинных русских богатырей! А подлинная отцовская красота лучше всего видна была в работе. В косьбе у него каждая заходка, сделанная «литовкой», в два раза превышала наши. Косил он чисто, низко, не оставляя после себя травы. Жалко, не устраивали ни тогда, ни после соревнований по косьбе. Уверен, мой отец обязательно стал бы чемпионом. Таким навсегда он и остался в моей памяти: статным, молодым и красивым, полным сил. Несмотря на жизнь, полную лишений, он прожил девяносто лет!

Отец был истовым тружеником, а по вере – обычным старообрядцем. Ему чужды были всякие политические симпатии и антипатии. Считал, что вся власть, которую заслужил народ, от Бога. И потому не оказывал никому предпочтений. Во время гражданской войны этот бывший элитный гвардеец не служил ни в белой, ни в Красной Армии. Действия тех и других считал противными Богу. А угодными Богу считал постоянный труд во имя семьи, во имя детей, которых у него с матерью за какой-нибудь десяток с гаком лет семейной жизни накопилось аж семеро. Когда тут заниматься политикой? Надо было поднимать детей. И делать своим трудом жизнь ото дня ко дню всё лучше и зажиточнее.

По своей натуре Андреян Неволин был, как и все физически сильные люди, мягким человеком. Всегда старался помочь слабым людям, нуждающимся в милосердии. Был уважительным к окружающим. Такое же отношение у него было и в семье: к жене, детям, всем родным. Маму он всегда звал Шима, собственную мать мамонькой, детей – сынок, доченька, знакомых – по имени и отчеству. Обращаясь к женскому полу уважительно говорил в зависимости от возраста «барышня» или «сударыня» (должно быть, набрался такой обходительности за время царской службы в Петрограде, в гвардии). Здороваться всегда старался первым.

Основным его занятием было землепашество, охота, рыбалка. Осенью он выезжал в Минусинск, где работал забойщиком скота, который купцы пригоняли из Тувы и Монголии. Кроме того, ямщичил – возил грузы по льду рек в город и обратно. Жена ему народила много ребятишек. Надо было их кормить и одевать. С помощью родного дяди Павла Трофимовича отец со временем построил на берегу реки Уса пятистенный дом, где и обустраивался со своей обычной добросовестностью и обстоятельностью. Ему было чем заняться.

Женился отец в 1918 году вернувшись домой после окончания царской службы и завершения германской войны. Жене его, Ефимии Евстигнеевне Пичугиной, как и отцу, было двадцать лет. Оба были малограмотными, окончили по два класса сельской приходской школы. И до самой смерти мама была ему верной и надёжной подругой.

Жизнь её была нелёгкой. К 1931 году, к моменту ссылки, она успела родить семерых детей. Шестеро выжили, умер только один. И ей надо было одной управляться с этакой оравой: каждого накормить, напоить, одеть, обмыть. И к тому же она была вечной работницей не только дома, но и в поле. Умела выполнять мужицкую работу и часто это делала. Могла запрячь и оседлать лошадь, умела ездить верхом. По-мужицки косила и убирала сено, серпом жала рожь и ячмень. Когда выпадало время, ездила или ходила за грибами и ягодами.

Моя мама со своими детьми в гостях у матери и сестёр Пичугиных. Лето 1926 года

Настоящими крестьянами не становятся. Ими рождаются. Деревенские дети сызмала познают хлеборобский труд, знают цену куска хлеба. Любовь к природе, к родной земле, к своему месту обитания – малой родине, у них в крови. Настоящий крестьянин знает запах земли. По нему он определяет, когда надо сеять. Землю он чувствует, как самого себя. Так же отец с матерью воспитывали и нас, своих детей, готовя себе смену, растили будущих кормильцев. Но всё случилось не так, как они задумывали.

Мне было пять лет, когда моих родителей в мае 1931 года выбросили из родного дома под лозунгом раскулачивания, а практически за то, что они не вступали в организуемую коммуну, и в сопровождении конвоя отправили в ссылку на север за 1200 километров в томскую заболоченную тайгу, где и прошло моё детство. Но я до сих пор помню в мельчайших подробностях моё родное село и всё, что там было.

Помню, как мой отец сажал меня верхом на нашу кобылицу Серуху как он возил меня на Дутовскую водяную мельницу на речке Макаровке. Помню, как моя мама водила нас, целый детский «выводок», к своей матери и сёстрам на Зелёную улицу в воскресный день. Помню, как мы, ребятишки, ловили усачей в

речке Макаровке. Чётко помню, какая у нас была обстановка в доме: кухня, горница, в которой размещались восемь человек, отдельная комнатушка нашей бабоньки Устиньи Васильевны. И, конечно, отлично помнятся полати, куда нас, детей, забрасывали, как котят, на ночь спать.

Хозяйство родителей состояло из пятистенного деревянного дома, построенного самими родителями (площадью где-то 50–60 квадратных метров, раза в два меньше, чем наша квартира в Красноярске сегодня). В хозяйстве было две лошади – Гнедуха и Серуха. Первая была иноходцем. Было ещё две коровы, тёлка, свиноматка и шесть овец. Батраков у нас не было. Имелось также несколько гектаров земли возле сопки, выделяющейся на фоне села. Земля была каменистая и малоплодородная. Сеяли зерновые. Нередко из-за ранних морозов они не поспевали. В общем, жили натуральным хозяйством, как и все односельчане. Летом – земледелие, сбор грибов и ягод, осенью – заготовка кедровых орехов, рыбалка. Когда выпадал снег, начиналась охота на белку и соболя. Весной – поимка диких маралов для маральника. Зимой занимались извозом: возили грузы по ледяному Усу и Енисею до Минусинска. Жизнь проходила в труде и заботах круглый год.

Мои предки – первые жители Верхнеусинского

А сейчас от отца с матерью я хочу вернуться в более древние года – к самым истокам моей малой родины. И мне особенно приятно, что первые ростки на усинской земле пошли от «неволинских корней».

Одним из таких «корешков» был мой прапрадедушка по линии отца – Иван Яковлевич Неволин (по рассказам моих родственников, других сведений не имею). Он вместе со своими сыновьями Игнатием и Алексеем, а также дочерью Марией приехал на речку Ус в 1851 году. Вместе они и основали в ста километрах от «центра Азии», будущего Кызыла, старообрядческое поселение, названное позднее Усинским (ещё позднее оно разделилось на наше Верхнеусинское и Нижнеусинское – на другом берегу Уса). Облюбовали эти места за живописную природу, хорошие охотничьи и рыбные угодья, за яркое приветливое солнце и реки с прозрачной водой.

Путь в будущее Верхнеусинское был долгим и многотрудным. Старообрядцы шли сюда с Беломорья. Вначале они добрались до Урала и несколько лет жили в Пермской губернии, отовсюду гонимые за свою приверженность к старой вере. Далее в их странствиях были реки Тобол, Ишим и другие воды и горы. Но главное направление маршрута не менялось: годами крестьяне-староверы шли на восток, навстречу солнцу. Шли-шли и неизвестно, через сколько лет, наконец добрались до Минусинской котловины – до Енисея и Тубы, обосновавшись сначала в деревне Быстрой. Правда, и здесь они не почувствовали приволья. И здесь, как везде, власти притесняли их, не давали жить и молиться своему Богу, как хотелось.

Река Ус – приток Енисея

Всем известно, как столетиями истово русские раскольники искали Беловодье – свою землю обетованную. И Саяны оказались одним из немногих на земле мест, где старообрядцы это Беловодье нашли. Недаром уже несколько столетий до нашего времени в Саянских горах было много селений приверженцев «истинной древней» веры. Братьям Неволиным повезло оказаться в числе тех удачливых староверов-первопроходцев.

Большой порог на Енисее

Как это произошло на самом деле? Весной братья из Быстрой отправились вверх по течению по правому берегу Енисея. Пробирались пешком через труднопроходимые места, через пороги и скалы, питаясь тем, что могли найти и добыть в тайге. Тогда на их пути считался самым трудным и неприступным Большой Енисейский порог, но и его они преодолели. Пройдя порог, встретили впадающую в Енисей справа быстроходную горную реку. Пошли вверх по её течению, пока не добрались до Усинской котловины. Там и облюбовали для себя удобную стоянку, наметив её для будущего постоянного поселения. Осенью того же года братья сплавились на плотиках обратно по Усу и Енисею до Минусинска, а на следующий год двинулись со своим скарбом и домашними животными к выбранному месту.

Русских поселений здесь в то время не было, видели нескольких тувинцев.

От Усинска до Минусинска позже была проложена горная тропа 180 вёрст. По ней возили и почту: летом на лошадях, а зимой на лыжах. Колёсную дорогу в Усинск проложили в 1914

году. Строили её заключённые. Все земляные работы велись вручную. К строительству дороги привлекались и усинские мужики.

Первые поселенцы – старообрядцы жили плохо. Хлеб не родился. На низах он замерзал. Ели солодушку, лебеду, гнилушки. А потом стали корчевать березняк на склонах гор и террасах, пахать на возвышенности, создавать там пашни. И стал родиться хлеб. Хлебопашество, скотоводство, охота и мараловодство (с 1920-х годов) стали основными занятиями усинцев.

Землю после раскорчёвки пахали деревянным плугом, который везли четырьмя лошадьми, поскольку рельеф горный, а земля каменистая. Хлеб сеяли руками, жали серпами, молотили палками – «цепами». Мельниц не было. Зерно для муки толкли в ступах.

Одежду мастерили в основном сами. Полотно ткали из волокна, получаемого из льна и конопли, фуфайки вязали из овечьей шерсти. Бельё нижнее и верхнее было всё холстяное. Обувь шили из самодельной кожи: для мужчин так называемые бродни с длинными голенищами, которые подвязывали ниже колен, а для женщин короткие. Лишь в начале двадцатого века появились сапоги.

Женщинам запрещалось носить брюки или панталоны – грех! Зимой и летом носили только юбки, и они, бедные, работая на улице в морозы, мерзли и простужались.

В 1855 году наш прадедушка Трофим Иванович Неволин женился на Марии Яковлевне Черноусовой, и у них появились дети: три сына и три дочери – Моисей, Павел, Степан, Екатерина, Василиса и Елена. Трофим Иванович был неплохим плотником. Он одним из первых в посёлке построил пятистенный дом с надворными постройками, просторный амбар. Человек он был работящий. Любил охоту и рыбалку, зимой возил по найму груз в Минусинск для купцов, был лоцманом на Енисее. Терпел и бедствие на речных перегонах. Большой Енисейский порог не раз испытывал на прочность купеческие караваны. Был случай, когда все плоты разметало на брёвна и погибли все. В живых остался только наш прадедушка.

Мой дедушка Моисей Трофимович Неволин родился в 1870 году (ровесник В. И. Ленина – единственная деталь биографии, которая объединяла моего предка с пролетарским вождём). Бабушка моя по линии отца Устинья Васильевна Петрова родилась в 1875 году. Перед замужеством она жила в деревне Быстрой в пяти километрах от Минусинска. У неё было три брата: Артемий, Иван и Самойло, и три сестры: Федосья, Аксинья,

Анастасия. В 1894 году мои дедушка и бабушка поженились, и Моисей увёз невесту из Быстрой в Усинское. Через год у них родился сын Фёдор, но он рано умер – в четыре года. Затем появились сыновья Андреян, Павел и дочь Нюра. Вскоре и вся семья Петровых переехала в Усинское.

Наш дедушка Моисей Трофимович не любил ни охоту, ни рыбалку и больше занимался хозяйством, лошадьми. Он был совсем неграмотным. В 1905 году Моисей Трофимович со своим братом Степаном на лошадях поехал в Минусинск. Дедушка ехал по Енисею первым. Зимник замело, и дороги не было никакой. Кое-как зимний обоз добрался до Большого Енисейского порога. Кто-то крикнул сзади: езжай! Но только Моисей Трофимович со своими лошадьми выбрался на лёд, как льдину оторвало и понесло в незамёрзшую круговерть. Все вразнобой заорали изо всех сил: «Бросай лошадей, спасайся! Беги!»

Быстрое течение успело отнести льдину далеко от берега. Чтобы добраться до него, пришлось бросаться в Енисей и плыть. Люди на берегу поймали тонущего, помогли выбраться из кипящего ледяного омута. А лошадей вместе с санями унесло под лёд. Настоящая катастрофа для крестьянина! Но этим дело не кончилось. Хотя дедушку на морозе растёрли спиртом, как могли, он сильно переохладился, простудился, долго болел, когда его привезли домой, и так и не оправился – умер в 1906 году 36 лет от роду, оставив троих детей сиротами.

Жизнь по старинным канонам

Так мой отец Андреян Неволин восьми лет от роду стал главным, самым старшим мужиком в семье. Сам он родился в 1898 году. А двумя годами позже, в 1900 году, появился на свет его брат Павел, в 1904-м – сестра Нюра. Восемь лет, шесть лет и два года – таким предстало младшее поколение Неволиных перед будущей неизвестностью, безотцовщина, ничем не защищённое перед превратностями жизни.

Вся надежда была на родственников. Дедушка и его братья жили очень дружно. Сообща построили себе дома. Детей рано приучали к работе – боронить, пасти лошадей, гонять скотину на водопой, чистить глызы, быть погонщиками при пахоте (Гусевым), помогать при скирдовании сена и так далее. На детские игры оставалось совсем мало времени, но кому до этого было дело? Ведь так жили и все остальные дети. Хорошо ещё, что мой отец, как и мать, сумели получить двухлетнее образование, умели считать. И хотя они были малограмотными, большего для деревенской жизни не требовалось. А детские игры всё-таки не прошли мимо них: игра в бабки, лапту, городки, в почекушку. Дети катались на самодельных коньках и лыжах, ходили на ходулях, рано приобщались к рыбалке и охоте. Впрочем, это уже была следующая ступень – шаг к взрослой жизни.

Храм во имя Святителя Николая в Верхнеусинском. Разрушен в

1929 году

Ребятишки в деревне росли закалёнными, физически сильными, хотя и не всегда здоровыми. Ведь никакой медицины не было. Одежда у них была плохонькая, и они часто простужались. Нередко надсаживались при перевозке и переноске грузов, часто недоедали. И с самых ранних лет труд был спутником сельской детворы. Все рано приучались ездить на лошадях, учились их запрягать, седлать, завьючивать. Девочки сызмала водились с младшими братьями и сестричками, учились доить коров, печь хлеб, вязать одежду, работать на самопряхе и другим домашним делам.

У старообрядцев были свои религиозные каноны, правила поведения, которые неукоснительно передавались по наследству. Каноны нравственности – почитание родителей и приветствия по старшинству. Был обычай, по которому все мужчины не брились и носили бороды, волосы стригли под кружок. Идёшь по улице – обязательно со всеми здороваешься, снимая шапку. Дети при встрече низко кланяются старшим. Заходишь в любой дом – снимаешь головной убор. В каждом доме в переднем углу обязательно есть иконы, и когда зашёл, молишься, отдавая три поясных поклона, и говоришь: «Здравствуйте!» Тебе обязательно ответят, и лишь тогда можешь садиться и говорить. При прощании говоришь: «До свидания!»

Усинская тайга

Все большие и маленькие, взрослые и дети, носили поясок. Если пояска нет, тебя не пустят за стол. Когда садишься есть, должен помолиться – положить три поклона с молитвой. И когда поешь, тоже молишься, благодаришь Бога, и только потом выходишь из-за стола. Курить в доме не разрешалось никогда, даже гостю, – большой грех. В Усинском почти никто не курил, хотя здесь жили не только старообрядцы. Всего в селе насчитывалось семь религиозных направлений. И это при трёхстах дворах! Даже старообрядческих было несколько толков, несколько «церквей»: белопоповская, австрийская, окружная и другие.

Были и обычные православные – никониане. И даже баптисты. И никому они не мешали, а тем более друг другу. Каждый молился своему Богу. Споры между религиозными объединениями шли своим порядком, и каждый считал свою веру лучшей и справедливой. И только большевикам стали неудобны все верующие. И не просто неудобны, а враждебны: кто не с нами, тот против нас!

Во время постов и в постные дни – среду и пятницу – у старообрядцев молочное не ели даже маленькие дети. Перед сном все молились. Вставая утром, опять молились. Умоются, опять молятся. Поклонный начал – обязательно.

Но продолжу рассказ о сиротском детстве отца. Когда ушёл из жизни Моисей Трофимович, старшему из детей Андреяну, моему отцу, исполнилось восемь лет. Бабушка Устинья Васильевна растила троих сирот одна, замуж больше не выходила. Большую помощь ей оказывал брат дедушки Павел Трофимович Неволин. Дети почитали его, как отца родного. И всё-таки Андреян считался самостоятельным хозяином. Учился всё делать сам. Был занят делом с темна до темна и зимой, и летом. Зимой, правда, была ещё школа, но летом только работа.

После окончания двухлетней приходской школы отца отдали поучиться церковно-славянскому языку. Учил его донской казак Яков Дементьевич в избушке за рекой в Нижнеусинске. «Учебная группа» состояла из шести человек А. Неволин, В. Петухов, В. Осипов, В. Петров, Путинцев, Т. Михайлов. Им преподавали восьмиклассное крюковое пение октай, а также всю службу церковного старообрядческого богослужения.

В 1911 году умерла наша прабабушка по линии мамы, Мария Яковлевна. О дедушке по маминой линии у нас мало сведений. По рассказам мамы и её сестер, Евстигней Пичугин был среднего роста, крепкого телосложения, со скуластым лицом, энергичный и сообразительный. Сельское хозяйство он не любил и

практически им не занимался. Хорошо знал тувинский язык и монгольскую грамоту. Купцы нередко брали его переводчиком при выездах за границу и при проведении торговых сделок или в поисках угнанного тувинцами скота. Человек он был крутого нрава, любил выпить. Умер дедушка Евстигней рано, а бабушка Арина умерла в тридцатых годах. Жили они на Зелёной улице в Верхнеусинском.

Зимой усинские мужики продолжали ямщичить, возить грузы в Минусинск и обратно. На сани обычно брали 3–4 центнера груза и отправлялись за 500 вёрст в один конец. Обоз шёл со скоростью четыре километра в час. Через каждые 45–50 километров были устроены станки для отдыха людей и лошадей – десять станков по всему маршруту от Усть-Уса по Енисею до Минусинска. В летнее время этот путь преодолевался по воде, на плотах, но был он очень опасным, особенно у Большого порога. Много человеческих жертв и всякого добра принял Енисей за долгие годы ямщины.

Революция. НЭП

А годы тем временем шли да шли. Когда началась Первая мировая – «германская» – война, отцу исполнилось шестнадцать лет. Отцовский призывной возраст подошёл в 1916 году. Призвали и его послужить «царю и отечеству». До сборного пункта в Ачинске он добирался долго, через горные Саяны. Однако успел в свой срок. По своим физическим и умственным данным Андреян Неволин, как я уже писал, подошёл для службы в царской гвардии. Высокий, стройный, подвижный, темноволосый, с правильными чертами лица, не рыжий и не конопатый (это тоже учитывалось при отборе в гвардию), немного грамотный, что тоже было плюсом.

Но служить царю и отечеству отцу долго не пришлось. В феврале 1917 года «Божий помазанник» добровольно отрёкся от престола, и гвардию вскоре расформировали. Рядового Андреяна Неволина отправили дослуживать в артиллерию в действующую северо-западную армию. К счастью, он остался жив и невредим и после демобилизации снова вернулся на свою малую родину в Верхнеусинское, лучше которого на всей земле не видел и не желал.

Возвращаясь домой, демобилизованный солдат уже видел по пути начинавшуюся в России заваруху, организуемую противоборствующими политическими партиями. Перед отъездом из Петрограда в период демократического безвременья Андреян видел и слышал Троцкого на одном из политических митингов. Слышал и других большевиков, эсеров, анархистов и прочих горлопанов. Случайно довелось увидеть и арестованную семью царя, которую везли на восток, в Тобольск.

Был он и свидетелем неудавшегося наступления Корнилова на Петроград. И был безмерно рад, что смог целым выбраться из этой нервотрёпки и неразберихи и вернуться домой – к миру и покою.

Однако мирные дни продержались в Саянских горах недолго. Сначала туда пришли колчаковцы, потом красные партизаны Кравченко и Щетинкина. Колчаковцы выбили партизан из Верхнеусинского, и те ушли в Туву. Преследовать красных белые мобилизовали всех молодых мужиков из села и дали им бой в Белоцарске (будущем Кызыле). Но неожиданного для белого казачества и прочей белой гвардии красные наголову разбили их в Туве. Партизаны установили там Советы и распространили советскую власть на весь юг Енисейской губернии, включая Минусинск. В братоубийственных битвах прошёл весь 1918 год.

А жизнь между тем продолжалась. И именно в 1918 году состоялись помолвка и свадьба моих родителей – Ефимьи Евстигнеевны Пичугиной и Андреяна Моисеевича Неволина. Они были готовы устраивать семейную жизнь на долгие годы, несмотря на все невзгоды и препятствия. Для брака таких препятствий было два. Во-первых, вера жениха и невесты несколько отличалась одна от другой. Невеста была обычной православной (никонианской веры), а жених – потомственный старообрядец. А во-вторых, у Пичугиных ещё не вышли замуж старшие сёстры, и нашей маме полагалось дожидаться своей очереди.

Правда, со второй причиной всё быстро уладили, поскольку старшая сестра Ульяна решила вообще не выходить замуж, но вот с вероисповеданием пришлось долго мучиться даже после свадьбы. Мама никак не хотела переходить в старообрядчество. Ей было нелегко, ведь в доме всем правила свекровь с твёрдыми староверческими убеждениями. Бабонька до конца своей жизни в нашем доме ела из отдельной чашки, имела свою ложку и пила из отдельной посуды. Некоторая напряжённость так и оставалась долгие годы, когда дом был уже полон детей.

Закончилась, наконец, кровопролитная гражданская война, но зажжённое и раздутое ею пламя классовой ненависти и вражды не желало угасать: временами затихало и разгоралось вновь. Испокон века люди жили здесь по Божьему закону, надеясь только на свои рабочие руки, моля Господа Бога о здоровье и удаче. Теперь же бездельник, прикрываясь революционной риторикой и демагогическими лозунгами, своим имущественным неравенством, которое происходило главным образом из-за лени и пьянства, начал качать свои права и входить во власть. Беспортошный бродяга охотно и с большим рвением выполнял директивы советской власти по борьбе с зажиточным крестьянством. Шёл передел собственности. В результате бедные становились богатыми, богатые бедными. Откровенно проявлялись все дремавшие социальные пороки общества: тщеславие, карьеризм, жадность, корыстолюбие, недоброжелательность даже к близкому человеку.

Мой отец со своим родным дядей Павлом Трофимовичем. 1938 год

Внезапно грянувшая новая экономическая политика (НЭП) в какой-то степени стабилизировала общество, вернула людей к труду, сделала более привлекательным предпринимательство. И мужики поверили в добрые намерения новой власти. Так и мои предки захотели жить лучше. Начали раскорчёвывать залесённые места, увеличивая размеры пашен, лугов, сенокосов. Появилась сельскохозяйственная техника. Сообща покупали молотилки, железные плуги и бороны. На речке Макаровке построили водяную мельницу. Увеличивались табуны лошадей, стада коров. Развернулось строительство жилья и хозяйственных построек.

Дядя отца Павел Трофимович Неволин выделился со своим хозяйством и построил на Зелёной улице большой крестовый дом и хорошие надворные постройки. Впоследствии он был объявлен первым кулаком на селе и выгнан из родного дома со всеми ребятишками на улицу. Но кто мог ожидать такого в те годы, когда крестьянство только-только становилось на ноги после

жестокой гражданской войны? Людям свойственно надеяться на лучшее.

В начале 1920-х годов у нас в Усинском районе начался настоящий бум по созданию мараловодческих хозяйств. Инициаторами будущего мараловодства опять же стали Неволины – мои предки, заправские охотники. Сейчас кажется непостижимым, как мог человек оказаться сильнее дикого зверя. Вы только посмотрите, какие огромные тридцатикилограммовые рога (панты) носит на себе марал! И какой это сильный и выносливый зверь! Для того чтобы создать маральник, требовалось поймать зверя в горной дремучей тайге и привести его живым в загороженную зону. И вот такие смельчаки нашлись среди моих близких родственников.

Это целая история, и рассказывать о ней можно долго и увлекательно. Поймать живьём и привести в загон марала мог только очень сильный и мужественный человек. Отлов производили при глубоком снеге на лыжах зимой или ранней весной. Сначала отыскивали места обитания зверя, потом находили самые поздние следы и по ним преследовали марала до его полного изнеможения. Да и сами загонщики при этом выдыхались изрядно. Шли по маральему следу днём и ночью, пока зверь, наконец, не уставал и не ложился на отдых.

Усинский маральник. Отец кормит марала Пашку. 1928 год

А преследователю отдыхать было нельзя. Но где он мог взять силы для дальнейшего преследования? Охотники все дни гона питались сухарями, чайком и вяленым мясом. Преследование длилось сутками, причём процесс должен был быть управляемым. Зверя надо было гнать не дальше в горы, а постараться, наоборот,

выгнать его поближе к полянам и дорогам. И в этом единоборстве человек в конце концов оказывался победителем. Марал уставал, бессильно падал на снег, и на него накидывали петлю, привязывали к дереву.

Таким был первый этап. Далее же наступал длительный период приручения дикого зверя, его одомашнивания. Для того чтобы марал перестал бояться человека, ему приносили траву, вволю поили. А другие охотники в это время искали пути, как его доставить в маральник, прокладывали санную дорогу. Выводили зверя из тайги на длинных шестах спереди и сзади, чтобы он не мог забодать или смять человека.

А как только марал оказывался возле дороги, ему связывали ноги и сваливали на приготовленные на санях шкуры. Зверя тепло укрывали от холода и старались побыстрее довезти до назначенного места. Первое время животное держали в укрытом сарае или стайке, и лишь когда оно несколько осваивалось с неволей, пускали в общее маралье стадо.

Маралов разводили для пантов, которые шли на изготовление чудодейственного лекарства. В те годы панты охотно покупали китайцы, и за них дорого платили купцы. Таких маральников в 1920-е годы в Усинском было создано несколько, а самый первый из них принадлежал семьям Неволиных и Петровых. Впоследствии советская власть национализировала маральники и объединила в один. Он и сейчас существует, по Усинскому тракту по дороге в Туву.

В конце 1920-х годов выделился из нашей большой семьи и брат отца Павел Моисеевич вместе со своей супругой Ефросиньей Изотовной. Они перешли в новый дом, выстроенный всей семьёй, на Сахалинке – так называлась улица или переулок в Верхеусинском. Тетя Нюра – Анна Моисеевна – вышла замуж за Исаака Евсеевича Шарыпова и уехала в Кызыл, где её муж занимал высокую должность.

Таким образом, все дети Устиньи Васильевны, моей родной бабушки, определились со своими семьями, стали самостоятельными. Жить бы ей теперь да радоваться: ведь без мужа вырастила, и с таким трудом, хороших детей! Появилось у неё много внуков и внучек. У старшего сына Андреяна в семье родились Саша, Паша, Митя, Вася, Виктор, Маша и Дуся. У дочери Нюры родились Саша и Нина, у дяди Павла – сын Паша. К несчастью, оба Павла прожили недолгую жизнь и безвременно скончались. Какой-то злой рок тяготел над Павлами в наших семьях. Остальные дети выросли и прожили сравнительно долгую, хотя и не вполне благополучную, жизнь. О судьбе каждого я позже расскажу подробнее.

Уклад повседневной жизни старообрядцев мало изменился к концу двадцатых годов. Загороженное от всего мира Саянскими горами Верхнеусинское не очень-то воспринимало крутые изменения советского времени. В это-то более или менее благополучное для советского крестьянства «нэповское» время я и родился в родимом краю.

Анна Моисеевна Шарыпова со своими племянниками Василием и Дмитрием. Томск, 1939 год

Сие знаменательное для меня событие произошло 3 марта 1926 года. Роды, поскольку у нас в то время не было больниц, принимали в бане. Сам момент рождения, конечно же, не отложился в моей памяти. Но все остальные события, которые развивались при мне и вокруг меня, я помню с трёх лет. На всю жизнь я запомнил дом, в котором родился, обстановку внутри него, планировку комнат.

Жилая площадь нашего дома, наверное, насчитывала около пятидесяти квадратных метров. Она состояла из большой и маленькой комнат, а также большой кухни. В большой комнате, так называемой горнице, жила почти вся наша семья. Её красный угол занимали иконы. В комнате стояла большая кровать для родителей, сундук, широкая длинная лавка на всю стену и небольшой стол со швейной машинкой. Во второй – маленькой комнате, жила бабушка Устинья Васильевна. В большой кухне

была русская печь и рядом с нею широкие полати. В центре стоял большой кухонный стол, за которым все и ели. Кроватей у детей не было, спали кто где: на полатях, на полу, на потниках, на печке, на лавке. К дому со стороны двора была пристроена большая кладовая. За постройками на самом берегу Уса был огород.

Поля наши находились в 15–30 километрах от села: под сопкой и около маральника по реке Иджиму. Там стояли наши избушки, а вокруг них – изгороди.

Мы жили на главной улице Верхнеусинского, на верхнем её конце. Нижняя часть называлась «хохлацким краем». Недалеко от дома располагалась резиденция крупного купца Вавилина. В советское время в ней разместились магазин и склады.

Дома строились кучно. Земля была дорогой. Каждая усадьба отгораживалась от внешнего мира высоким забором – заплотом. Войти в дом можно было только через высокие деревянные ворота с калиткой, увенчанной козырьком.

Село Верхнеусинское по тем временам считалось крупным населённым пунктом, в нём было больше трёх тысяч жителей. Рядом с ним проходила государственная граница между Советским Союзом и Тувинской народной республикой (её присоединили к СССР как автономную область позднее, только в 1944 году). В нашем селе постоянно стоял пограничный отряд.

Насколько помнится из моего детства, наше село содержалось в идеальной чистоте. За этим следила община, и она же сама наказывала нарушителей правил. Управляли общиной выборные люди, причём работали они бесплатно, так сказать, на общественных началах. И был порядок не только в селе, но и в тайге, в поле и на реках. Так, сходом решались вопросы, когда начинать бить кедровый орех, когда ловить рыбу, собирать ягоду, выходить на охоту, устанавливались сроки их окончания. Велись общественные работы по строительству мостов, колодцев для воды с трудовым и финансовым вкладом каждого жителя села. Крестьянская общинность соблюдалась в Верхнеусинском до начала 1930-х годов.

Я, как и все дети нашей семьи, после рождения был крещён в местной старообрядческой церкви. Мне дали маленький железный крестик, который я носил на верёвочке до тех пор, пока в школе не появился запрет на ношение крестов. Но это было уже в ссылке. Потом этот крестик хранился у моей мамы в сундуке вплоть до её кончины и прихода в дом новой хозяйки – большевички. Не знаю, куда его дели, но мне его жаль до сих пор.

Из мальчиков я был последним в семье и отличался от всех своих братьев худобой, светлыми волосами и голубыми глазами

(один во всей большой семье). И нередко приходившие к нам люди спрашивали родителей: «А чей это мальчик у вас живёт?»

С малого возраста у меня была хорошая память. Если кто-то что-то в доме терял и не мог найти, обязательно спрашивали у меня, где лежит потерянное. Капризничать мне было не перед кем, тем более устанавливать свои правила игры, так как я был всех слабее и младше. Приходилось всё детство носить обноски моих старших братьев – так было заведено в наших бедных крестьянских и многодетных семьях.

Из детства, проведённого на моей малой родине, сохранились отдельные штрихи, глубоко запавшие в память. Помню, как мы рылись в ящиках около магазина, отыскивая крошки конфет. Помню, как я упал с телеги и по моей руке проехало колесо (к счастью, без последствий – видимо, земля была мягкая).

Как в Масленицу люди гуляли, как славили Новый год и рассыпали овёс. Как мы ездили на свою пашню под сопку и там копали солодку – сладкие корни, которые потом сосали.

И особенно запомнился случай, связанный с пожаром. Это было где-то в июне 1930 года. Стояла жаркая погода. Я украл в доме спички, оставленные мамой, и вместе с приятелем Гришей Ташкиным пошёл в стайку, где зимой держали коров. Сначала мы подожгли одну кучу соломы и сразу её затушили. Это показалось нам забавным. Тогда мы натащили соломы побольше и опять подожгли. Когда же пламя стало разгораться и мы уже не состоянии были погасить его (возник настоящий пожар), то, испугавшись, бросились бежать к реке Ус.

Пожар сразу заметили соседи и стали звать людей на помощь. Хорошо, что быстро подъехала пожарная машина погранотряда, а так бы сгорела вся центральная улица села. Дома стояли впритык один к другому, и улица вся полыхнула бы разом. К счастью, большой беды не случилось. Сгорела только стайка, другие строения удалось отстоять. Меня, конечно, выпороли. А потом сидящие на лавочках старухи показывали на меня пальцем, как на местную достопримечательность – на сорванца, который хотел спалить всё село. А уже находясь в ссылке, некоторые горько шутили: зря Витька не спалил село. Тогда бы мы не попали в ссылку, а жили бы как погорельцы в родном селе.

В семьях старообрядцев почти каждое обычное действо превращалось в священный ритуал. Вот как проходил, к примеру, обед. За длинный кухонный стол, обставленный с двух сторон длинными лавками, усаживалась вся семья. Для отца было отведено особое место. У каждого едока своя деревянная ложка местного изготовления. Вилок не было. Ели из одной большой миски. Отец начинал первым, и лишь после того, как он хлебнёт,

начинали есть все домочадцы. Но перед тем как усесться, каждый должен был положить три поклона перед иконой. Так же кланялись и крестились и после еды: слава Богу, что он тебя накормил! Никто раньше родителя не выходил из-за стола. За столом взрослые и дети должны были есть молча. Не разрешалось ни разговаривать, ни тем более шалить. Молоко, чай и другие напитки пили из глиняных или деревянных кружек. Мама обычно во время семейной трапезы за стол не садилась. Едва управлялась, чтобы всем вовремя положить еду. Уговаривать кого-то побольше съесть не приходилось – всё сметалось махом.

Вся еда была простой, деревенской: каша и супы из сибирских круп (просо, перловка, овсянка), капуста, картошка, мясо, молоко, сметана, брюква, репа, солёности. На зиму набирали ягод, орехов, ловили рыбу. В общем, всё было местное, произведённое и сделанное самими, за исключением сахара и соли, которые привозили тувинцы, и муки-крупчатки, закупаемой в Минусинске только на праздники. Сахар употребляли очень экономно. Его давали маленькими кусочками, только чтобы присластить чай. Больше пили, как говорится, вприглядку. Чай пили и с мёдом. В полевых условиях употреблялись сушеное мясо и вяленая рыба.

Все церковные и народные праздники старообрядцами соблюдались и по-своему отмечались. В воскресенье никогда не мылись в бане и не работали. В этот день даже повседневная домашняя работа считалась грехом, безусловно, наказуемым. На праздники запасали продукты, варили пиво, иногда самогонку (очень редко) и гуляли по несколько дней, пока не перебывают у всех родственников, не выпьют всё хмельное и пока их там не попотчуют как следует. Но запоев, как встречается сейчас, ни у кого не бывало. Перед праздниками заготавливали загодя корм для домашних животных. И уход за ними все дни гулянья не прекращался. Родство старались всемерно укреплять, помогая и выручая друг друга в трудные моменты.

Дорога в никуда. Ссылка

НЭП в России просуществовал недолго. Только крестьянин успел расправить плечи, только-только пробудилось в нём чувство собственника, предпринимателя, как началась новая политическая кампания по всей стране – индустриализация. Для её проведения нужны были огромные материальные, финансовые и трудовые ресурсы. Иностранные государства не горели желанием помогать стране инвестициями. Значит, для осуществления плана индустриализации нужны были внутренние возможности, и их нашли в деревне, в крестьянской среде.

Российское крестьянство было неоднородно, состояло из бедняков, середняков и зажиточных крестьян – кулаков. В деревне кулаков было единицы, и их к 1930-м годам или раскулачили, или они покинули деревню и растворились в городах. Стержнем крестьянства оставались середняки, и к коллективизации они относились очень осторожно. Они не хотели идти добровольно в коммуны и колхозы, им было жаль терять своё, хоть и маленькое, хозяйство, нажитое непосильным трудом. Тем более жить и работать с бедняками, которые в Сибири представляли собой или лентяев, которые не хотели работать, спали на печке и мечтали о хорошей жизни, или пьяниц, бездельников, которых самих нужно было кормить.

Руководство СССР того периода в коллективизации крестьян видело возможность решить две задачи: проведение индустриализации и объединение разрозненных крестьян в колхозы, чтобы ими было легче управлять. Но чтобы механизировать крестьянский труд, нужно было время, кропотливая работа на селе, включая экономические меры, а не только пропаганда и тем более репрессивные меры.

Крестьянин на Руси вечно был кому-то обязан, что-то должен. Раньше – помещику, теперь – государству. Но сам процесс коллективизации легко и продуктивно не шёл, и вот тогда и родилась идея ликвидировать кулачество как класс, в нём увидели эксплуататорский элемент, а в разряд кулаков попали наиболее работоспособные середняки.

В Верхнеусинском с конца 1920-х годов происходило всё то же, что и по всей России. Сначала голытьба создала коммуну, из которой ничего не вышло. Во-первых, в коммуну нечего было вносить, а во-вторых, там ведь надо было работать. Ни того, ни другого у «коммунаров» не было – ни средств, ни желания трудиться, и коммуна распалась. Всё съели и разбежались.

Но из центра продолжали поступать новые директивы. На сей

раз требовалось создавать колхозы. Никто туда добровольно не шёл. И для укрепления колхозной «материальной базы» решили выйти из положения за счёт зажиточного крестьянства, то есть просто ограбить его. Всех зажиточных объявили кулаками – злейшими классовыми врагами. Их хозяйства «экспроприировали», а хозяев с малыми детьми выгнали на улицу. А чтобы они не путались под ногами и не мешали строить социализм, всех вывезли в глухие, незаселённые и не пригодные для жизни места: пусть подыхают! Если же выживут вопреки всему, если же «исправятся», пусть тоже строят социализм по указанному образцу. И нигде не было найти защиты против такой бесчеловечности.

«Линию партии» в деревне проводили специально для этого созданные комитеты бедноты, и всякое уклонение от вступления в колхозы они рассматривали как подрыв революционной власти.

В апреле 1931 года верхнеусинских мужиков, не вошедших в колхоз, мобилизовали на общественные работы – на постройку плотов якобы для отправки на них зерна в Абакан.

Никто ещё не догадывался, что это был первый шаг в плане местных властей по высылке на север деревенских «кулаков» по заранее составленному списку. Никто не ожидал беды. Наша большая семья, как и другие прочие, жила размеренной жизнью. Взрослые работали от зари до зари, растили детей. Старшие дети учились, младшие готовились в школу. Отец работал на стороне: осенью занимался забоем скота в Минусинске, позже возил груз, ямщичил, а с наступлением весны готовился к посевным работам.

И вдруг поздним вечером, в середине мая, нам соседка по секрету сообщила: комитет бедноты утвердил список крестьян на высылку. В этом списке есть и фамилия Неволиных. Моя мать никак не могла поверить: ведь нас никто и никогда не относил к кулакам. У нас была обычная крестьянская семья и хозяйство, не подлежавшее никаким серьёзным налогообложениям. И посоветоваться было не с кем: отец в это время был мобилизован на строительство плотов. Так и прошла бессонная ночь, полная тревог и печали.

Маме вспомнился первомайский митинг, на котором секретарь райкома партии объявил, что всех кулаков сошлют на север. «И пусть они там копают себе могилу, а сегодня им пора сколачивать гробы!» Не верилось, что Неволиных включили в кулацкий «гробовой» список. Ведь мы никого не эксплуатировали, сами добывали себе хлеб. И вообще неизвестно, кто придумал такое слово – «кулак». Кулак в моём понимании – символ силы, мощи человека! Зачем придавать ему какой-то смысл мироеда, душителя людей? Сильный, хваткий, работящий человек – это

ведь опора любому политическому режиму! Зачем его уничтожать?

Взять хотя бы моего отца. Жил он в сиротстве. За всю свою жизнь не сносил ни одного порядочного костюма. Даже на свадьбу позаимствовал суконный пиджак с чужого плеча. До самой ссылки зимой, осенью и весной у него была одна-единственная одежонка: шабур – полупальто, сшитое из самодельного сукна, не теплее солдатской шинели (носили его с подпояской), и незаменимые бродни, тоже из самодельной кожи. Зимой лишь по праздникам надевал он уже не новые валенки.

Также и на ребятишках всё было самодельное, а нижнего белья не было вообще, не говоря уже о простынях, матрацах и подушках. Одевались мы по-крестьянски бедно.

Подготовка к высылке велась в глубокой тайне. Так всегда всё делали большевики, начиная от захвата власти. Они боялись, что крестьяне порежут свой скот, раздадут имущество родным и знакомым и им мало достанется от грабежа.

Отец приплыл на плотах в Верхнеусинское ночью 19 мая 1931 года, а 20 мая была объявлена высылка. Получилось, что мужики бесплатно горбились на строительстве плотов, и делали они их не для сплава зерна в Абакан, а для самих себя. Даны были сутки для сбора. И предъявлены требования: скот и всю живность в хозяйстве не забивать (всё сразу же описали), с собой брать вещей по пуду на одного человека и запастись едой на две недели. К каждому дому был выставлен стражник, чтобы ничего из дома не выносили и чтобы там не скапливались люди. Сообщили во всеуслышание, что обжалования действий властей не принимаются: таков революционный порядок. И остаётся тайной, куда повезут раскулаченных.

За нас никто не заступился. Проводить пришли только мамины сёстры (их не высылали). Вместе поплакали, попереживали. Родители растерялись: что можно было собрать в дорогу за отведённые сутки? Мама с бабушкой рыдали. Лишь дети вели себя спокойно. Да и кто здесь мог помочь? Нашу судьбу решили власти, и мы были в их полном распоряжении. Только и оставалось, что переживать.

По линии отца выселялись почти все родственники. Первым «этапом» ссыльных из села отправили около сорока крестьянских хозяйств из трёхсот дворов обоих сёл и окрестных заимок. Это было более 10 процентов населения бывшего Усинского района.

Что же мы всё-таки могли взять с собой в ссылку? В то время в семейном «капитале» было около 16 рублей, остальное составляли дом с постройками и домашний скот.

Старикам власть разрешала остаться. Нашей бабушке

Устинье Васильевне предложили уехать к «благополучной» дочери в Туву, но она категорически отказалась: «Поеду туда, куда гонят эти ироды моих детей и внуков!» Оставалось решить, что делать с самой маленькой дочерью Дусей. Ей исполнился только годик. Сёстры уговорили маму оставить девочку у них. Мол, когда устроитесь на новом месте, приедете и за ней. Думали, это будет скоро, но «скоро» длилось целых тринадцать лет.

Родители долго совещались, что взять из вещей и продуктов. Объявленные нам шестнадцать килограммов груза стали обязательным ограничением. Одежды хорошей в доме не было, кроме вещей мамы. Она принесла их в дом при замужестве. Забрали все овчинные шубы, потники (войлоки), на которых спали дети, две подушки, тёплое одеяло, самотканые половики, чугунную ступу, сковороды (одну из них мама мне подарила, когда я обзавёлся семьёй, и эта сковородка до сих пор хранится у меня как дорогая реликвия) и мясорубку, которая принадлежала двум семьям (нашей и тёти Фроси). А из продуктов брать было нечего: ржаная мука, пшённая (просяная) и овсяная крупа, масло, сушёное мясо. Свежее брать не разрешалось. Зарезали только куриц, потому что их не учли при описи. Да и сохранить мясо в жару было невозможно. В общем, пару недель можно было перебиться с семьёй с нашими продуктами.

В день высылки нас подняли рано. Предупредили о времени посадки на подводы. В тот день нам уже было запрещено заниматься хозяйством, поскольку оно теперь принадлежало государству. Как обычно, сели за стол, позавтракали и стали ждать команду на выход из родного дома. Всей семьёй прошли в горницу, помолились перед иконами. Молились очень долго. Всей службой заправляла бабонька. Потом убрали все иконы, завернули их в чистые новые полотенца и сложили в единственный наш сундук, который сопровождал нас потом всю ссылку, а после неё был привезён в Абакан. Женщины в горькие прощальные часы плакали. Отец же вёл себя мужественно. Успокаивал всех, не давая победить себя растерянности, был спокоен и рассудителен.

Перед выходом из дома по русскому обычаю расселись по лавкам перед дальней дорогой. Помолчали – и в путь!

Енисейский Большой порог

К каждому дому были поданы подводы для переезда к плотам, ожидавшим нас на левом берегу реки Ус в конце села. Провожать до места посадки пришли только родственники, остававшиеся в Верхнеусинском. Односельчане, когда мы следовали по улице, не вышли с нами проститься, украдкой наблюдали из окон и узких щелей высоких заплотов. На своей подводе нас провожали Пичугины. И сестрёнка Дуся уже находилась на их телеге.

Посадка и погрузка на плоты проходили уже быстро, по команде. К нам приставили охранников, вооружённых пистолетами и винтовками. Теперь без их разрешения нельзя было сделать ни шагу. С последними прощаниями были слёзы и рыдания, но и они остались позади. Отчалили от родного берега, и горная река стремительно понесла нас своими быстрыми водами. Замелькали знакомые горы, овраги, поля, леса, где когда-то охотились, рыбачили, собирали ягоду. Всё ушло в прошлое. Увидим ли мы ещё когда-нибудь свою малую родину?

Но, как говорится в народе, всякое зло бывает наказано, и на всякое злодеяние бывает Божья кара. У нас на ссылке говорили, что все те, кто грозил нам погибелью в Нарымских болотах, вся районная правящая верхушка, которая выселяла нас, в 1937–1939 годах была арестована, репрессирована и большей частью расстреляна. Круто расправился со своими псами правитель, которому они верно служили. Пожалели ли они перед смертью о совершённом деянии, раскаялись ли перед собственным народом на краю могилы? Вряд ли. Свою долю свинца получил и руководитель Западно-Сибирского края Роберт Эйхе. Это он планировал и распределял, кого и куда везти в ссылку и в каких каторжных условиях содержать невинные жертвы.

Но вернёмся к событиям мая 1931 года. По реке Усу наши плоты несло быстро. Ими управляли местные жители, которые хорошо знали каждый камень, находящийся на дне реки, каждый поворот, мели и перекаты. Через девяносто вёрст наш ссыльный караван доплыл до берегов Енисея.

В устье Уса все плотики были перевязаны в более крепкие плоты, укреплены. На каждом плоту был построен так называемый балаган – сруб-площадка высотой 1–1,5 метра для размещения людей и вещей, для более надёжного их сохранения при прохождении енисейских порогов и крупных шивер.

Другие, менее ценные, грузы находились прямо на плоту, все прочно привязанные. Здесь же была устроена и площадка для

костра. На каждом плоту было два крупных весла, на которых стояло по четыре-шесть человек: загребное носовое весло и кормовое для руления. На балагане во всё время плавания стоял лоцман, и его команды строго выполнялись.

На наш плот лоцманом был мобилизован наш сродный дедушка Степан Трофимович Неволин. Он был бездетным, хозяйства своего не имел, жил, как бурлак, на Енисее, и его никто не стал раскулачивать. И вот ему пришлось везти в ссылку своего родного племянника со всей семьёй. Позже его тоже забрали по линии НКВД, дали тюремный срок и выслали в Северо-Енисейский район.

Наконец все плоты отправились дальше по Енисею. Безостановочно доплыли до Енисейского Большого порога, где в своё время тонули мои дедушка и прадедушка. Енисейский Большой порог потому и назывался Большим, что он действительно был самым большим на Енисее и даже во всей России. Его длина больше трёхсот метров. Порог забит крупными каменными глыбами и имеет крутой уклон. И в нём всегда ходят огромные волны. В ложе реки большие скалы и уступы.

Пароходы не могли свободно ни подняться, ни спуститься по порогу: требовался туер, который поднимал суда вверх по течению только с помощью лебёдок. Правда, находились смельчаки, которые спускались вниз на плотах, и среди них был наш Степан Трофимович. Однако и он не давал гарантии, что проведёт плот безопасно.

Перед порогом с правого берега Енисея находилась длинная, но не широкая поляна. По ней проходила дорога для провозки грузов теми, кто не мог подняться и спуститься через порог. Вот к этой поляне и пристали все наши плоты, чтобы гребцы немного отдохнули, укрепили сами плоты и набрались духу снова двинуться в путь.

Перед отплытием все ссыльные – взрослые и дети – вышли на поляну коллективно помолиться. Достали из своих сундуков иконы. Молебен вёл наш родственник Василий Иванович Петров. Священника с нами не было, но, как говорили мои родители, с этими обязанностями он справился превосходно. И взрослые, и дети боялись смерти, боялись порога и просили Бога, чтобы он сохранил им жизнь в этом испытании судьбы.

Молились истово. Помолившись, смиренный народ пошёл на плоты. Я теперь часто вспоминаю то страстное моление людей. Здесь вместе молились люди разных вероисповеданий. И вот перед грозящей им смертельной опасностью они, наверное, впервые забыли о своих религиозных разногласиях.

И опять команда к отплытию. Перед отчаливанием лоцман

распорядился всё имущество и людей на балагане покрепче привязать к плоту, всех женщин и детей закрыть сверху брезентом, чтобы не было страшно и не было паники. Укрывали мужики. Меня отец тоже пытался закрыть, как и остальных братьев, маму и бабушку. Всем было велено читать молитвы, кто какие знал, чтобы Бог спас нас от погибели.

Я тоже читал молитву. Вернее, говорил, не помню что, но закрыться пологом так и не дался. Решился смотреть. И признаться, картина увиденного запечатлелась на всю мою жизнь.

Время было послеобеденное. Моросил мелкий дождик. Вокруг была какая-то дымка. Енисей на месте порога прорезал Западный Саян узким ущельем. Течение сразу становилось сильным. Наш плот вошёл в порог вторым после того, как скрылся из виду первый. Слышалась только команда лоцмана: бей вправо, бей влево! И так много раз. Потом команда: на балаган! Мужики по команде дружно выдергивают носовое весло из уключины, тянут его на плот и сами взбираются на балаган, все мокрые, сосредоточенные.

Никто не разговаривает. Плот неуправляем. Люди как будто привязаны к нему. Наконец весь плот носом ныряет в водную пучину – и всех омывает водой. На мгновение мы под водой. Потом снова видим свет. Плот стремительно несётся между скал. Вот впереди торчит из воды большая скала. И кажется, сейчас нас нанесёт на неё – и плот разобьётся. Плот разворачивает, и нас проносит всего в нескольких метрах от скалы. А дальше мы выплываем на широкий плёс. Течение замедляется, и все с облегчением вздыхают: «Слава Богу! Пронесло!»

Я, как любой мальчишка, не мог не похвалиться своим геройством. Мол, все были закрыты, когда плыли через порог, а я вот оказался смелым и всё видел! Но после очередной моей похвальбы отец с усмешкой заметил: «Смелый-то ты смелый, а штанишки-то у тебя оказались мокренькими». После такого замечания вспоминать порог я больше не стал, хотя понял, что отец пошутил: все мы в тот момент были мокрыми с ног до головы.

После порога люди повеселели. Глаза у всех заблестели. Да и как было не радоваться! Кто мог знать, утонем мы или нет в бурных водах Енисея? Все рисковали жизнью.

Вскоре нашли подходящее место, и плоты остановились на ночёвку. Развели костры. Стали готовить похлёбку, а бывалые рыбаки бросились ловить рыбу на уху. На душе полегчало. Начали общаться друг с другом, разговаривать. Но никто не пропустил «ради радости спасения» ни рюмки. Выпивки просто не было, хотя по такому случаю не грех было бы и выпить. А вот

старообрядческую молитву, которую бабонька тогда просила меня прочитать и навсегда запомнить, я действительно запомнил на всю жизнь.

В середине восьмидесятых годов перед началом заполнения Саяно-Шушенского водохранилища я с группой геологов из Минусинской экспедиции, Тувы и Хакасии собрался всё-таки посмотреть, где же меня когда-то везли в ссылку и что же всё-таки представлял собой Енисейский Большой порог.

Картина была неописуема! До чего красивы эти места от Саяно-Шушенской ГЭС вдоль Енисея вплоть до устья реки Ус! Не зря же старообрядцы столько лет добирались до этой жемчужины природы, как до земли обетованной. Енисей здесь течёт в узком каньоне почти прямолинейно. Вода кристально прозрачна, чиста. Справа и слева в Енисей впадают небольшие горные речушки, как правило, все рыбные. Доступ людей в эти места был ограничен в связи со строительством ГЭС.

Но вот мы приблизились к Большому порогу. У меня сердце бьётся чаще. Неужели, думаю, этот речной гигантский порог существует на самом деле таким, каким он мне запомнился с детства? На самом ли деле он такой большой и могучий в сегодняшнем моём понимании?

Уже за десяток вёрст до порога стал слышен шум воды. Русло Енисея становится уже, скорость течения возрастает. По данным речников, она достигает 40 километров в час.

В Казачинском пороге скорость Енисея – 18 километров в час. В русле появляются отдельные каменные глыбы. Берега скальные. Но мы ещё далеки от порога и идём вверх на двух лодках, надев спасательные жилеты.

Наконец подошли к главному сливу реки. Здесь и главный уступ речного ложа. Высокая волна. Всё кипит, бурлит и шумит. Не слышно человеческого голоса. А после узкого основного слива из-под воды торчит островерхая здоровенная каменная глыба – главное препятствие для движения судов по Енисею. Она не поддавалась никаким взрывам, а если кто попадал на неё, непременно тонул. Выше виднелись ещё несколько торчащих из воды скал.

Мы, конечно, не собирались преодолевать на своих лодчонках порог. Высадились на правом берегу ниже и пошли вверх между камней, пока не вышли на ту самую поляну, где в мае 1931 года ссыльный «кулацкий караван» справлял молебен перед тем, как отчалить на сплав к порогу.

Часовня на скале над Енисейским Большим порогом

На прибрежной скале была построена часовня из досок в память о погибших в пучинах енисейских вод. Мой коллега Юрий Викторович Шумилов, начальник Минусинской геологической экспедиции, захотел подняться по порогу на лодке, но я ему отказал. К чему эта бравада, неоправданный риск?

Все сидящие на скале геологи любовались пейзажем, а мои мысли были обращены к далёкому 1931 году. Я так и не сказал своим спутникам, что когда-то по воле судьбы проплывал этот ревущий порог на плоту. А сегодня мне просто жалко, что такое экзотическое чудо природы гидростроители спустили под воду Саяно-Шушенского водохранилища.

Советская власть всегда стремилась перестроить не только общество, но и всё вокруг. К большому сожалению, очень часто вместо пользы у них получалось наоборот. Нельзя ничего сделать красивее и лучше того, что сделала природа, как и нельзя построить хорошую жизнь, не зная истории, корней своих предков.

«Всюду жизнь!»

После Енисейского Большого порога люди, которые уцелели и не погибли во время страшного сплава, казалось, успокоились и смирились со своей судьбой. Все вели себя безропотно, спокойно, отдавшись воле Божьей, и молились не переставая днём и ночью. Могучий Енисей, вырвавшись из саянских скал, взял после порога стремительный разбег, нёс плоты быстро. Грести не было нужды, и через несколько дней мы причалили к левому берегу Енисея недалеко от устья реки Абакан. Здесь выгрузились на берег в ожидании новой команды. Куда нас везут, не знал никто. Маршрут следования по-прежнему держался в глубочайшей тайне.

Каким-то образом о прибытии каравана узнали наши родственники в Минусинске – Николай Ильич и Евдокия Васильевна Ермишины. Они переплыли Енисей на лодке и полдня провели с нами. Привезли немного продуктов, погоревали со всеми вместе, поплакали и вечером опять уплыли к себе домой.

Мы же несколько дней ждали на берегу прибытия вагонов для нашего дальнейшего следования. Наконец подошли подводы – на каждую семью по одной. Взрослые и старшие дети шли пешком, а на подводе располагались только вещи, маленькие дети и хозяин лошади.

Через весь Абакан нас повезли на вокзал. Самого города тогда ещё не существовало. Был обычный посёлок, грязный и пыльный. На вокзале стоял состав из телячьих вагонов. Их в основном использовали для перевозки скота, а теперь погрузили нас. Никто не чистил вагоны от оставшегося навоза. На скорую руку это пришлось делать самим ссыльным. Кое-как навели порядок. Устроили в вагонах двухъярусные нары. Затащили внутрь обрубленные железные бочки для параш.

Вагоны забили людьми, как говорится, под завязку – дышать нечем (на дворе был уже знойный июнь). Теперь нас везли на север. Открывать вагоны на станциях запрещалось, да и поезд останавливался не на вокзалах, а на железнодорожных путях на подъездах к ним. Единственный доступ воздуха был через маленькие окошечки-отдушины. Туда попеременно пробивались детские личики, чтобы глянуть, где едем. А пока смотреть было не на что. Однообразный пейзаж – степь да степь кругом. Таёжникам такие картины казались непривычными и странными.

Всегда, когда я вижу известную картину художника Николая Ярошенко «Всюду жизнь!» (1888), мне вспоминается наша поездка в телячьих вагонах. На дореволюционной картине изображён

товарный вагон на железнодорожной станции. Через зарешеченное окно люди смотрят на перрон, где гуляют голуби, а я вновь вижу наш арестантский вагон с той лишь разницей, что во времена Ярошенко заключённые могли свободно смотреть на мир через широкое окно (пусть даже и сквозь решётку) и дышать свежим воздухом. У нас не было и этого удовольствия.

В царское время всех заключённых, даже каторжников и убийц, обязательно кормили «на этапе» из казны. Мы же и этого были лишены. Нас везли на какое-то «политическое исправление», а питаться мы должны были за свой счёт. Никакая другая власть, кроме большевиков, не придумала ничего подобного.

Теперь, и уже надолго, нашим начальством стал комендант в форме сотрудника ОГПУ. В народе существовала своя расшифровка этой зловещей организации: «О, господи, помоги убежать!», а если читать в обратную сторону, то «Убежишь – поймают, голову оторвут». Коменданту было придано несколько сотрудников в форме рядовых ОГПУ. Мы их называли стрелками. Все они были при оружии и очень этим гордились. Любая отлучка за пределы лагеря или вагона – только с разрешения коменданта. А для оперативного управления ссыльными назначался староста. Он подчинялся непосредственно коменданту и организовывал хозяйственные и общественные работы, а в дальнейшем составлял списки на выдачу пайка. Комендант мог любого арестовать, избить, посадить в каталажку.

В вагоне днём невозможно было дышать от скопления людей. Несло и от параши, находившейся за холщёвой ширмой, несмотря на то что на остановках её выносили и чистили. У людей начались болезни, поносы. Проехали город Ачинск и стали гадать, куда нас повезут дальше: на восток или на запад? Наконец определили, что дальше путь идёт на Боготол, потом на Мариинск. Начальство ехало в отдельном вагоне и лишь на остановках проверяло, всё ли у нас в порядке.

Конечной железнодорожной станцией нашего пути стала станция Ижморка. Из вагонов выгнали всех на площадку возле вокзала. Станция была небольшая, с куцым бетонным перроном. Она и сейчас осталась прежней, такой же, как была. И опять на жаре мы ждали подвод, которые должны были везти нас дальше, а куда – неизвестно. Продукты у всех уже кончились, а государственного пайка нам пока не полагалось. Люди болели от недоедания и невыносимых дорожных условий. И пожаловаться было некому, да и бесполезно. Ссыльные – бесправные люди.

Дети днём играли на перроне, и машинист формировочного паровоза-«кукушки» любил давать перед нами гудки. Как только

машинист давал гудок, мы со страха падали на землю. А ему забавно было смотреть на нас, дикарей, и он снова гудел для собственного удовольствия.

Наконец лошади были поданы, на каждую семью по подводе. Телега напоминала голый рыдван, без всякой подстилки. Ямщики были народ злой. Их на эти дела мобилизовали госразвёрсткой, оторвали от своих хозяйств, и выполняли они свои обязанности скверно, срывая всё зло на нас. На замечания и просьбы отвечали матом или грубостью. В пути следования ямщики менялись. Лишь мы, изгои, оставались постоянными.

Конвой ехал на отдельной подводе и гнал нас, малолетних детей, пешком. Идя за телегой, отец подбрасывал на неё уставших ребятишек, а отдохнувших ставил в строй.

Прошли четыре дня пути по пыльной просёлочной извилистой дороге на север. Чувствовалось, что везут нас в необжитые места. Деревни встречались всё реже. Местное население к нам было настроено враждебно, видело в нас мироедов, настоящих кулаков, а у нас не было средств, чтобы приобрести кусок хлеба или крынку молока. Какие вещи были, их уже променяли на еду, а бесплатно никто ничего давать не собирался. В милостыне тоже отказывали.

Вот здесь-то мы действительно почувствовали, что живём как «свои среди чужих» или как «чужие среди своих». Оказалось, у нашей власти был мощный рычаг, как настроить общество против невинных людей. Вы найдёте ещё какой-нибудь народ, который бы мог так безжалостно относиться к своим соотечественникам, попавшим в беду? Ведь мы лучше относились к вчерашним врагам – немцам после войны, чем к своим. Я сам это видел и хорошо знаю. Сам помогал побеждённым немцам в их нелёгкой борьбе с голодом и разрухой. А здесь в мирное время свои люди стали врагами, изгоями общества.

Здесь, на изнурительном стокилометровом пути, у нас появились первые покойники. Их хоронили без всяких почестей. Сколачивали примитивные гробы, на ходу отдавали христианские почести умершим и двигались дальше.

Наконец снова достигли реки Чулыма, который впервые переезжали в районе Ачинска. Тут же на левом берегу, на большой поляне, нас выгрузили. Повозки сразу умчались, а мы, холодные и голодные, остались ночевать. И сразу почувствовали на себе, на что способны тучи томских комаров. Рядом были кустарники. Место не проветривалось. Из нас буквально высасывали кровь. В нашем Верхнеусинском комаров было очень мало, и никто из нас не привык к подобным истязаниям и не имел средств для борьбы с кровососами. За ночь нас прямо съели.

Пытались спастись от напасти, но как? Закроешься с головой – становится жарко, нечем дышать. Да и худенькую одежонку летучая нечисть прокусывала насквозь.

На другой день осмотрелись. Оказалось, что мы находимся двумя-тремя километрами ниже по течению Чулыма от районного села Зырянки. Наше беспрерывное движение на север приостановилось из-за сильного разлива Чулыма. Надо было ждать, когда осядет вода. Ждать, так ждать! Развернули палатки. У кого пологов не было, стали делать шатры из веток. Кто-то вырыл землянки на высоком берегу.

Здесь нам впервые выдали продовольственный паёк, состоящий из ржаной муки, растительного масла и солёной воблы. Поскольку не было никаких печек, из муки поначалу делали баланду. Потом кое-как сляпали примитивные глиняные печки и принялись печь хоть плохой, но хлеб.

Возле Зырянки к нам прибавились такие же горемыки – ссыльные из Хакасии. Хакасы были, видать, из зажиточных: в хорошей яркой длиннополой одежде с бусами, с золотой расшивой. Все с косами. И обувь у них была ладная. Они стояли отдельным табором неподалёку, и дети ходили на них смотреть. Поразило, что в хакасском таборе и не подумали ничего делать наподобие сортиров. Наши мужики сразу, как только разгрузились, выкопали ямы и сделали туалеты, а хакаски «ходили до ветру», где им приспичит. Присядут на корточки, сделают своё дело и пошли дальше. Всё у них закрыто длинной и широкой одеждой. Наши над ними подсмеивались. Что с них возьмёшь? Таков был у них обычай – дети степей и кочевой жизни!

Примерно через неделю уровень воды в Чулыме спал, и нас всех перевезли на правый берег для дальнейшего следования. И опять та же разбитая просёлочная дорога. На телеге сидеть было невозможно. Первая длиннущая деревня по пути – Змеинка. Ринулись просить подаяния, но не тут-то было. Требуют деньги или вещи на обмен, а у нас ничего нет. Всё уже променяли в Зырянке.

Дальше дорога шла в основном лесом. Глушь несусветная, лишь местами попадаются поля, которые готовят к посеву. Второй деревней на пути была Калиновка, а за нею небольшой эстонский хутор Линда. За хутором входим в зону тайги, где перемежаются елово-пихтовые, берёзовые, осиновые и кедровые леса.

Просёлочная дорога круглогодичного действия кончается, становясь узкой, по ней может проехать только одна телега, да и то только в сухую погоду. Так продолжается километров тридцать-сорок. Остаются в памяти уплывающие за нами

деревушки: Волынка, Киселёвка, Зимовское. За Зимовским дальше на северо-восток шла только таёжная тропа, по которой зимой на санях добираются до самых глухих деревень: Гришино, Богданові®, Килинки.

Картина, конечно, представлялась жуткой: тебя обступал сплошной лес, и только вверху виднелось небо, как в горах между скал. Почва крутом была болотистая. Вокруг рои комаров и мошки. Они просто съедали людей заживо. От гнуса здесь тоже не было покоя ни днём, ни ночью. В наших Саянских горах, конечно, тоже бывала сия летучая саранча, но ночи там холодные, и поэтому хоть ночью от этой заразы можно было отдохнуть.

Под конец испортились отношения между охраной, возчиками и ссыльными. Нам грубили, нас материли, иногда даже применяли рукоприкладство. Отстававших толкали в спину, всячески обзывали. Так, один стрелок толкнул маму за то, что она держала меня за руку и отстала от подводы. Досталось и мне. Он так меня пихнул, что я полетел кубарем. Вмешался отец, и стрелок присмирел.

Дальше деревни Монастырки дороги не было. Ссыльным надо было делать её самим. Впереди шёл отряд с топорами и пилами. Мужики прорубали просеку, строили временные мостики, гатили болота и потихоньку пробирались к точке, кем-то намеченной на карте как место поселения. Теперь в пути ночевали, где застигала ночь, лишь бы рядом была вода. И так прорубались по тайге целых сорок километров. Питались теперь таёжными дарами. Ели черемшу, пестики, марьи-ны коренья, саранки, жевали кедровую серу, лишь бы как-то утолить голод.

Жить, чтобы выжить

«Вот здесь ваша и погибель!»

Наконец в самом что ни на есть заболоченном месте с чахлым березняком и осинником старший скомандовал: разгружайся! Все возмутились: здесь же гиблое место! Ответом было: не рассуждать! Не ваше собачье дело! Ямщикам была дана команда сбрасывать вещи и уезжать. А те и рады – наконец-то избавились от нас! Быстро сбросили вещи, подстегнули лошадей и дёру! Обратная дорога-то легче! Есть проложенный след.

А старший ОГПУ, который вёз ссыльных, напоследок сказал: «Вот здесь ваша и погибель!» Сказал, хлестнул свою лошадь и тоже скрылся из глаз. Уехали все «официальные лица», даже стрелки, и мы остались одни на чужбине, в глухом заболоченном лесу.

Солнце к тому времени перевалило уже далеко за полдень. Мы были предоставлены самим себе. И как только нас сбросили с подвод, запричитали женщины, заревели, заплакали дети. Рёв и стоны сотен людей, казалось, впервые разбудили эту глухую, вечно дремавшую тайгу. Отчаяние и страх перед погибелью наполняли наш невольничий табор до самой глубокой ночи. Лишь под утро всё затихло. Усталость повалила людей в сон прямо на земле. Каким бы страшным ни был, а всё же закончился наш мучительный, более тысячи вёрст, маршрут ссылки.

Когда-то наши предки-старообрядцы, гонимые царским правительством, пришли обживать Саяны по собственной воле. Теперь уже «народная» власть, как тогда называлась «власть рабочих и крестьян», силой погнала нас обживать томские болота и тайгу в порядке исправления. Но от чего было «исправлять» несчастных крестьян? От малого их достатка? От приверженности к Богу и древним святыням? Можно ли было за это карать? Оказалось, можно.

Может быть, я позабыл многих своих земляков. Ведь мне было всего-то пять лет, а моим родителям ещё не исполнилось и тридцати трёх лет – «возраста Христа», но давние картины зрительно сохранились передо мной на всю жизнь.

Я видел, как сбрасывали с телег на землю стариков и ребятишек. Помню тот ужас, который охватил всех сосланных, брошенных на произвол судьбы в гнилом болоте. В моих ушах запечатлелись плач и рыдания людей, оставленных здесь на верную смерть, на вымирание.

Пока женщины плакали и проклинали своих губителей, мужики собрались в круг и стали думать, как выжить с семьями в глухой тайге. Первым делом выбрали старосту – самого

уважаемого человека, и его помощников.

Конвой уехал. Сбежать отсюда никто не смог бы. Бежать на север, восток и юг – это смерть. Сплошная тайга и болота. Не выберешься: погибнешь от голода или тебя задерёт медведь. Прорубленная в тайге просека вела через две реки, где были установлены посты вооружённых людей. Обойти их трудно, да и местное население настроено к ссыльным враждебно. Заметят чужого – сразу донесут или заловят сами. Поэтому мыслей о побегах в первые дни ни у кого и не было. Значит, надо было любыми средствами бороться за жизнь там, куда тебя определила советская власть.

Непосредственные представители этой самой власти появились на другой день в лице коменданта в форме работника ОГПУ и стрелков, тоже вооружённых. Зачитали нам требования властей и объяснили условия содержания. Привезли всех сюда надолго для перевоспитания капиталистических и эксплуататорских элементов. Срок пребывания не ограничен. Устраивайтесь, как сможете. Раскорчёвывайте тайгу, стройте дома. Будете пахать и сеять. На первых порах ссыльным будет выдаваться паёк на каждого работающего и на иждивенца. Кто не пожелает работать, лишается пайка.

Сегодня я не вспомню, что входило в тот паёк. Но бывалые люди говорили, что в тюрьме кормили гораздо лучше. Помню лишь, что давали ржаную муку, солёную воблу, немного растительного масла, овсяной и пшеничной крупы и соль. Сахара в рационе не было. Продукты начали давать лишь через несколько дней после того, как нас выбросили в тайгу.

Режим определили строгий. Запрещалось покидать расположение поселения. Если кому-то требовалась экстренная помощь, все проблемы решались только самим комендантом.

Самым страшным оказалось, что нас выбросили далеко от реки. В пятистах метрах от поселения была заболоченная, слабопроточная речушка. Называлась она Сухоречкой, и будущий посёлок назвали её именем, или Усинским. Сволочи – даже воды, и той лишили людей, как будто нельзя было определить нам место для проживания возле реки с проточной водой. Всю жизнь все сосланные пили только саянскую, чистую родниковую воду, а эта зловонная болотная жижа вызывала отвращение. У людей сразу начались поносы, расстройства желудка. Таким образом, приходилось нам начинать новую жизнь, намеченную сосланным в болото советской властью, без воды и без пищи.

Кругом горели костры. Люди очищали пространство для нового поселения. Главной задачей была раскорчёвка леса для строительства бараков, чтобы как-то перезимовать под крышей.

Лошадей не было. Всё делалось вручную. Люди объединялись для возведения бараков семейными, родственными кланами. Времени до зимы оставалось мало, и три семьи Неволиных – двух Павлов и Андреяна – рассчитывали приготовить себе для житья одну хибару на всех. Хибара напоминала собой охотничью избу из неошкуренного елово-пихтового леса на мху площадью около 25–30 квадратных метров. И на этой жилой площади должны были ютиться около пятнадцати человек!

Были устроены нары в три ряда. Стояла железная печь. За ширмой из холста было отведено место для умывания. Посреди комнаты располагался сколоченный из тёсаных плах обеденный стол. Свет в жилище проникал через два небольших окна, поскольку стекло было в большом дефиците. Освещался «дом» коптилкой, изготовленной из сала зверьков. Пользовались мы и лучинкой, как в стародавние века. Огонь добывали кресалом, спички берегли. Несмотря на большую скученность, у меня почему-то не отложились в памяти от того времени ни ссоры, ни ругань, ни, тем более, рукоприкладство среди проживающих.

А пока не переселились все в бараки, жили, кто как придётся. Имевшие палатки – в палатках. Другие сделали из бересты шатры и обложили их дёрном. Некоторые пытались жить в землянках, но поскольку местность была заболоченной, их заливало подземной водой.

Старообрядцы – народ чистоплотный. Первым делом отвели места для уборных (тогда их называли сортирами). Они были изолированными и по-таёжному чистыми. Построили примитивные бани с парилками. Когда начали выдавать паёк мукой, многие делали печки в земле для выпечки хлеба. Но с печками были свои сложности из-за заболоченности почвы. Остальные обходились мучной баландой.

С первых же дней появились умершие. Пришлось искать место для кладбища. Церковную службу не вели, но в каждом бараке или шатре в переднем углу установили божнички с иконами. Молиться в те времена старообрядцы никогда не переставали.

Работа кипела днём и ночью. Все понимали: не подготовишь жильё к зиме, погибнешь с первыми морозами. Посёлок круглые сутки был весь в дыму. Корчевали лес и сжигали остатки. За счёт дыма было меньше комаров.

Через некоторое время к нам в таёжную глушь, где мы были первопроходцами, доставили ссыльных «эксплуататоров» из других районов Енисейской губернии. Сначала привезли «кулаков» из Бирилюсского района, и вновь образованный посёлок назвали Бирилюсским. От Усинского его отделили

двухкилометровой полосой. В тот же год привезли бывших «эксплуататоров»-кочевников из Аскизского района Хакасии. Их тоже разместили строго через два километра от Бирилюсского посёлка без учёта местного рельефа. Участковую комендатуру устроили у бирилюсцев, поскольку они оказались в центре.

Оказывается, властями заранее было продумано создание в таёжной глуши своеобразного центра расселения «бывших». Наш участок состоял из трёх посёлков и назывался Третьим. Далее, десятью километрами западнее, появился Второй участок – тоже из трёх посёлков, в полутора километрах друг от друга: Берёзовский, Осиновский и Курагинский.

Ещё на десять километров дальше возник Первый участок из трёх посёлков: Чичкаюльский, Каратузский и Трудколония, тоже через полтора километра один от другого. Как чётко была обозначена дислокация нового владения НКВД! Всех вместе нас называли сибулоновцами, а проще – спецпереселенцами. «Сибулон» расшифровывался как «Сибирское управление лагерями особого назначения».

Сама же управа – районная комендатура – находилась подальше от узников: в 110 километрах от Третьего участка, в селе Пышкино-Троицкое на реке Чулым. У неё, кроме нас, имелась и другая зона в низовье Чулыма – Батуринская. Там в основном занимались лесозаготовками. Местных комендантов за неудобное расселение винить было нельзя. Всё было спланировано заранее на уровне руководства Западно-Сибирского края в Новосибирске и, безусловно, одобрено в Москве.

Спецпоселение
Новокусковской районной спецкомендатуры
Сибирского управления лагерей особого назначения
(1931–1948 гг.)

I участок. Посёлки Чичкаюльский, Каратузский, Трудколония и Евстигнеевский (для цыган).

II участок. Посёлки Берёзовский, Курагинский, Осиновский.

III участок (Сухореченский). Посёлки Усинский, Бирилюсский, Аскизский и Кедровый (новый контингент — 1933–1934 гг.)

Спецпоселение создавалось в дремучей томской заболоченной тайге в 110 километрах от районного центра.

Расстояние между участками — 10 километров.

Расстояние между посёлками — 1,5–2 километра.

Спецпоселение находилось в 15–20 километрах от местных деревень Богдановки и Монастырки.

Зима 1931–1932 годов была весьма суровой, тяжёлой и ущербной для всех узников, привезённых сюда. Трудности были во всём: в едва приспособленных для жизни бараках, в которые мы только-только успели войти с наступлением зимы, в отвратительном продовольственном снабжении.

Пайки, которые нам давали, не обеспечивали существования даже совершенно не работающего человека, а ведь нужно было ежедневно вкалывать на сорокаградусном морозе, на себе возить дрова, воду. Хозяйства у ссыльных в ту зиму не было никакого, и жили мы далеко от населённых пунктов, связь с которыми не поддерживалась – была запрещена. И почти каждый день начинался с похорон. Люди болели, а медицинской помощи не было никакой. Дети не учились.

Мы стали писать во все инстанции, требовали объяснения, за что, собственно, нас сослали? Ведь никто из здешних мучеников не жил зажиточно и никого не эксплуатировал. Единственным общим богатством можно было считать, что в каждой семье было полным-полно ребятишек. Если же кого-нибудь из посторонних нанимали в страдную пору на уборку урожая, то работу оплачивали по закону, а постоянных работников не было ни у кого. Все сосланные были в полном смысле голодранцами, а никак не эксплуататорами. Зачем же всех надо было без суда и

следствия ссылать с семьями в столь отдалённые края?

Но на все наши письма, жалобы и протесты власти не отвечали или сообщали отказом пересмотра дел. «Всесоюзный староста» М.И. Калинин, по-видимому, видел абсолютную правильность принятых мер по отношению к нам. Да этот приспособленец впоследствии даже не защитил собственную жену от ареста и заключения.

А наша борьба за существование продолжалась. На первых порах на семью давали шесть-восемь стаканов ржи. И вот все стали делать деревянные ступы, чтобы истолочь в них зерно после просушки. Приспособили, как для зыбки, рычаги, гибкие деревянные шесты, чтобы не подымать пест вверх, а только направлять все усилия вниз. Чтобы увеличить пищевую массу, в зерно добавляли берёзовые опилки, кору или труху от старых деревьев. Хлеб пекли, кто как приспособится, но везде он был отвратительным, невкусным. А что сделаешь? Чтобы не умереть с голоду, ели и такой. На зиму заготовили черемшу и кедровую серу – «жвачку», которую жевали, чтобы хоть немного утолить голод.

Запомнился мне случай того времени. Тётя Фрося и её муж (у них не было детей) как-то изворачивались и пекли хлеб без добавки коры. Однажды Фрося принесла мне как гостинец ломтик чёрного ржаного хлеба, и я, экономя, носил его в кармашке целую неделю, откусывая помаленьку, по крошке. Когда я спал, мама взяла починить мои штанишки и нашла этот маленький, со всех сторон облизанный детскими губами, как конфета, чёрный кусочек хлеба. Я нечаянно проснулся в эту минуту и увидел, как мама плачет с тем самым кусочком в руках. Плакала она от бессилия, что не может покормить даже чёрным хлебом своих детей. Наверное, с тех «ссыльных» лет у меня на всю жизнь осталась привычка не съедать всё хорошее сразу, а приберегать на потом, растягивать удовольствие во времени.

Как бы ни было трудно, старики быстро смирились со своей злосчастной судьбой. А вот молодёжь смириться не могла. Сколько было тогда побегов из запретной зоны! Молодых ловили, снова привозили сюда же, строго наказывали. Непокорных для острастки других сажали в каталажку, били. А они снова бежали. И говорили стражникам, что в тюрьме гораздо лучше, чем «дома». Там хоть плохо, но кормили.

В наших подневольных посёлках превыше всего была власть коменданта. И комендант пользовались ею на всю катушку с каким-то садистским остервенением, издевались над людьми. Был такой случай. Комендант Магуренко уличил одного парня, Ваньку Шишкина, в воровстве буханки чёрного хлеба и решил его

собственноручно наказать. У этого Вани с умом было что-то не совсем в порядке, летом ходил в шубе и шапке. Об этом все на участке знали и относились к парнишке с состраданием и пониманием.

И вот комендант подвёл провинившегося к срубу строящегося барака и велел ему залезть наверх. Ванька залез и ждал дальнейших приказаний. А Магуренко достал из кобуры наган, который всегда носил с собой, прицелился в «преступника» и выстрелил. Ванька комом упал со сруба на землю. Комендант подошёл к нему, пошевелил ногой тело и спросил: «Ты жив?» Обезумевший от страха парень только мычал и дрожал. «Живой, значит? Ну, видно, я просто плохо целился! – пошутил комендант, – Лезь обратно!»

Ванька подчинился и снова залез на сруб. Сцена повторилась. Магуренко выстрелил второй раз. Ванька опять свалился на землю и со страха обделался. Пришли близкие люди, увели под руки бедного подростка, оставив садиста наслаждаться совершённым. А Ванька заболел после того от перенесённого потрясения и вскоре умер.

За отвратительной сценой наблюдали мужики. И никто не заступился за больного несчастного парнишку. Дали палачу расправиться со своей жертвой, как он хотел. Такая безнаказанность только умножала издевательства над поднадзорными, вела к новым преступлениям.

В нашем бараке у каждого был свой угол. На верхних нарах размещались мы, пять ребятишек. Нас опекала бабонька. Общая детская постель состояла из домотканых половиков, сухой травы и пихтовых веток. На всю семью из восьми человек было две подушки – у мамы и бабоньки. Одеял не было. Закрывались, чем придётся. Даже сена и соломы достать было негде. В глухой тайге мы и не могли сделать себе мягкой постели.

Я тогда был сильно набожным мальчиком, и за это бабонька меня любила и жалела больше других. Она сумела мне внушить, что есть Бог на небе, и он всё видит и знает о тебе. И сокрушается, когда ты нарушаешь Божьи заповеди. Поэтому, если ты согрешил, нужно просить у Бога прощение, что я и делал. Вдвоём с бабушкой мы молились утром и вечером до усталости, соблюдали все старообрядческие каноны. Если вся наша семья, когда удавалось, ела конину или зайчатину мы категорически отказывались, поскольку староверам можно было есть только парнокопытных животных. И поэтому мы с бабонькой оба были страшно истощены, а всякие уговоры родителей на меня не действовали. Моё тело просвечивалось, а ребра так выпирали, что братишка Вася издевался надо мной, постукивая по ним, словно

играл на клавишном музыкальном инструменте. Я же был непреклонен. И наша дружба с бабушкой продолжалась всю её жизнь, пока она была жива.

Бабонька сильно хотела, чтобы я, когда вырасту, стал священником. Она была совершенно неграмотна, но когда я пошёл в школу, вместе со мной начала учиться читать и к своим шестидесяти годам вполне освоила чтение. У неё был философский склад ума. Она была мудрой женщиной, вечной труженицей. Пусть земля ей будет пухом!

Зимой в нашей семье наступило критичное время. Есть было нечего. Дети от недоедания и плохой пищи болели желудком, поносами, цингой. Летом выручала черемша, но к весне она кончилась. Кончились и кедровые орехи. Продавать или менять из вещей тоже было нечего. И вот родители решились на последнее. Оставались три чернёные овчинные шубы: у отца, мамы и бабоньки. Но ведь и без них тоже нельзя было жить. Ими укрывались, в них ходили на улицу. И всё-таки родители решили их продать. Бабонька предложила продать и свою, но ей отказали.

Ночью, крадучись, отец с напарником покинули Сухоречку и пошли в ближайшую деревню поменять там шубы и другие вещи на что-нибудь съестное. Они выменяли шубы на двух старых лошадей, настоящих одров. Той же ночью привели их в Сухоречку и забили. Эти лошади спасли нашу семью от погибели.

Конское мясо подкрепило здоровье семьи, но маму больше других беспокоил я. Был я сильно худой, бледный, но, несговорчивый, есть конину так и не стал. Но теперь семья могла нам оставлять от своего пайка, отрывая от себя, сколько можно, солёную рыбу и растительное масло, которое мы ели с крошками хлеба.

Помню, как мужики решили использовать для пользы дела и шкуры забитых коней. Их решили выделать для пошива обуви и стали вымачивать в бочке в бараке, где жили сами. Вонь от шкур была невыносимая. Все чертыхались, но терпели. Ведь не век же будешь ходить в обёрнутых онучах. А обувь, взятая из Верхнеусинского, уже износилась. И то её хватило надолго. С нею мы перезимовали первую зиму в ссылке. Берегли, на улицу выходили редко.

Кругом дремучая тайга, не видно ни одной птички. Правда, несколько раз прилетали глухари и садились прямо на бараки. Но ни у кого не было ружей. Власти боялись, вдруг кого-то постреляют.

А ведь можно было всех накормить мясом лосей и медведей, которых в лесу было много. Да и настоящих охотников среди ссыльных хватало. Но никого в советской стране, в «народном

государстве», не интересовала судьба сосланных на погибель в глухую тайгу несчастных людей и их детей. Местное начальство, наоборот, стремилось показать верхам, как они могут держать людей в полном повиновении, при жестоком режиме. Никто не протестовал. Все заняты, все работают. Можно было рапортовать о полном благополучии в неблагополучных поселениях.

Но не только конское мясо помогло семье Неволиных выжить. Для этого потребовалось всё трудолюбие и характер староверов, их предприимчивость, знание тайги, умение взять её «дары», вера в человеческие силы и возможности.

Великий русский писатель Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат» сравнивает жизнестойкость кавказцев с репейником, крепко держащимся за родную землю. А я бы сравнил жизнестойкость старообрядцев с багульником, растущим в Саянских горах. Вы посмотрите, как он растёт на голых скалах, где, казалось бы, совершенно не за что зацепиться и неоткуда тянуть жизненные соки. Ни влаги, ни земли, а почувствуйте, какой у него дурманящий запах! И как он красиво цветёт – ярким малиновым цветом. К тому же багульник – лекарственное растение, полезен людям. Недаром же этот кустарник имеет охранную грамоту. Но выручили нас, спасли от гибели, в основном, берёза, кедр и черемша.

Сибирская берёза! Сколько в ней прекрасного и полезного! Даже трудно перечислить. Берёза, пожалуй, самое красивое русское дерево. Она отличается и стройностью, и цветом коры, своей кроной, олицетворяющей Россию. О пользе берёзы для человека трудно и в сказках сказать, и пером описать. В ней всё нужно и полезно в полном смысле слова, начиная от весенних почек и кончая корневищем. Весной, когда ещё не полностью растаял снег, мы пьём берёзовый сок – вкусный и полезный, набирая с одного дерева до ведра. А через какой-то месяц на берёзовом стволе появляется густослойный сладкий лигнин, более сладкий и вкусный, чем сок.

Береста с берёзы пригодна не только для временных укрытий от дождя и снега, но и для изготовления домашних туесков, разнообразной посуды – солонок, стаканов, чашек, хлебниц, кошёлок, различных украшений в человеческом быту. Кору берёзы после её измельчения мы добавляли к муке при выпечке хлеба. Тутовый гриб, растущий на коре берёзы, – чага, служит лекарственным средством от многих болезней.

Из берёзы изготавливают дёготь, широко используемый в крестьянском хозяйстве и незаменимый как средство от гнуса. Из берёзового дерева получаются лучшие черенки для топоров (топорища) и других столярных инструментов, тележные колёса,

оси, втулки, самопряхи, веретёна, ложки. В войну наши мужики из берёзы делали лыжи для воинов, станины для орудий и приклады для стрелкового оружия.

Из берёзы выжигают лучший уголь для самоваров и кузнечного дела и заготавливаются дрова. Берёзовый веник врачует суставы в бане, чистит дыхательные пути, услаждает ароматом. Из берёзовых веток делают мётлы и хозяйственные веники. Северные народы делают из бересты лодки-берестянки. В берёзовых рощах растут вкусные грибы, а на старых берёзовых пнях растут сибирские опята. Берёза не только русская красавица, но и царица сибирских лесов.

Кедр полезен не только для выработки озона. Он кормит людей кедровыми орешками. Кедр – лучшая древесина для изготовления мебели и многих вещей не только домашнего обихода. Он ценится хвоей, серой и смолой.

Черемша – сибирская кормилица, спасавшая и спасающая миллионы людей от цинги и других недугов, основная витаминная пища простого сибирского люда в мае и июне. Её употребляют во всех видах и ещё засаливают впрок. Благодаря черемше мы сумели выжить летом 1931-го и в последующие ссыльные года. Спасти себя ты можешь только сам – таков был главный принцип ссыльных людей. И черемша помогала нам спасаться.

Артель «Трудовик» и праздник первого урожая

Но наконец-то закончился наш самый первый и самый тяжёлый ссыльный год. Мы дожили до весны 1932 года. Начало пригревать солнце. Потеплело. И власти немедленно поставили перед ссыльными задачу – раскорчевать лес для полей и начать растить хлеб. Хотя для экономики это было совершенно невыгодно, нерационально, но ведь несчастных арестантов надо было чем-то занять, и их решили сделать хлебопашцами.

Для начала официально создали артель «Трудовик». Председателем избрали нашего родственника Максима Петровича Пичугина. Дали посёлку лошадей, плуги, бороны. Хотя это и было гиблым делом, но мужики и ему обрадовались. Возле них появилась живая скотина. И всё-таки какое-то крестьянское занятие. Только вот доброй земли здесь не было, а пашню надо было заново создавать, корчевать лес. Что ж, наконец-то появится хоть какой-нибудь просвет в небе.

Теперь уже начали строить вместо общих избушек дома. Правда, тоже барачного типа, из двух квартир. К осени мы с семьёй вошли в новую квартиру с одной большой комнатой, где поставили маленькую глинобитную печь и буржуйку. Для родителей была сделана деревянная кровать, её застлали матрацем из болотной травы и укрыли половиками. А мы все продолжали спать на полу на потнике – войлоке. Бабонька совсем обессилела, заболела, и её едва уговорили поехать хотя бы на время пожить к дочери Анне в город Ачинск.

Из вновь нажитого имущества в нашем доме появилась прялка. Купили где-то куделю, и мама пряла нитки и учила этому дочку Машу. Из мебели в квартире появилась длинная лавка и несколько скамеек.

С весны начали подумывать о раскорчёвке собственного огорода. Правда, не было никаких семян. Ждали, что нам их пришлют из Верхнеусинского. Сложнее было с картофелем. Кое-где мы его зимой доставали, но он был в основном мороженным. Мама как опытная хозяйка с весны собирала все картофельные очистки и проращивала их для посадки в огороде. Потом их высадили целое ведро и осенью получили отменный урожай. А вот другие овощи, за исключением репы, росли плохо, и мы были вынуждены собирать на зиму зелёные капустные листья.

Страшный голод продолжал преследовать нас в 1932 и 1933 годах. Запомнилось на всю жизнь, как мама снарядила нас, трёх

мальчишек – Митю, Васю и меня – на заготовку капустных листьев в деревню Богдановку за тринадцать километров от дома. Сделали нам три котомки из старой мешковины, и мы рано утром двинулись в путь. Пошли, конечно, без разрешения коменданта. Уборка огородов в деревне уже завершилась, и мы просили местных разрешить собрать нам всё, что осталось, в том числе и зелёные капустные листья.

Так с хозяйского разрешения обошли три огорода. В одном хозяйский мальчишка натравил на нас собаку, и она укусила меня. Правда, не очень сильно, но я после того всю жизнь боялся собак. На нашу долю достались не только зелёные листья капусты. Кое-где торчали в земле обломленные кочерыжки. Мы рылись в обобранных морковных грядках, подбирали остатки, выискивали мелкую морковь и здесь же лакомились ею. Набив котомки, собрались в обратный путь, а есть так сильно хотелось! Просить милостыню Христа ради стеснялись. Долго перепирались между собой, кто осмелится попросить. После долгих колебаний старший из нас, Митя, всё же решился зайти в один дом, попросить что-нибудь поесть.

В одном доме нам отказали. Сказали: много вас тут, нищих, ходит! А вот во втором доме хозяйка отнеслась к нам сочувственно. Нам дали полбулки чёрного хлеба и крынку молока. Сначала мы хотели оставить хлеб на потом, но, получив молоко, здесь же на крыльце начали свою трапезу. Ели жадно, торопливо, а на нас, как на зверьков, смотрели хозяйские ребятишки из-за угла. Я машинально перед тем, как съесть свою порцию, перекрестился, и они сразу стали рассказывать об этом своей матери и показывать на меня пальцем, как на чудо.

Мы давно забыли вкус молока и поэтому пили его по капле, наслаждаясь этим божественным напитком. После трапезы Митя сказал хозяйке: «Благодарствуем!» – и все ей низко поклонились, чем весьма поразили добрую женщину, непривычную к такому обращению. Утолив голод, на обратной дороге мы бежали вприпрыжку. Дома нашими припасами остались довольны. Мама засолила капустные листья. Зимой мы ели зелёные щи, и они всегда казались нам очень вкусными.

1932 год запомнился мне мало. То ли потому, что я был ещё мал, или просто год был однообразен. Запомнилось одно: я всегда хотел есть. Дома вся жизнь проходила у железной печки. Стояли сильные морозы, и печку всё время нужно было топить. Ложились рано. Керосин экономили, пользовались коптилкой. У многих и коптилок не было. Освещались лучиной, но люди по вечерам уже начинали ходить друг к другу на посиделки. Пели песни, всегда какие-то заунывные и печальные. Пели в основном

женщины.

Всё же весна 1933 года осталась в памяти прилётом в наш посёлок скворцов. Люди как будто снова очнулись для жизни. Неожиданно для себя почувствовали приход весны. Поняли, что пережили ужасную «гробовую» зиму. Почувствовали, что живут, и всем сердцем потянулись к жизни.

Вся ребятня начала строить скворечники. Построили их такое множество, что скворцов на всех не хватило. И те, у кого скворцы не прижились, сильно печалились.

В поле впервые на этой гиблой земле вышли первые пахари, сеяльщики. Плуги были металлические, а вот бороны ещё деревянные, хотя сами штыри были из металла. На раскорчёванных площадях посеяли овёс, рожь, лён и коноплю. Мужики работать умели и всё делали по-своему, без учёных агрономов, хотя местных условий хлебопашества не знали. Каждая семья расширила свои огороды. Появились и первые домашние животные, хотя собаки и кошки всё ещё были редкостью. Начали по возможности заводить коров, куриц и свиней.

После первого сбора урожая артель «Трудовик» решила коллективно отпраздновать окончание полевых работ. Зарезали ради праздника пару артельных бычков, наварили пива. Откуда-то привезли водки и устроили первый ссыльный пир. Для нас, ребятишек, это тоже был праздник. Мы подсматривали из-за углов, как веселятся люди. Ещё недавно прибитые нуждой, лишениями и голодом, они вдруг расправили плечи, заиграли, развеселились, запели песни и заплясали. Впервые весело запела гармонь.

Люди словно забыли, что больше двух лет они как будто не существовали на белом свете. Подвыпивши, все стали объясняться в любви и преданности друг к другу, просить друг у друга прощения за то, что когда-то обидели, забыли о родственных связях. В общем, пир получился на славу.

После того как взрослые напились, поели и вышли из-за стола, пустили на «зачистку столов» и ребятишек. И мы не подвели! Накинулись всей гурьбой на оставшееся съестное, вмиг всё подчистили и вылизали чашки. По посёлку ещё долго шумели и пели песни. И председатель артели Максим Петрович Пичугин остался очень доволен проведённым «праздником урожая».

Собранный урожай, конечно, не мог решить всех проблем. И надо было думать о будущем. Нужны были семена для будущей весны. И пора было начинать разводить скот. Теперь можно было переходить на своё частичное обеспечение.

Это ведь царь мог неплохо содержать из казны своих

подневольных ссыльных. Например, Владимир Ильич Ульянов (будущий Ленин) в Шушенском, не работая, мог прекрасно жить на царское пособие, полагавшееся по закону для ссыльного.

Так же тунеядствуя, жили в полном довольстве в туруханской ссылке политические ссыльные Яков Михайлович Свердлов и Иосиф Виссарионович Сталин. К тому же им слали ещё дополнительно деньги из партийной кассы, полученные от различных «экспроприаций», в том числе и от разбойничьих ограблений банков. На севере пособие для них выплачивалось с повышенным коэффициентом. Когда мы приходили из школы и говорили о рассказах учителей, как плохо жилось революционерам в ссылке, то это у нашей мамы вызывало раздражение. Придя к власти, большевики и не подумали проявлять по отношению к ссыльным подобных «царских милостей». Забросив в ссылку людей за тысячи вёрст от дома, они отказывались их кормить. Всякая гуманность им была чужда.

Создание трудовой артели ненамного улучшило жизнь спецпереселенцев. А кладбище всё увеличивалось. Многие ребятишки оставались без родителей. Но старообрядцы не отправляли их в детские дома. Сирот брали на воспитание братья, сёстры или крёстные отцы и матери.

Нищета и безвыходность положения действовали убийственно даже на сильных мужчин. Тимофей Михайлов, наш самый большой и сильный мужик, не выдержав вечной нищеты, от безысходности порезал себе горло. Наш родственник по маме Фатей Дмитриевич Иванов сошёл с ума. В один из зимних дней мы услышали, как он, привязанный к саням верёвкой, выкрикивал проклятия своим палачам, подняв высоко руку, с пальцами, собранными в двуперстие, грозил «христопродавцам» и «иродам» божьей карой за издевательство над людьми.

Как сейчас помню его облик в распахнутой чёрной овчинной шубе, без шапки, обросший, с разлохмаченными длинными волосами. На санях тонкая соломенная подстилка. Рядом стоит сын Фатея Виктор, держа в руках вожжи. Он повёз отца в психлечебницу, в город. Картина была ужасная. Она потрясла всех людей. Особенно мама сильно переживала за Фатея Дмитриевича.

Всё это зрелище мне вспомнилось потом, когда в Третьяковской галерее я увидел картину нашего земляка Василия Ивановича Сурикова «Боярыня Морозова». Стоя перед нею, я долго рассматривал её, вспоминая своих предков-старообряд-цев и неукротимого Фатея Дмитриевича, который не выдержал превратностей нечеловеческой жизни. Из психушки Фатей Дмитриевич так и не вернулся. Вскоре он там умер.

В эту зиму на участках появились снегири. До чего же они были великолепны, эти красногрудые красавцы! Мы их даже ловили, но вскоре выпускали на волю. Кому, как не нам, было понятно, что такое свобода для живого существа.

Я уже говорил, что в тайге было много зверей и птиц. Ссыльным охотиться не разрешалось, но однажды отцу кто-то дал ружьё и два дробовых патрона. Отец вспугнул в тайге глухаря и видел, где тот сел на дерево. Подкрался к нему, выстрелил. Глухарь замотал крыльями: видимо, был ранен, но набрался сил и всё-таки улетел. Правда, недалеко. Сел на другое дерево. Отец осторожно подкрался как можно ближе. У него оставался всего один патрон, и промахнуться было никак нельзя. Выстрел – и глухарь комом упал на землю.

Сколько было радости в нашей семье от такой замечательной лесной добычи! От глухаря использовали всё, до последнего пёрышка. Перья на подушку, крылья для кухонных дел, хвост на стену для украшения, а мясо съели без остатка, до крошки. Глухаря семья ела целую неделю. Варили его во всех видах и во всех блюдах «для запаха».

Я уже говорил неоднократно, что жили мы в основном натуральным хозяйством, как в средневековье. Всё, что мы выращивали, было нам необходимо и шло в дело без отходов. Таким же вынужденным для нас был посев льна и конопли. Эти растения требовали большого ухода и обработки, но наш народ знал, как его сеять и потом обрабатывать, дёргать, мочить, сушить. Семена шли для еды, а стебли на волокно, которое пропускали через так называемые мялки. Всю зиму женщины занимались переработкой льна и конопли: мяли, пряли, ткали, сучили верёвки и нитки. Такое было натуральное хозяйство.

Из полученных полуфабрикатов потом шили одежду, получали изделия хозяйственного назначения. Из бересты гнали дёготь, из пихтовой хвои добывали масло, из глины делали горшки, посуду, из берёзы ложки. Теперь уже и черемшу заготавливали с использованием машин (резка) и солили её в деревянных больших бочках. У людей стало появляться молоко – в хозяйствах завели коров.

Цыгане. Приобщение их к труду

1934 год в наших местах ознаменовался новыми событиями. К нам доставили новый контингент ссыльных – казаков с Дона. Свои сибирские казаки из Каратузского района были привезены в ссылку раньше. А теперь казаков везли из европейской части страны. Среди этого люда тоже не оказалось зажиточного крестьянства. Да и сами люди были мелковатыми. Видать, попали в Сибирь уже после третьей зачистки. Многие ходили в казацких фуражках с красными околышами, с лампасами, но одежда на них была уже сильно поношена. Мало среди прибывших было краснощёких дородных девиц и мужиков с большими красивыми усами, которых мы раньше видели на картинках с изображениями казаков. Видать, их всех до высылки здорово помотали, выбили казацкую спесь. Кроме них, привезли с Волги и бывших кулаков.

Этих ссыльных разместили отдельно – за два километра на север от Бирилюсского посёлка, в кедровый лес, и дали посёлку название Кедровый.

Завершили большое переселение разномастных людей в Сибирь цыгане. Их собрали в европейской части СССР и обманным путём посадили в поезда вместе с кибитками и лошадьми. Наобещали хорошей жизни на новом месте. Цыгане до последнего времени, до самой выгрузки, не знали, куда их везут и что им уготовано. Они безропотно слушали своих баронов, следовавших вместе с ними. Перед Томском цыганский табор выгрузили из вагонов и теперь уже на своём транспорте повезли в тайгу. Дорога не была рассчитана на цыганские брички, поэтому её пришлось расширять.

Местом расселения цыган выбрали красивый и чистый сосновый бор в семи километрах от деревни Зимовской, отделённый от неё таёжной речкой Чичка-Юл, через которую не так-то легко было перебраться без лодки. Там когда-то местные жители заготавливали бруснику. Новый посёлок назвали Евстигнеевкой.

Но цыгане не захотели мириться с новыми условиями проживания и не горели желанием заниматься сельским хозяйством, как им предписывали. Они первым делом порезали своих лошадей и разбрелись по всем окрестным населённым пунктам, несмотря на строгие запреты. Так они оказались и у нас в Сухоречке. Воспользовавшись тем, что взрослые были на полевых работах, цыгане обчистили многие дома, хотя что с нас можно было взять? А потом развернули бурную деятельность по предсказанию будущего.

Их гадания нам, ребятишкам, казались чистейшей правдой. Наш Митя пожаловался маме, что цыганка нагадала ему, что он мало проживёт. А вот Васе предсказали по линиям руки, что он будет видным интеллигентом, я же – большим начальником.

Мама, конечно, стала успокаивать Митю: не верь цыганкам, они все врут. А в дальнейшем оказалось, что цыганка не наврала. Митя действительно прожил только двадцать лет, Вася стал врачом, а я большим начальником, по местным сибирским масштабам.

На поимку и водворение цыган на место постоянного проживания были брошены все охранные силы. Их выловили и привезли под ружьём опять в Евстигнеевку. Потом судьба ещё не раз сталкивала нас с ними.

В 1935 году мы вчетвером: отец, мама, я и Маша – переехали в Евстигнеевку. Отца назначили снабженцем к цыганам. Саша устроился счетоводом на Второй участок, в участковую больницу (она обслуживала всех ссыльных нашей зоны). Туда же переехал Митя, а Вася в тот год жил у дяди Павла.

Евстигнеевка представляла собой непонятно что. Привезённые сюда летом 1934 года цыгане так разбрелись, что их никак не могли собрать в единое место. Как рассказывал отец, поначалу их общая численность была более четырёхсот человек. А сколько осталось, было неизвестно.

В красивом сосновом бору на берегу небольшой речушки Евстигнеевки наши ссыльные построили посёлок для цыган. Сами они от строительства отказались категорически. Никто ничего не умел и не хотел делать. Не помогали ни избиение, ни каталажки. И их переселили в готовые дома барачного типа почти насильно. Новосёлы из цыган получились никудышные. Они занимали помещение, а для того, чтобы отапливаться, разбирали пол. Разбирали и печи и здесь же разжигали костры. За дровами не ходили. Сначала жгли полы, потом углы бараков.

Цыган пытались силой приучить мыться в банях. Стрелки поодиночке привозили их туда. Они не хотели раздеваться, тогда их обливали водой. Бесполезно! Они всё равно отказывались мыться. Я лично наблюдал эту картину.

Паёк цыганам давали небольшой, и они, голодные, где только могли и что могли, воровали. Причём если вора хватали за руку, он только добродушно улыбался: мол, нечаянно попала рука в кошёлку или в карман. Однажды молодой цыган Вася Литовченко, хорошо знавший нашу семью, стащил в магазине у мамы рыбу из ведра, и когда она это увидела и попыталась пристыдить воришку, он только рассмеялся и извинился. Ну что с ним сделаешь?

Нас, русских семей, среди цыган были единицы. Вся охрана и исполнительно-распорядительная власть была из мужчин, и никто не привозил туда семьи. Резиденция коменданта Собенко размещалась на горе в полутора километрах от посёлка. А вокруг него была охрана. Партия и правительство по наивности своей, а скорее, по недомыслию, хотели заставить цыган наподобие русских заниматься сельским хозяйством, но не тут-то было. Как говорится, не на тех напали. Дома к зиме цыгане наполовину сожгли. Своих лошадей уже давно съели. Им выделили казённых, но они под разными предлогами стали их помаленьку калечить, а потом и вовсе забивать на мясо.

Приказали цыганам заниматься раскорчёвкой леса, так они просто поджигали его и грелись у огня. Дали им зерно на семена для посева – цыгане жарили зерно на больших железных противнях и с удовольствием ели.

Пайков им вечно не хватало (съедали всё сразу, сколько бы ни выдали), поэтому раздача пайкового хлеба велась ежедневно в присутствии стрелков и охраны. В общем, цыгане не отказывались жить при коммунизме и даже при социализме. Просто они не хотели работать, и никто не мог их заставить самоотверженно бесплатно трудиться. Они убегали целыми семьями. Их ловили, везли обратно. И начиналось всё сначала. В конце концов цыгане стали поголовно вымирать. Умирали, а всё равно не хотели работать. Такие несознательные. И никакие коммунистические лозунги ни в чём не смогли их убедить.

Несмотря на такое безвыходное положение, когда, казалось, надо было стонать и плакать, цыгане не унывали, пели песни и плясали. Они почти ежедневно собирались в устроенном им клубе, давали концерты. И беспрекословно слушались своих вожаков. А вожаки вели себя по отношению к своим мучителям независимо, были неподкупны и не поддавались ни на какие соблазны со стороны администрации, пытавшейся завести личные контакты.

Запомнился из всего того цыганского табора замечательный танцор. Звали его Шакера (фамилия это или имя, не знаю). Он просто изумительно плясал. И часто по заказу начальства, только с условием, чтобы ему давали для пляски чужую обувь, ибо плясал он так, что отставали подмётки.

Школы в Евстигнеевке не было, да и я в то время сильно болел. Ещё в Сухоречке при купании в болотной воде я повредил ногу – нырнул и ударился ею о бревно. Лечили различными народными методами, но мне становилось всё хуже и хуже. Зимой я уже не мог наступать на ногу. Передвигался с помощью костылей. Отец повёз меня в участковую больницу к

знаменитому, как мы считали в то время, хирургу по фамилии Окодус, латышу, он вроде был административно-ссыльным. Но и он ничем не помог. Тогда рентгена в больнице не было, и врач предложил отрезать ступню, учиться ходить на протезе. Мама заплакала и сказала: резать ногу не дам. Пусть лучше умрёт, чем будет всю жизнь калекой.

Но в скором времени в той же Евстигнеевке совершенно незнакомая женщина, узнав о наших бедах, посоветовала изготовить самим для лечения пластырь, в который вошли сливочное масло, мёд, кедровая сера, что-то ещё. Всё это надлежало сварить и приложить к ранке. На другой же день после прикладывания пластыря боли у меня стали утихать (а то ведь просто жить от них не хотелось). Через некоторое время опухоль спала, выпала последняя – восьмая, косточка из раны, и рана закрылась. А через месяц я встал на лыжи. Спасительный рецепт мама держала в своём сундуке до самой смерти. Потом он где-то затерялся, и лишь недавно я прочитал его в книге народных врачевателей Красноярска и Бийска (В. И. Витязь). Так я был спасён.

Русских ребятишек в Евстигнеевке было совсем мало, и я подружился с цыганятами. Стал с ними плясать, запомнил многие слова и даже более или менее изъяснялся на цыганском. Цыганята приходили к нам в дом. Грязноватые, а в общем добрые и хорошие ребята. Когда я уезжал оттуда, жалко с ними было расставаться.

Где-то в 1937–1938 годах цыганам разрешили покинуть ссыльные места, выдали паспорта. Но к тому времени их уже совсем мало осталось в томских болотах. Они или погибли, или убежали. И исчезла не только с географических карт, но и с самой земли злосчастная Евстигнеевка. Не осталось её даже в памяти людей.

Вот так закончился блефом задуманный на высшем уровне эксперимент по трудовому перевоспитанию цыган. Не удалось поставить их на колени, заставить жить так, как хотел наш вождь. В Сибири после этого лопнувшего «трудового эксперимента» осталось много цыганских детей-сирот. Их разместили в детских домах, один из которых был построен на Первом участке. Потом я с этими детдомовцами учился в одной школе.

Цыганские дети очень подвижны. Непоседы, они не могут спокойно постоять на месте, не могут спокойно сидеть за столом. Постоянно пляшут или отбивают какой-нибудь ритм. Не жадные и преданные в дружбе. Среди детдомовских детей также выделялись двое цыганят – Ваня Шабанов и Гриша Козловский. До чего же красиво они плясали! Участвовали во всех концертах

детдома. Потом их увезли в цыганский ансамбль в Новосибирск.

Когда цыганам стали выдавать паспорта, появился анекдот. Приходит цыган к врачу для определения своего возраста (свидетельств о рождении у цыган не было). Врач посмотрел пациенту в рот на зубы и объявил: «Вам сорок два года». Цыган возмутился: «Мне, доктор, всего тридцать девять». Доктор не соглашается: «Нет, сорок два!» Тогда цыган с укором говорит врачу: «Так ты, наверное, считаешь те три года, которые я пробыл в колхозе?»

Так, может быть, и мне не считать моих двенадцати «ссыльных» лет в томской болотине? Выбросить их из жизни и не вспоминать? Хорошо бы, конечно, да только как выбросишь? Ничего не выбросишь из жизни, как слова из песни. Как сложилась песня, так она и поётся.

Заросли дороги, по которым шли в ссылку цыганские кибитки. Разрушились и сгнили бараки, в которых большевики хотели заставить свободолюбивый народ зажить другой жизнью. Остались безымянными заросшие травой могилы в лесу. Всё это ушло в прошлое, и никто не вспоминает о трагедии скоропалительного приобщения таборных людей к социализму. Нет и официальных сведений о пребывании цыган в тридцатых годах в Сибири. Мне думается, цыгане – это единственный народ в СССР, который Сталин не смог заставить жить по своему усмотрению.

Репрессии продолжились

Страна в то же время продолжала свой победоносный путь к социализму. 5 декабря 1936 года была принята новая Конституция СССР – «самая демократическая в мире», как заявила советская пропаганда. Она гарантировала советским гражданам права и свободы. Этой Конституцией была закреплена победа советского народа над эксплуататорскими классами. Сталин торопился, он хотел ещё при своём правлении административными мерами построить в СССР социализм, в своём его понимании. Уже тогда уверяли, что в нашей стране построена основа социализма, хотя в эти годы были переполнены тюрьмы, по всей территории разбросаны исправительно-трудовые лагеря, в которых содержались миллионы советских граждан, а весь Север заселён ссыльными спецпоселенцами.

Сибулон – это была не менее страшная и жестокая своими репрессиями организация в ОГПУ в Сибири, чем ГУЛАГ. Если в тюрьмы и исправительно-трудовые колонии люди попадали по приговорам судебных органов, в соответствии с существующими законами, то раскулаченные крестьяне не знали, за что были подвергнуты репрессиям. Если в первых хоть плохо, но кормили, то здесь же и этого не хотели делать. Отправляли в ссылку семьями с малолетними детьми. По приговорам судов определялся срок наказания, ссылка же была бессрочной.

Семья А.М. и Е.Е. Неволиных без младшей дочери Евдокии. Сидят Устинья Васильевна и Андреян Моисеевич. Стоят (слева направо) Александр, Виктор, Мария, Дмитрий, Василий и Ефимья Евстигнеевна. Второй участок, Березовка, 1936 год

Человек со временем ко всему привыкает. Даже к жизни в тюрьме, к лагерной жизни и к ссылке. Так и мы привыкли к неволе, жили надеждой на лучшее будущее. Да и фамилия у нас была подходящая – Неволины. Соответствовала нашему социальному положению. Мы упорно занимались огородом, растили свинюшек, содержали корову, птиц, потом завели четырёх овец. Мы упрочили своё личное хозяйство, раскорчевав за десяток километров от посёлка землю для сенокоса.

Так делали все наши усинские, кто ещё не убежал из ссылки или кого не забрали по болезни и инвалидности родственники, живущие вольно.

В середине тридцатых годов появились некоторые послабления в отношении к ссыльным детям. Они могли учиться и оканчивать семилетние и средние школы, учиться в техникумах. Правда, в вузы, за исключением педагогического института, дорога им была закрыта.

Репрессии второй половины тридцатых годов происходили не только в далёких от нас городах и сёлах вольно живущих людей. Они коснулись и наших «арестантских» участков. Посадили нескольких начальников из районной комендатуры, районного

начальства. Потом стали арестовывать и увозить нашу местную номенклатуру, преимущественно тех, кто занимал управленческие должности.

Отпускали после ареста редко кого. Там, в каталажке, могли заставить кого угодно наговорить на себя. И не нужно было никаких законов и весомых улик. Достаточно было иметь следователю «классовое чутьё», и этого хватало, чтобы получить обвинение по 58-й статье. В НКВД имели разнарядки сверху, сколько полагалось посадить людей, а виновен ли человек, «органам» было неинтересно. Им шли награды, повышения по службе. Справедливость была им органически чужда.

Сталинские политические репрессии 1937–1939 годов не обошли стороной и ссыльных раскулаченных крестьян.

У «неволинского клана» были свои потери в те времена. В частности, был арестован родной брат отца дядя Паша – Павел Моисеевич Неволин, 1900 года рождения. Вся жизнь его прошла по тюрьмам и ссылкам, хотя политикой он никогда не занимался. Был смирным человеком, бездетным, старательным работником. Умело играл на гармошке, имел хороший музыкальный слух. Последнее время работал кладовщиком на складе Пышкино Троицкой комендатуры. С ним забрали целую группу. Как мне потом сообщила Томская прокуратура, Павел Моисеевич был обвинён как участник контрреволюционной повстанческой кадетско-монархической организации, готовящей вооружённое восстание против Советской власти. «Тройкой» приговорён к расстрелу. Приговор привели в исполнение на другой день в томской тюрьме, 26 ноября 1937 года. После двадцатого съезда партии его, конечно, реабилитировали.

Мой дядя Павел Моисеевич с женой Ефросиньей Изотовной (справа). 1936 год

Второй жертвой сталинского произвола из наших стал мой крёстный Дмитрий Павлович Неволин, 1912 года рождения. Он, четырнадцатилетний мальчишка, за год до нашей ссылки вошёл в коммуну. Надеялся, что беда обойдёт его стороной. Вышел из семьи отца-«кулака», женился в 26 лет и трудился на разных работах, кто куда пошлёт, на лошадях. Этого молодого крестьянского парня арестовали в 1938 году в Верхнеусинском. Он был обвинён как участник контрреволюционной организации, которая якобы в случае войны по заданию японской разведки должна была перекрыть тракт Кызыл – Минусинск, и осуждён на 10 лет лагерей, где и умер.

После XX партийного съезда красноярская прокуратура пересмотрела дело Дмитрия Павловича, признала его невиновным и реабилитировала.

И вот напрашивается вопрос: как же можно было судьям придумать такую чушь, что два крестьянских мужика, независимо друг от друга, живя в медвежьих местах, решились на свержение советской власти? Просто умом можно тронуться, какие беззакония творились тогда в «социалистической» стране, строящей коммунизм. И никто не вмешивался, не протестовал.

В списке других Неволиных, пострадавших от «карающего меча революции», Степан Трофимович Неволин, 1878 года рождения, мой двоюродный дедушка, известный лоцман в верховьях Енисея, колхозник. Арестован по линии НКВД и после заключения отправлен в ссылку – на вечное поселение.

Савватей Ильич Неволин, 1905 года рождения, мой двоюродный дядя. Арестован по линии НКВД. «Тройкой» приговорён к десяти годам лагерей и ссылки.

Сафрой Алексеевич Неволин, 1890 года рождения, мой двоюродный дедушка. Неграмотный. Арестован по линии НКВД. Приговорён к десяти годам лагерей и ссылки.

Арестован по линии НКВД и мой другой двоюродный дедушка – Павел Трофимович Неволин, 1876 года рождения.

Из других моих пострадавших от властей кровных родственников назову двоюродного дедушку, землепашца Артемия Васильевича Петрова, 1864 года рождения. Человек был совершенно неграмотный. Он расстрелян как противник советской власти по приговору всё той же «тройки».

Расстрелян и двоюродный брат моей мамы Максим Петрович Пичугин. В ссылке он был избран председателем артели «Трудовик». Арестован в 1937 году, когда брали всех мало-мальски заметных руководителей, «за участие в контрреволюционной организации». Приговор ему вынесла та же вездесущая «тройка»: расстрел. А жена Максима Петровича Лепестинья двадцать лет ждала его возвращения. Не дождалась. Их сын погиб на фронте.

По линии НКВД отбыл десять лет в заключении и вернулся домой полным калекой родной брат моей матери Кирилл Евстигнеевич Пичугин, тишайший человек.

Был расстрелян ещё один наш дядя – Александр Иванович Яшин, 1906 года рождения, живший в Туруханске. До того он был министром почты в Тувинской народной республике.

Осуждён на десять лет и ссылку по линии НКВД и ещё один мой двоюродный брат – Алексей Артемьевич Петров, 1914 года рождения.

Итого, четверо расстреляны, один погиб в застенках НКВД, а пятеро «отделались» длительными сроками в сталинских лагерях. Кто скажет, много это или мало для одного семейства? А ведь за

каждым репрессированным стояли семьи, дети, которые десятилетиями ждали своих близких, ничего не зная о том, что они давным-давно отправлены в мир иной.

Неужели власть не могла разглядеть в своих действиях нелепость подобной «политической борьбы» с замордованным народом? Неужели кто-то верил по-настоящему в правоту режима и справедливость приговоров? Фамилия Неволиных с корнем была вырвана из числа землепашцев-хлеборобов села Верхнеусинского, когда-то основанного при участии их предков.

Согласно пофамильным спискам, опубликованным в мемориальном сборнике Ермаковского района «Боль и память», по Усинскому сельскому совету по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР с 1926-го по 1950 год было арестовано 345 человек (из них расстреляно 188) при общей численности всего населения не более пяти тысяч человек. Фактически их было больше, как отмечается в книге «Боль и память», но сведения о них утеряны.

В те далёкие советские времена старообрядцы со своими семьями не только попадали в ссылку, их единоверцы подвергались репрессиям и в других местах проживания в Сибири – находили для этого поводы и причины. Помнится, как в конце тридцатых годов «разобрались» с нашими старообрядцами, жившими в глухой тайге в деревне Килинке в ста километрах восточнее наших посёлков. Люди эти общались с миром по единственной таёжной тропе. Зимой туда можно было попасть только на лыжах.

И вот в 1937 году к ним полетел на «кукурузнике» искать «врагов народа» начальник Асиновского районного отдела НКВД Салов. Не знаю, чем он там занимался, но когда самолёт взлетал из Килинки, то зацепился крыльями за деревья и упал. Салов отделался ушибами, а пилот сломал ногу.

Комендатура каким-то образом вывезла пострадавших. Тогда на своём участке мы впервые увидели легковую машину. Поглазеть на диковинку собрались все поселковые ребятишки.

Заодно мы увидели и самого главного местного палача – высокого, откормленного, увешанного ремнями. На поясе у него висел маленький пистолет в кобуре – «вальтер». Салов чинно ходил по подведомственной ему территории, а все суетились, бегали вокруг него, кланялись, пытаясь исполнить любое его желание. Незадачливый лётчик ходил на костылях.

Позже выяснилось, что Салов ездил в Килинку не безрезультатно. Там, в забытом всеми, заброшенном от мира селении, оказалось, существовала опасная контрреволюционная организация, которая намеревалась (ни более ни менее!)

ликвидировать советскую власть. Потом восемь-десять наиболее активных и опасных «заговорщиков» арестовали и везли через наш Первый участок. Арестованных сопровождали два работника НКВД. Вооружённая охрана ехала на телеге, мужиков гнали пешком. Я видел этих людей. Все они были в холщовых рубахах, подпоясанных узкими ремешками, на ногах бродни, на головах разнообразные головные уборы, самодельные шляпы. Все были исключительно с бородами и сравнительно молодые.

После работы отец рассказывал маме о пригнанных килинских староверах. О том, что сегодня они будут ночевать в каком-то сарае. Люди голодные. «Жалко их, – говорил отец – Всю деревню обезмужичили. Остались там одни старики да дети». Всего в деревне жителей было около сотни человек.

Мама наварила целое ведро картошки, собрала весь хлеб, что был в доме, и что-то ещё из еды, и с наступлением сумерек пошла с передачей. Стражники-конвоиры дотошно расспросили её, не родственница ли она арестованным, записали фамилию и только затем приняли передачу. Самый старый из арестованных старообрядцев тоже расспрашивал маму, как её зовут, чьей веры, и на прощанье сказал: «До самой смерти буду о тебе молиться».

Мать вернулась домой вся в слезах. Уж больно жалко ей было ни за что страдающих мужиков. Никто из них не вернулся в Килинку. Их расстреляли или сгноили в лагерях.

Осенью 1942 года, когда я учился в Асино, мне попался на улице тот самый Салов. Бывший бравый палач был уже без голубых петлиц с двумя шпалами и выглядел скверно: просто долговязый, кособокий, сутулый и совершенно седой человек. Знакомые милицейские работники, знавшие его, рассказывали, что в 1939 году всё руководство Асиновского районного отдела НКВД арестовали, но не расстреляли, а рассовали по тюрьмам. И где-то на пересылке заключённые узнали Салова и сломали ему хребтину, сделали инвалидом. А во время войны пострадавшего палача досрочно освободили.

Другой старший оперуполномоченный райотдела НКВД тоже был досрочно освобождён по инвалидности. Жаль, что таких негодяев и кара не берёт. В войну они отсиделись и остались живы. И, наверное, потом благополучно жили на дарованную им властями солидную пенсию и уверяли всех, что ни в чём не виноваты, а виноват во всём один Сталин.

По моему разумению, гражданская война в СССР продолжалась до начала войны с Германией (до 1941 года), но в 1930-е годы она приобрела другой характер. Теперь уже у новой устоявшейся власти был один противник – собственный народ. Она сама инициировала вражду, стравливая жестоко и

бессмысленно одни слои населения с другими, не понимавшими, для чего это делается. Особо остро это просматривается в событиях 1937–1939 годов, когда применяли статью 58, в которой говорилось о борьбе с «врагами народа».

Путь к грамоте, знаниям и свободе

К началу нового учебного года всеми тремя посёлками была построена начальная школа. Её разместили в центре участка, на пригорке, возле Бирилюсского посёлка. Преподаватели были из числа ссыльных. Из нашей семьи в школу пошли сразу трое. Вставали рано и уходили туда с большим желанием.

Через год я тоже пошёл в первый класс вместе с братьями, хотя по возрасту для школы ещё не подходил. Тогда я соврал, что мне уже восемь, хотя на самом деле мне только исполнилось семь лет. Родители мне препятствовать не стали. Я в это время сильно переживал, чувствовал себя брошенным и одиноким, поскольку от нас уехала моя наставница бабонька.

В школу мы ходили гурьбой за два километра от Сухоречки через лес. Так же вместе возвращались и домой. В одном из таких походов мы впервые увидели летящий аэроплан, и все были возбуждены: настоящий самолёт! И у всех было желание, чтобы он сбросил нам на землю много конфет. Но самолёт просто пролетел над нами и скрылся за кронами деревьев.

Все ребятишки хотели учиться и ходили в школу с большим желанием, поскольку именно там мы начали познавать мир, впервые вырвавшись из своего изолированного лагерного настоящего, из наших бед и нищеты. В школе нам рассказывали о предназначении человека, о будущем советской страны, о том, что без грамоты нельзя прожить в настоящем мире.

В школе создавались различные кружки, и одним из первых был кружок безбожника. Нам запретили носить нательные крестики. Были и другие ограничения. Так, в октябрята нас пока не принимали как представителей «эксплуататорского класса». Но мы ещё не понимали своей «эксплуататорской» сущности и не очень горевали об этом. Важнее других событий в школе для нас был обед. Каждый день все ждали большой перемены, когда нам дадут миску жиденького супа с крапинками растительного масла, с картошкой, капустой и маленьким кусочком настоящего чёрного хлеба без мякины.

Всем школьникам сшили одинаковые холщовые сумки для книжек и тетрадок. Самой трудной для нас задачей было пронести и не разлить школьные чернила. Тем, кто имел стеклянные чернильницы-непроливайки, было проще, а мне-то приходилось носить чернила в пузырьках. Попробуй не пролей! Были выбраны школьные санитары из мальчиков и девочек, которые всех осматривали на вшивость и на чистоту рук, ушей, шеи. Они носили на руках санитарные повязки и очень гордились

этим.

Дети есть дети, несмотря на тяжёлые условия. Им хотелось вместе играть, веселиться, чем-то заниматься, в чём-то соревноваться. Игрушек магазинных у нас не было, поэтому их делали сами, вырезая из дерева, коры, бересты. За всё раннее детство в нашей семье была всего одна магазинная игрушка – гипсовый конёк с ездоком, красиво раскрашенный. Много раз мы теряли конька и снова находили. И всегда сильно печалились, когда теряли, и радовались, когда находили.

Днём мы всегда находились на улице. Чаще всего катались на самодельных лыжах, которые изготавливали из пихтовых и еловых дранок, использовавшихся для покрытия крыш. Делали санки и каталки, похожие на нынешние приспособления, на которых возят инвалидов и детей. В основании каталки была широкая доска с обработанными краями. Снизу доску покрывали толстым слоем коровьего кизяка и льда для хорошего скольжения. Очень жалко было, что у нас нет горок. В их поисках мы уходили далеко в лес, находили там какие-нибудь возвышенности, делали среди леса лыжные трассы.

Из других игр были игра в лунки. Гоняли самодельную «шайбу», сделанную тоже из замороженного коровьего кизяка. Металлических коньков не было. Их изготовляли из дерева, а полозья – из толстой проволоки. Самым распространённым занятием была почекушка. Изготавливалась она из свинчатки и конского волоса. С нею устраивались разнообразные соревнования и голения.

Все эти виды подвижных игр закаляли и развивали ребятишек. Мячей резиновых у нас тоже не было. Их делали из войлока, зашивая в кожу какой-нибудь тяжёлый груз. Самой распространённой игрой в мяч была лапта. В неё играли и мальчишки, и девчонки.

Что мы читали? Все произведения детских писателей, которые были в школьной библиотеке. Читали в наивной уверенности, что написанное – подлинная правда, а не художественный вымысел. Часто, читая сентиментальные рассказы и повести, плакали по-настоящему. Больше всего запомнились книги Льва Кассиля, с которым я лично встретился через много лет, и повесть Александра Неверова «Ташкент – город хлебный».

Делали расшифровки некоторых сокращённых названий, например, РСФСР – «ребята, смотрите, Федька сопли распустил». Детские шалости.

После годичного проживания с цыганами мы переехали на Первый участок. В третьем классе я начинал учиться ещё в

Сухоречке, но потом переезд в Евстигнеевку, где не было школы, и болезнь привели к тому, что мой учебный год пропал. На новом месте начальная школа была, и я продолжил своё образование. Родители считали, что я снова пойду в третий класс, и только пару месяцев спустя узнали, что я учусь в четвёртом классе. Поговорили с учителем, и тот поручился, что я вполне осилю программу «выпускного» класса. Таким образом, я не отстал и, несмотря на болезнь, нагнал своих. Здесь также школа была между трёх посёлков.

Поскольку на Первом участке построили детский дом и свозили сюда ссыльных ребятишек со всей Сибири, то и школа была большой, хотя и числилась начальной. В детдоме было много разных кружков по интересам, где можно было многому научиться. Директором детдома был очень интересный человек, бывший моряк Балтийского флота. Высокий, здоровый, он напоминал дядю Стёпу из стихотворения Сергея Михалкова. Ребятишки его любили. Своей семьи у него не было, и всю человеческую любовь он отдавал чужим детям – сиротам. Детдом часто устраивал в школе концерты. Было многолюдно и весело.

Помню, как на нашем Первом участке в детском доме появился мальчик, которого все называли троцкистом. Небольшого ростка, белобрысый, сильно худой. Он хорошо учился и сочинял стихи. Мне захотелось познакомиться с ним, и такой случай скоро представился. Маленького «троцкиста» всегда обижали: походя награждали подзатыльниками, обзывали «врагом народа». И мне в одной из таких свалок удалось защитить пацана. Хотя сам я рос худым и костлявым, но в своём возрасте относился к сильным ребятам. И, слава Богу, за всю мою длинную жизнь меня, кроме родителей, никто не бил. Тем более в детстве у меня была надёжная защита – три брата старше меня, и потому со мной боялись связываться даже задиристые мальчишки.

В общем, после того как я защитил маленького «троцкиста», мы познакомились поближе. По фамилии матери его называли Глебовым, а отцом у него оказался известный всем Лев Борисович Каменев, ближайший сподвижник Ленина. После «разоблачения» и ареста Л. Б. Каменева мальчика вместе с матерью тоже забрали и увезли на Алтай – в Бийск. Через некоторое время матери нашли место в тюрьме, а сын после непродолжительного странствия по детским домам попал к нам.

Меня интересовали подробности жизни и скитаний Глебова. Уже тогда меня интересовала политика, тем более что политика сама первой заинтересовалась нашей семьёй. Дома я рассказал родителям о сыне Каменева, а отец поведал мне о его отце, одном

из вождей революции. Однажды я даже привёл Глебова домой, и мама вкусно по тем временам накормила маленького «троцкиста». Но на этом наше знакомство оборвалось. Вскоре наш детский дом сгорел. Его расформировали, и моего нового знакомого увезли неизвестно куда. А я и сейчас думаю, как затейливо переплетаются в жизни судьбы людей: сын вождя революции и сын мнимого кулака – оба оказались в одинаковом положении в сибирской ссылке. А сыну вождя досталась ещё более горькая судьбина: он потерял родителей. Для кого же совершали эту революцию «пламенные революционеры», если от неё страдали и отцы, и дети?

Прошли годы, и я стал сомневаться, действительно ли тот мальчик Глебов был сыном Льва Борисовича Каменева. Ведь официальных документов на этот счёт не было. Но однажды в одной из центральных газет мне удалось прочесть статью о сыне Л. Б. Каменева. Он на самом деле прожил жизнь под фамилией Глебов, прошёл все тернистые пути сына врага народа, в том числе и детдом, но в конце концов занял достойное место, стал профессором одного из вузов Новосибирска. Хотелось бы мне ему напомнить о нашей совместной учёбе, но я не стал бередить старые раны.

Но снова вернусь к нашей школьной жизни. В школе проходило наше детство, здесь мы получали знания, дружили, занимались спортом, работали в кружках, отдыхали. У нас были замечательные учителя, вместе с нами прошедшие весь ужас нечеловеческого отношения к своим гражданам общества, государства, чьей собственностью мы являлись. Лишь гораздо позже в наши школы стали приходить молодые вольные люди.

В школе я прошёл через детские коммунистические организации октябрят и пионеров. Помню, как я радовался цветному значку октябрёнка с портретом маленького Ленина в красивой металлической оправе. И носить этот значок было почётно, как и красный галстук пионерам.

После окончания четырёх классов я перешёл в Ключевскую семилетнюю (неполную среднюю) школу. Окончил и её. Учился я хорошо, был ударником, но не стремился стать отличником. Да в отличники никого в школе и не загоняли.

Второй участок стал центром общественной жизни ссыльных. Здесь работала неполная средняя школа, была участковая больница, клуб, радиостанция и ветлечебница. В посёлке сложилась своя интеллигенция. Сначала только из ссыльных, а потом стали приезжать молодые специалисты из техникумов и училищ. Появились землеустроители. Начали строить плотины на речушке Вознесенке. Построили паровую мельницу.

В школе работали кружки, проводились спортивные соревнования. В клубе ставили спектакли из революционного репертуара: «Любовь Яровая», «Сторожев» (по материалам Тамбовского кулацкого восстания), «Разлом» и другие. После смерти В. И. Ленина в школе создали ленинский мавзолей в миниатюре и там клялись свято хранить его идеи. В общем, всё было так, как будто мы тоже жили свободной жизнью, а не были сосланными сюда против нашей воли «инакомыслящими» голодранцами.

Директором школы был Юдзенич, кажется, по национальности немец, очень требовательный, жёсткий человек. Он вёл у нас литературу, а его жена – русский язык. Все в школе боялись директора, и всегда был порядок. При школе был интернат, где шесть дней в неделю жили ребятишки с других участков. Жили они очень-очень бедно. Из дому им принести было нечего, а здесь кормили горячим только один раз в день. Интернатовские сообща что-нибудь варили на железной печке и в субботу убегали домой, чтобы там по возможности наесться на целую неделю. Постелей в интернате не было, кроме соломенных матрацев на деревянных топчанах. Но там было всегда весело, и я часто проводил в интернате свободное время. У меня было много друзей.

Нас, ребятишек из числа ссыльных, родители рано приучили к труду. Зимой этот труд не был обременительным. Мы убирали снег, возили воду, дрова, чистили стайки, где жили домашние животные. А вот лето было самым трудовым. С весны мы, трое братьев Неволиных: Митя, Вася и я, заготавливали в лесу дрова. Митя валил деревья и колол чурки, а мы с Васей пилили и складывали дрова в поленницу для сушки и учёта. За это родители давали нам деньги «на конфеты», а так как все мы курили, то деньги шли на табак. Потом начинался огород – копка, прополка, поливка, затем сенокос. Каждый из нас владел литовкой и умел косить, грести и делать волокуши.

Но половиной наших летних занятий была работа в артели. Нас заставляли боронить, а более взрослые ребята и сами ходили за плугом. Много времени уходило на прополку посевов от сорняков, особенно осота, который заполонял поля ржи и овса. В жатву все школьники собирали колоски.

И так лето пробегало быстро – без всяких пионерских лагерей, которыми пользовались вольные школьники. В жаркую погоду нас было невозможно удержать от купания. Речушка Вознесенка была маленькая, поэтому мы бегали за полтора километра на плотину (мужики собирались построить там маленькую электростанцию, но война помешала).

С наступлением весны по насту мы каждое утро убегали в лес ловить силками бурундуков. Сами делали приманки и ловили помногу. Шкурки сдавали в «Союзпушнину», где работал мой отец, – по шестнадцать копеек за штуку. На них что-то уже можно было купить. А осенью делали ловушки для ловли тетеревов на скошенных хлебных полях. Когда выпадал снег, ставили петли на зайцев. Их много развелось с появлением посевных площадей. Охотой с ружьями не занимались – ссыльным ружья иметь запрещалось.

Несмотря на некоторые послабления в жизни спецпереселенцев, общая их численность неуклонно сокращалась. Все любыми способами пытались покинуть ненавистные места. Кто по старости, кто через побеги. А кто-то получал тюремные сроки и не возвращался обратно после освобождения. Молодые люди выходили на волю через браки с вольными женщинами. Некоторые добивались свободы, чрезмерно усердствуя перед начальством или за доносы и стукачество. Правда, большинство этих людей, оказавшись на воле, вскоре попадали в тюрьму как политические заключённые.

Для нас, ребятишек, самым легальным и желанным путём выхода из ссылки была школа. Надо было только окончить школу, поступить в техникум или училище и уехать в ближайший из городов – Томск. После учёбы в Томске, получив паспорта, никто не возвращался домой.

Седьмой класс я окончил в 1940 году. Окончание мы отметили в километре от посёлка на поляне, украв из дома какое-то железное ведро, картошку и хлеб. Стащили ночью прямо с насеста двух куриц и устроили коллективный ужин. Конечно, без спиртного.

В ссылке мы, дети, рано становились взрослыми. Всюду перед нами были преграды, которые приходилось преодолевать разными путями, самостоятельно принимая решения. Нас, как и родителей, угнетали не только нищета, но и наше положение на уровне лагерников, лишённых элементарных свобод, общения с миром. Вольное население нас называло лишенцами, ссыльными, сибулонцами, а когда хотели оскорбить, то «кулачной мордой». Гражданами мы не были, а вот обращаться мы должны были только «гражданин комендант», «гражданин начальник». И больше всего угнетала беспросветность нашего существования, поскольку статус ссыльного не был определён сроками: наказание было бессрочным.

Конечно, каждому из нас хотелось кардинально или хотя бы в какой-то мере изменить свою судьбу. Расскажу об одной из моих детских попыток вырваться из заколдованного круга. Мы тогда

жили на Первом участке. Мне было одиннадцать лет, и я дружил со своим ровесником Ваней Макаровым, мать у которого умерла, а отца посадили в тюрьму. Ваня жил на попечении дедушки, работавшего сторожем пекарни, и старенькой бабушки. Жили они много хуже нас. У моего друга имелись единственные штанишки – и те в таких заплатах, так что нельзя было понять, какой лоскут первичный, а какой появился позже. Мальчишеское тело через все эти латки уже начинало просвечиваться.

Ваня часто поговаривал, что так жить, как они живут, дальше невозможно. И он собирался бежать отсюда к родной тёте куда-то за Минусинск. И я в то время сильно соскучился по своей бабоньке, которая проживала у дочери в Ачинске. Я ей часто писал письма.

Договорились бежать в конце июля. Разработали план побега: до Ачинска вместе, а дальше всяк по себе. Свой «хитрый план» держали в глубокой тайне. Запаслись на несколько дней хлебом, солью и спичками. Ночью я украл у отца из кармана несколько рублей, и рано утром мы двинулись в путь. Оба написали своим записки с таким расчётом, чтобы их смогли прочесть только в конце дня, когда хватятся, почему мы не пришли ночевать. Написали откровенно, с кем бежим и куда.

Первый этап пути был вполне безопасным. Мы шли по дороге между селениями, где проживали ссыльные и куда они выезжали работать. Беспрепятственно добрались до Зимовского и возле деревни немного отдохнули в лесу. Дальше решили идти по дорогам только ночью, а днём отлёживаться в кустах, чтобы не поймали. Скрываясь около деревень, определяли, что и где ночью можно будет украсть, чтобы подкрепиться. Дважды мы забирались в курятник, где стащили двух куриц.

Интересная птица курица! Ночью она спит и ничего не слышит. Спокойно подходишь к ней, берёшь за шею, скручиваешь голову, а она и не пикнет.

Один раз залезли в домашнюю пасеку. При вскрытии ульев надели сетки от комаров, которые были с нами целое лето для защиты от гнуса. Улей вскрывал я, а Ваня стоял на «васаре», как тогда говорили блатные.

Пчёлы ночью ведут себя спокойно, особенно когда берёшь рамки из магазина улья. А вот когда рамку берёшь из основного дома, с нею вытаскивается много пчёл, и они становятся агрессивными. Я вытащил две рамки, и дважды пчелы покусали мне руки – перчаток-то у меня не было.

В огородах в то время уже появились овощи, так что первые дни мы были сыты и уверенно двигались вперёд.

Нашим главным препятствием был Чулым. Мы знали, что нас

хватились родители и ищут. Легче всего беглецов было поймать на паромной переправе. И мы решили не рисковать и на переправу в Пышкино не пошли, а задумали перебраться через Чулым в районе Борисовой горы. Пришли туда ночью и весь день высматривали обстановку, надеясь добыть лодку, на которой можно было переплыть реку.

Дождавшись ночи, оттолкнули захваченную лодку от берега и поплыли. К несчастью, опыта плавания по реке с вёслами мы не имели. У себя ходили на шестах по Чичка-Юлу, а здесь большая река. Сразу же растерялись, когда нас понесло, потом успокоились и стали грести, как умели. Пусть сносит – нам лишь бы переплыть на другую сторону. С трудом, но всё-таки добрались до противоположного берега и приободрились. Пусть нас снесло течением почти на километр, но можно было двигаться дальше – к железной дороге.

На каком-то полустанке нам удалось забраться в товарный поезд. Но доехать до Томска не удалось: нас нашли железнодорожники и передали милиции. Форсировав Чулым, мы легковерно посчитали, что находимся в безопасности, и даже не думали, что маленькие испуганные оборванцы каждому бросаются в глаза. Как только нас увидели взрослые, все наши планы рухнули в один момент.

В милиции мы сразу «раскололись» и всё откровенно рассказали. Добиваться от нас признания не потребовалось. Да и не было у меня с Ваней никакой придуманной легенды на случай провала. В пассажирском вагоне незадачливых беглецов привезли сначала в Асино, а потом и на наш «штрафной» участок.

Какое нас ожидало там наказание? У Вани дедушка был человеком мягким и добрым, а мой отец неоднократно воспитывал меня ремнём. Ремня ожидал я и на сей раз. Но всё обошлось словесным воспитанием. Родители были рады, что я жив и невредим и снова в родной семье. А самым замечательным завершением моей печальной истории стало то, что моя бабонька скоро снова сама приехала к нам, чему я был очень рад.

Со временем наши сельхозартели преобразовали в колхозы. Несмотря на то что ссыльные успешно раскорчевали лес, подняли целину, стали пахать и сеять и получать неплохие, по сибирским меркам, урожаи, причём каждая семья ещё развивала своё подсобное хозяйство, люди стали жить ненамного лучше. Теперь государство уготовило для нас новые поборы, так называемые обязательные поставки. Почти за бесценок в виде налогов хозяин должен был обязательно сдать государству с каждой дойной коровы сначала восемь, а потом двенадцать килограммов масла и значительное количество мяса.

Если были курицы, сдавали яйца, если были овцы – шерсть, а со всех животин ещё и кожу. При забое свиней запрещалось их палить. Нужно было обязательно сдать свиную шкуру. А какое сало без шкурки! В то же время на выработанные трудодни в конце года практически не приходилось ничего. Колхоз всегда оставался должником.

Наша семья всё-таки выжила в тех невыносимых условиях и со временем встала на ноги. И в том, что мы выжили, заслуга, в первую очередь, нашей дорогой мамы. Она у нас была главным идеологом, воспитателем и кормилицей семьи. Отец только мало-мальски обеспечивал семейное материальное положение. Мы же, дети, все пятеро, с малолетства, опять же благодаря маме, усвоили истину: выбраться из этой гнилой тайги, глубокой ямы, куда нас бросила советская власть, обрести настоящую человеческую свободу можно только через образование и труд. Другого пути нет.

Эта истина стала нашим жизненным кредо. О ней мы помнили всегда и настойчиво учились, помогая друг другу, как бы ни было трудно. Ради нас наш старший брат Александр после семи классов пошёл работать бухгалтером, стал помогать отцу учить младших братьев и сестёр, а сам уже об очном образовании и не мечтал. И был верен себе до тех пор, пока все мы не выучились.

Мои родители Ефимья Евстигнеевна и Андреян Моисеевич. 1940 год

Наша семья Неволиных сумела выбраться из артели. С 1936 года мы жили на Втором участке, в посёлке Берёзовке. Работали теперь трое: отец охоторганизатором в «Союзпушнине», Саша бухгалтером в участковой больнице, мама уборщицей. Мы имели личное подсобное хозяйство, где во всех огородных и подворных делах мама была истинной мастерицей. У неё первой в посёлке выросли хорошие огурцы, лук и репа. Она одна справлялась и с домашней живностью, а мы только участвовали в заготовке сена, прополке, окучивании и копке земли.

Не в обиду другим будет сказано: наша семья выделялась и своей музыкальностью, хотя из всех Неволиных музыкальные и певческие способности были, пожалуй, только у Мити и Маши. Саша приобрёл для общего пользования первые в посёлке музыкальные инструменты: балалайку, гитару, а потом ещё мандолину и малоизвестный для нас инструмент – цимбалы.

Купил или у цыган, или у новых ссыльных из Украины.

Родители очень гордились, когда у нас образовался семейный струнный оркестр. Часто по вечерам к нам приходили послушать игру родственники и знакомые. Играли все, кроме меня. Я тоже пытался играть сразу на всех инструментах, но поскольку у меня нет музыкального слуха, ничего не получалось. Стремление исполнять всё механическим заучиванием – когда и как перебирать струны пальцами и сколько сделать ударов – ни к чему не привело, и я это дело забросил.

А вот Митя у нас был превосходным музыкантом. Кроме струнных инструментов, он научился неплохо играть на гармошке. Митя вообще был всесторонне одарённым: играл на сцене, где исполнял серьёзные роли, и даже получил приз в Батурине за роль Сторожева.

В нашей семье появился и первый в посёлке фотоаппарат: рамочный, на треноге (фотографией в основном занимались Саша и Митя), а также первый велосипед на заработки Саши. Ездить на нём учились все и относились к нему со всей осторожностью и бережливостью.

Ссылка оставалась ссылкой, а дети и молодёжь всё равно требовали игр и развлечений. И наряду со школой своя жизнь шла днём и вечером и на улице. Кроме клуба, была выбрана площадка, где люди собирались и развлекались почти до утра. Играли на гармошке, пели песни, устраивали танцы, водили хороводы. Влюблялись, дружили. Всем было весело, и забывалось, что живут они в неволе.

Много времени летом проводили в лесу и на маленькой речке Вознесенке. Ловили сорожек, ельцов, а иногда и щурят. А когда наступал сезон ягод, орехов и грибов, все устремлялись за их сбором и добычей. Более скучной, конечно, была длинная зима с ядрёными сибирскими морозами. Сейчас приходится удивляться: как мы могли, не имея тёплого белья, шуб и тулупов, подолгу находиться на морозе?

В летние дни вечерами все часто наслаждались пением народных песен молодых Егора, Ефима Калачёвых и Александра Ермакова. Как они красиво пели! Шли по улице вдоль посёлков Березовского и Ключевского и пели. У людей, которые их слушали, выступали слёзы от волнения. Песни были разные: сибирские, невольничьи – о судьбах каторжан и ссыльных, о беглецах и вольнолюбцах, и о большой любви. Они в чём-то переплетались с нашей судьбой, и потому так действовали на нас.

Батурине: самый радостный школьный год

В 1940 году я окончил семь классов неполной средней школы. Что делать дальше? За год до этого мой старший брат Саша перевёлся работать в Батурино – посёлок судостроителей и леспромхоза. Там тоже была комендатура. Жили и ссыльные, и вольные. Но там уже была средняя школа. И у родителей созрел план отправить к брату на учёбу нас с Митей. Митю в десятый класс, а меня в восьмой.

С нами захотела поехать и наша бабонька. Она снова с нами проживала, хотя теперь уже не могла влиять на нас, как раньше, в религиозном отношении. Да и наши старообрядцы все переродились от нужды, «перевоспитались». Мужики сбрили бороды. Не стали так усердно молиться, как раньше. Много стало курящих, хотя выпивающих никого не было. Все ходили голодные и лишь по праздникам варили пиво.

Изменился церковный уклад и в нашей семье. Школа диктовала свои условия. Вёлся курс безбожника. Над теми, кто крестился и молился, подсмеивались и издевались. И родители тоже смирились с действием властей по антирелигиозной пропаганде. Единственное, пожалуй, что оставалось от старообрядческого уклада, – прежние честность, совестливость, порядочность по отношению друг к другу. Сохранились родственные связи. Остались трудолюбие, стремление оказать помощь ближнему. О постах давно забыли, тем более что ничего молочного у большинства и не было.

Об отправке нас на учёбу спросили согласия Саши. Он был готов принять младших братьев, но у него не было своего угла. Жил он в общежитии, но ему обещали дать комнату. И мы решились ехать.

Путь был длинный – сто километров до Пышкино, а там ещё сто пятьдесят вниз по Чулыму. Когда добрались до Пышкино, пассажирские пароходы уже не ходили. Отец договорился, что бабушку и меня с Митей возьмёт до Батурино грузовой пароход. Неделю мы жили у наших родственников. Там я прочитал в газете «Правда» небольшую заметку, что в Мексике в какой-то пивнушке в пьяной драке бутылкой по голове был убит давний соратник и соперник И. В. Сталина Лев Троцкий. Как выяснилось позже, несостоявшийся диктатор и конкурент нашего вождя был убит по его заданию и совсем не в тех обстоятельствах, как сообщала газета.

Все годы, проведённые в школе, нас без устали приучали не просто любить, а даже боготворить И. В. Сталина. Если поначалу

нам рассказывали о беззаветной любви Ленина к детям, о его стремлении сделать весь мир свободным и счастливым, то вскоре первое место в этой пропаганде стало отводиться уже Сталину как верному ученику Ленина. «Сталин – это Ленин сегодня», – бесконечно повторяли газеты.

В то же время всегда подчёркивалось, как трудно нашим вождям мирового пролетариата жилось в царское время, как они преследовались, какие лишения испытывали в своей революционной борьбе. Сколько раз их арестовывали, направляли в ссылку, и сколько раз они бежали оттуда! И как мужественно вели себя при этом. А нам, сегодняшним советским ссыльным, пережившим ужасы лагерей, тюрем и ссылок, было смешно и грустно читать всю эту белиберду. Какое враньё было на страницах газет и по радио о деяниях ленинской гвардии в царских застенках! Мне думается, что если бы эта «гвардия» хоть раз испытала в своей жизни те муки, которые испытали мы, она бы напрочь забыла о всякой революционной борьбе «за счастье народа». Нет, слишком гуманным был царь Николай к своим политическим противникам, за что поплатился собственной жизнью и жизнью семьи и заставил страдать миллионы своих соотечественников.

Я несколько раз бывал в местах ссылок этих «отважных» революционеров в Сибири и убедился, что жилось им всем тогда совсем неплохо. Взять хотя бы того же Ленина. Ехал он в ссылку свободно, в пассажирском поезде, без всякого конвоя и даже в купейном вагоне (вдвоём с красноярским врачом В. М. Крутовским, который помог потом ссыльному Владимиру Ульянову определиться на поселение в благодатное Шушенское, в то время как других его товарищей по Союзу борьбы за освобождение рабочего класса этапировали в Туруханский край), а не как мы – голодные, в телячьем товарнике с закрытыми дверями и без окон, причём с малолетними детьми.

Нет, не зря знаменитые чехословацкие путешественники Зигмунд и Ганзелка, побывав в Шушенском, написали потом скандально прославившийся на весь мир очерк «Сибирская дача Ленина». ЦК КПСС осудил сей недружественный акт со стороны в общем-то лояльных по отношению к Советскому государству чешских журналистов.

Пышкино-Троицкое, где размещалась районная комендатура и куда мы прибыли с братом по дороге в Батурине, показалось мне настоящим городом. За день я обегал всё село, побывал во всех магазинах без рубля в кармане и с нетерпением стал ждать дня, когда нас посадят на баржу до Батурино. Очень боялся, что мы не успеем туда к началу учебного года. Ивановы, наши

родственники по маминой линии – Виктор Фатеевич, его мать Елена Гавриловна и тётя Дуся, у которых мы жили в Пышкино в ожидании оказии, относились к нам хорошо, несмотря на доставляемые им неудобства.

И вот я на борту несамоходной баржи – собственно, паузка, как их здесь называли. Днями стою на мостике шкипера и даже пытаюсь рулить, хотя обе баржонки тянет вниз пароходик – буксир паровой тяги на дровах. Я разглядываю населённые пункты по берегам Чулыма, и мне кажется, что я навсегда вырвался из лагерных сетей, как птичка из клетки. Всю дорогу я наслаждался новым состоянием, возможностью видеть новый мир, новых людей.

В Батурино нас никто не ждал, кроме брата Саши. Баржи причалили к высокому обрыву, нас выгрузили. Мы вытащили на дорогу наш сундук и на лошадке поехали с братом в посёлок, разделённый на две части – леспромхоз и судоверфь. Саша договорился с Семёном Муравьёвым, нашим знакомым ещё по участкам, который ещё недавно работал в Берёзовке пекарем, что до получения жилья мы поживём у него.

А всё жильё Муравьёвых составляло одну шестнадцатиметровую комнатушку. Кроме хозяина, здесь жила его жена Ксения и сын – подросток Пётр. А сверх того, ещё одна семья – муж и жена. И в такую тесноту Семён взял ещё троих! Сегодня и представить невозможно, какие люди были в прежнее время. Что двигало этим человеком? Никакого долга по отношению к нам у него не было, обязательств тоже никаких. Наверное, только человеческое сострадание. Мне кажется, теперь таких людей днём с огнём не найдёшь – столь широкой души и любви к человеку! Мы прожили у Муравьёвых целый месяц, и они не только ни разу не сделали нам замечания, а даже подкармливали нас.

А через месяц Саше выделили комнату в центре посёлка в одном из бараков судоверфи, и мы переехали к нему. Какая это была радость: жить в рабочем посёлке и иметь свой угол! Сделали топчаны вдоль стен. Мы с Митей спали вдвоём, а Саша и бабонька отдельно. Ей отвели угол и сделали занавеску, чтобы не мешать молиться. И так дружно зажили, как в раю! Позже к нам на квартиру попросился Митин одноклассник Костя Кривошапкин, из наших участковых ссыльных. Саша не мог ему отказать. Поставили и ему топчан.

Это был самый радостный учебный год моей юности и школьных лет жизни. Батурине по тем временам был, пожалуй, самым культурным центром во всём Асиновском районе и превосходил само Асино. Здесь заготавливали древесину и везли

отсюда на сплав. Здесь же была судоверфь, где строили несамоходный деревянный речной флот.

В посёлке жило много технической интеллигенции, даже инженеры. Было две школы: средняя на судоверфи и неполная средняя в леспромхозе. Здесь работали и ссыльные, и вольнонаёмные на руководящих должностях. В режимном отношении не подчёркивалось открыто, что ты ссыльный. Отношение к нам было миролюбивое. Единственным нашим политическим ограничением, так сказать, ущемлением в правах, было то, что нас не принимали в комсомол, а в Осавиахим – только по решению собрания.

Связь Батурине с внешним миром летом была по Чулыму, а зимой по снегу, снежной дороге. И уже начали применять воздушный транспорт. «Кукурузники» возили почту и важных пассажиров. Лётчики в те годы, как «важняки», пользовались исключительным авторитетом и вниманием, особенно у женского пола.

Мне нравилась школа, несмотря на то что школьное здание было деревянным. У нас были хорошие учителя. Больше других я восхищался Юлией Александровной Гладутис, историком и нашим классным руководителем. Молодая красивая девушка, небольшого роста, пухленькая. Все в неё были влюблены.

Директором школы был немец. Жена его, тоже немка, преподавала немецкий язык. Очень требовательный учитель, на уроках она запрещала разговаривать по-русски. И если я более или менее научился говорить по-немецки, то этим обязан только ей. Наш класс был дружный, во всех делах посёлка мы участвовали все вместе. Помогали друг другу в учёбе. Вместе ходили в кино и выступали со своей самодеятельностью. Учёба в этой школе оставила самый глубокий след в моей жизни, хотя я проучился там всего один год.

В Батурине меня особенно притягивала река Чулым. Здесь она была уже большой и широкой, с многочисленными старицами и заливами. А кругом было много заболоченных озёр – удачные места для рыбалки зимой и летом. Зимний подлёдный лов собирал массу людей. А о летней рыбалке и говорить не приходится!

Вторым занятием была охота. Саша имел разрешение на ружье, доверял его мне, и я пристрастился зимой ходить на куропаток на лыжах. Их в окрестностях хватало. Однажды в морозный день я отправился на охоту один, и куропатки заманили меня своими перелётами так далеко, что на обратном пути к посёлку я совершенно выбился из сил. Выбравшись на санную дорогу, я снял лыжи, а идти не мог. И мне так сильно

захотелось спать, что лёг на краю дороги и в самом деле заснул.

Проснулся оттого, что кто-то сильно толкал меня, будил, кричал. Придя в себя, увидел рядом незнакомого мужчину: «Так ты же замёрз!»

А я уже не владел ни руками, ни ногами. Тогда незнакомец принялся растирать мои руки. Заставил разуться и укутал мои ноги в снятый с себя тулуп. Оказалось, он поехал из посёлка за сеном и увидел меня на снегу. Он фактически спас мне жизнь. Жаль, что я больше никогда не встретился с ним, хотя остался благодарен до конца своих дней. До посёлка оставалась пара километров. Возчик решил вернуться и довёз меня до барака. После этого я запомнил навсегда: уставшему человеку нельзя ложиться на снег. Можешь уснуть и не проснуться.

Батуринская средняя школа, 8-й класс. Завуч Михаил Михайлович и классный руководитель Юлия Александровна Гладутис. Во втором ряду, крайняя слева, Оля; Виктор Неволин в верхнем ряду; Саша Черёмушкин в нижнем ряду. 1941 год

Батуринская школа отличалась от ключевской семилетки прежде всего другим уровнем развития учащихся. Ребятишки были лучше одеты, умыты. Многие были из образованных культурных семей. Здесь во многих отношениях был квалифицированнее преподавательский состав, хорошо поставлена внеклассная работа. Дисциплина и порядок были, как

мне казалось, во всём.

В классе нас, мальчишек, рассадили по партам вместе с девочками. Моей напарницей оказалась Оля (фамилию уже запамятовал). У неё не было родителей, и жила она у своего дяди Михаила Михайловича, завуча нашей школы. Он её удочерил. Оля была на год старше меня и выглядела уже девушкой (мне так казалось). У неё были длинные и толстые косы и удивительное личико: круглая головка, пухлые щёки, большие глаза, длинные чёрные брови.

Рассказываю всё это потому, что в 1943 году мы случайно встретились с нею в Асино, где я продолжал учиться. Увиделись случайно на улице, и оба обрадовались встрече. Оля приехала в Асино в райвоенкомат, чтобы добровольцем пойти на фронт. Она уже успела выйти замуж, но мужа забрали в армию, где он погиб в конце 1942 года. Погиб на фронте и её дядя, всеми нами уважаемый Михаил Михайлович. Близких не осталось никого, и вот она тоже решила пойти на фронт.

Вечером мы пошли с нею в кино, а потом долго гуляли, вспоминая одноклассников и знакомых в Батурино. На другой день я ушёл из школы проводить её на вокзал. Девичья команда была небольшая, меньше десяти человек, в сопровождении работника райвоенкомата. Оля вела себя бодро, но мне почему-то было сильно жалко её. А когда мы начали прощаться и я подал ей руку, Оля бросилась ко мне, крепко обняла и горячо поцеловала. У нас обоих появились слёзы на глазах.

До сих пор не могу понять, чем был вызван её добровольный уход на войну. Она не говорила, что хочет отомстить немцам за гибель самых дорогих в жизни людей – мужа и дяди. Но это, пожалуй, и не было одним патриотическим порывом. Мне показалось, на фронт Оля пошла от безысходности и беззащитности. Больше я ничего о ней не слышал, и как сложилась её дальнейшая судьба, мне неизвестно.

Пока же Великая Отечественная ещё не началась. Я по-прежнему учился в восьмом классе в Батурино и жил с Митей у старшего брата. Моими школьными друзьями были Саша Черёмушкин, А. Шахматов (звали его Пушкиным – он был похож на поэта, такой же курчавый). Имена других уже запамятовал. Каждую неделю мы ходили в кино. В целом у нас обстановка была тёплой и дружной, но материально мы жили скверно. Мясо видели редко. Молока вообще не было. Ведь на четырёх едоков у нас был всего один работник, да и тот с маленькой зарплатой. Всё же наша бабонька умудрялась нас чем-то кормить. Еда в основном состояла из постных щей и каши с растительным маслом. Иногда добывали рыбу. Картошку заготовили с осени. Её

привезли из ближайшей деревни, и бабонька картошку не чистила, а скоблила для экономии.

Добавлю ещё несколько слов о нашей бабоньке, которая всегда была самым близким для меня человеком с тех пор, как я помнил себя. Недаром, когда я в детстве пытался вырваться из ссылки на свободу я бежал именно к ней (не по нашей воле мы были тогда временно разлучены). И в более поздние годы именно она была для меня надеждой и опорой, светом в окошке. Бабонька прожила долгую жизнь и умерла в 1957 году в Абакане среди родных и близких людей, когда уже вся наша семья была свободна.

Незадолго до этого я сводил её в Томске в староверческую церковь. Она там причастилась и оставила церкви все свои мизерные денежные накопления. Самую добрую память я храню о ней до сегодняшних дней. Бываю на её могиле, привожу в порядок место последнего упокоения бабоньки. Жалею, что не смог приехать на её похороны. Я работал тогда в Северо-Енисейском, и срочные дела не отпустили меня.

Она часто говорила мне при встречах в нашей дальнейшей жизни: «Витя, я каждый день за тебя молюсь и прошу Бога, чтобы он хранил тебя». Я всегда помню её.

Однако продолжу своё повествование о нашей тогдашней жизни. Она шла день за днём и была полна разнообразными событиями. Объявили войну с белофиннами, и снова было установлено нормирование хлеба и других продуктов. Хлеба в магазине не хватало, хотя и давали по списку. Приходилось занимать очередь в четыре-пять часов утра, и это дело поручалось мне. Бабонька будила меня. Я бежал к магазину, занимал очередь и шёл домой досыпать, а к восьми утра отправлялся уже покупать хлеб.

Иногда мы ходили в гости к старым знакомым Муравьёвым, которые приветили нас в первые дни в Батурино. Семён Муравьёв охотно играл на саратовской гармошке с колокольчиками и пел частушки. Его хозяйка Ксения, женщина хлебосольная, тоже радушно встречала нас и казалась нам самой хорошей и красивой женщиной, хотя лицо её было покрыто оспой. Радушие скрывало все изъяны, и мы отдыхали у Муравьёвых и душой, и телом. В общем, когда мы бывали у них, всегда уходили оттуда сытыми.

Семён был из Саратова, там его отец имел пекарню. За это их и выслали. Родители умерли, и сын унаследовал ремесло. Работал пекарем, причём пекарем высшей квалификации. С ним мне пришлось ещё встретиться через пару лет, но уже в другой обстановке.

В 1942 году я учился в Асино, в райцентре, и жил на квартире

конюха, который обслуживал НКВД и милицию района. Заключённые в КПЗ под стражей часто приходили на конный двор на разные работы. Однажды к нам зашёл один из заключённых и передал привет от Семёна Муравьёва. Он в КПЗ ждал отправки в Томск на пересылку. Его арестовали и дали несколько лет лагерей за какую-то махинацию с продажей хлеба на пекарне. Мы с сестрой собрали, что у нас было съестного, и послали передачу старому знакомому. Вскоре получили ответ с благодарностью.

Через несколько дней Семёна отправляли этапом на железнодорожный вокзал. Я схватил булку хлеба, ещё что-то и побежал к милиции. Среди этапа заключённых в пешем строю увидел дорогое лицо. Семён, как всегда, улыбался. С большим трудом мне удалось пробиться к колонне и отдать передачу из рук в руки. Он поблагодарил и передал привет моим родителям. Когда зэков подогнали к вагонам, старший конвойный скомандовал: «На колени!», – и все рухнули в снег. Да так и стояли, пока не началась посадка. На прощание мы помахали друг другу рукой.

Это была наша последняя встреча. Семён страдал язвой желудка, и через несколько месяцев сообщили, что он умер в лагерях.

Весной в нашей компании в Батурино произошло новое несчастье. Митин одноклассник, наш общий друг и постоялец Костя Кривошапкин, сильно простудился и заболел скоротечным туберкулёзом лёгких. Мы все переживали за него. Уж больно хорош он был как человек и большой умница. Но болезнь оказалась неизлечимой. Через пять месяцев Костя вернулся из Батурино на свой участок умирающим и там скончался. Всё говорил перед смертью: лучше бы умереть на войне, чем в больнице.

Наступила весна 1941 года. Предстояли экзамены, и я стал подумывать об обратной поездке к родителям, на участки. Хоть в ссылке и тяжело, но без родителей ещё труднее, да и соскучился я по дому. Я попросил Сашу, чтобы он помог мне возвратиться домой через Томск. Для этого паспорта не требовалось, а нужна была справка от комендатуры, что возвращаюсь с учёбы к родителям. Наскребли денег на дорогу, узнали, когда приходит пароход из Томска, и я стал ждать день отъезда, рассчитывая вернуться в Батурино на следующий год в девятый класс. Думал, что уезжаю временно, а оказалось, что навсегда…

«Сороковые, роковые…»

Город Томск. Первый год без учёбы

Первым в Батурине» пришёл пароход «Тоболяк» – «кособокий», как его прозвали. У него был большой крен на один борт. Провожать меня домой пришли оба брата. Сообщили в Томск третьему брату, Василию: «Виктор едет, встречай».

Путь до Томска был не прямой. Нужно было проплыть по Чулыму до его впадения в Обь, затем по Оби подняться до устья Томи и по ней уже добираться до Томска. В это время на реках Сибири был большой паводок. Реки сильно разлились, и все населённые пункты оказались в воде. Лишь одно Кривошеево да половина Колпашево остались не затопленными. Пароход подходил к затопленным домам и на крыши высаживал и брал новых пассажиров. Картина была впечатляющая.

На пароходе всё было интересно. Я облазил все углы, даже машинное отделение и рубку, расспрашивал обо всём команду. Мне нравились матросы. Это были крупные ребята. Они носили широченные брюки и очень резво вели загрузку парохода дровами. У них на спине ремнями была прикреплена так называемая горбуша, на которой и размещали груз, чтобы широкие ремни не так давили на тело. Горбушами перемещали и другие грузы. Мешки таскали по два куля сразу.

Когда договаривались о моей поездке на пароходе через Томск, мне предварительно было поставлено условие: я должен был окончить восьмой класс не ниже, чем на «четвёрки». Это условие я выполнил, и теперь по праву наслаждался путешествием. Большую часть времени я находился на палубе и смотрел на берега, мимо которых мы проплывали. Это в основном были низменные места, заболоченные. Нарымский край – край ссылок.

Когда плыли по Томи, стало больше появляться селений, промышленных посёлков, и вскоре все пассажиры вышли на палубу в ожидании встречи с городом Томском.

И вот на горизонте появились заводские трубы. Мы стали подходить к пристани. Ещё с парохода я увидел фигуру брата Васи. Вдвоём мы направились пешком в его общежитие на Солянку. В Томске я провёл пять дней и обегал, кажется, весь город до последнего дома. Он показался мне очень красивым.

Мне нравилось всё. Я толкался у киосков, где продавали лимонад, и много раз прикладывался к шипучей воде с ложечкой сиропа в стакане. Лимонад мне тоже понравился. В первое время я здоровался со всеми, кто на меня посмотрит, и очень огорчился, когда одна дама со мной не поздоровалась. Рассказал об этом

случае студентам, и все смеялись надо мной, тёмным туземцем. Мне объяснили, что в городе здороваются только со знакомыми: «Это тебе не деревня!»

На другой день, не откладывая, мы пошли с Васей в цирк. Осуществилась моя давнишняя мечта. Выступали клоуны, гимнасты, дрессировщики с животными. Но самым захватывающим зрелищем для меня стала вольная борьба. Мы сидели, конечно, на галёрке, но и оттуда можно было рассмотреть схватки знаменитых тогда в стране и в мире борцов. Я даже запомнил на всю жизнь некоторых из них: Басманова, Хаджи Мурата. Эффектное зрелище!

Но все ждали выступления абсолютного чемпиона СССР и мира Ивана Поддубного. Его встретили стоя аплодисментами. Он прошёлся по кругу, поработал мышцами, покрасовался. А уж потом вышел его противник. Им оказался Басманов, молодой, красивый парень атлетического телосложения, почти на голову выше Поддубного.

Поприветствовав друг друга, они приступили к захватывающей схватке, и всё казалось, что молодой Басманов вот-вот уложит Поддубного на лопатки. И вдруг как будто совсем из безвыходного положения Поддубный провёл сногсшибательный приём – и Басманов на лопатках! Аплодисменты и всеобщий смех в зале. Это было моё первое и последнее посещение Томского цирка. В начале войны он сгорел.

Выходной день Вася целиком посвятил мне. Мы обошли весь городской центр, потом посетили старое кладбище. Там было много скульптур знаменитых горожан Томска. После войны кладбище снесли и построили на его месте завод, как будто для этого не было другой земли! Не осталось в памяти, ходили ли тогда по городу автобусы или трамваи. Попадались изредка единичные «эмки», а вот лошади запомнились.

Быстро пролетели деньки моего пребывания в Томске. Взяли мне билет до Асино. А Васе ещё предстояло сдавать государственные экзамены. Была середина июня 1941 года, и я торопился домой. Хотелось поскорее увидеть родителей и сестрёнку Машу, по которым сильно соскучился.

Сто километров из Асино до участков добирался пешком. Покрыл это расстояние за два с половиной дня. Ночью идти по тайге было опасно: много медведей, и встречи с ними могли закончиться трагедией. Но всё обошлось. Дома, едва я переступил порог, начались расспросы, угощения. За год я вырос, возмужал, стал, как говорится, более цивилизованным.

Освободившись от родительских объятий, я первым делом побежал разыскивать своих дружков. Некоторые из них уехали

учиться в техникумы, училища, разбрелись по посёлкам или остались работать в колхозе. Среднюю школу для ссыльных здесь организовывать не захотели, посчитали, что семилетки для колхозников вполне хватит.

Через неделю после моего приезда на участок грянуло незабываемое воскресенье 22 июня 1941 года. Началась война с немцами. Комендант собрал всё взрослое население в контору, довёл до общего сведения это страшное известие и объявил об усилении комендантского режима. Комендант Павленко зачитал выступление по радио председателя Совета народных комиссаров СССР Вячеслава Михайловича Молотова.

Людей собралось так много, что половина из них стояла на улице. Комендант потребовал бдительности от происков врага, дисциплины и неукоснительного исполнения режима ссыльных. Дальше десяти километров от населённого пункта без разрешения коменданта выходить было нельзя. По вопросу мобилизации на войну сказал: ждите дальнейших указаний.

По-разному встретили обитатели посёлков сообщение о начале войны. Некоторые с надеждой, что, может быть, приблизится конец ссылки. Другие желали, чтобы существующая власть была свергнута войной. Третьи просто боялись, что на войну возьмут и их. В это, правда, мало кто верил, поскольку власти опасались, что вчерашние ссыльные направят доверенное им оружие против них. Мы же, ребятишки, были уверены, что наша Красная Армия всех сильней и быстро разобьёт немцев. Все хорошо знали бодрую песенку «Если завтра война… Малой кровью, могучим ударом разобьём мы врага…» Жалели только, что мы ещё молодые и нам не придётся участвовать в войне. Так хотелось отличиться и доказать свою храбрость!

Но первые же дни показали, что не так уж хороши успехи нашей прославленной Красной Армии. Она хорошо воевала в Гражданской войне, когда русские дрались друг против друга. Здесь все преуспевали, а вот в сражениях с вышколенной и вооружённой до зубов фашистской Германией всё вышло иначе. И глубоко ошибался тот, кто надеялся, что война не достанет его, пройдёт мимо.

Вскоре всякие мобилизации стали доставать и ссыльных. Примерно через месяц мобилизовали в трудовую армию для работы на шахтах Кузбасса и горячих цехах металлургических комбинатов молодых и здоровых парней. Условия труда там были страшнее всякой каторги. Теперь и спецпереселенцы стали жить, как все, под лозунгом: «Всё для фронта, всё для победы над врагом!»

В колхозе был удлинён рабочий день. На трудодни же не

получали ничего. Но вырабатывать их заставляли, иначе грозились сослать ещё дальше. Работали «за бесплатно», и никто не роптал, не устраивал забастовки. Одна надежда была на личное хозяйство, да и то оно облагалось многочисленными налогами. И только немногие занимались различными промыслами и охотой в соответствующих государственных и кооперативных организациях.

В 1941 году власти впервые столкнулись с неповиновением ссыльных. Был такой кадровый охотник Агафонов, очень крупный мужчина богатырского сложения. Он неоднократно вступал в единоборство с медведями, имел от них ранения, но всегда выходил победителем в битвах. Я слышал разговор Агафонова с моим отцом. Он рассказывал, как однажды его оседлал медведь. Прямо сел на спину, выскочив неожиданно из чащи леса. И стал снизу обдирать. В это время прибежавшая на выручку хозяина собака вцепилась в медведя сзади и так сильно укусила его за «штанину», что «хозяин тайги» сходу переключился с охотника на неё. Воспользовавшись моментом, Агафонов выстрелил из ружья, заряженного дробью, по глазам медведя и ослепил его.

Я сам видел принесённую Агафоновым в посёлок медвежью шкуру – вполне заслуженный им охотничий трофей.

И вот теперь этот богатырь, как только узнал, что его призывают в трудовую армию, взял котомку, боеприпасы и ушёл в тайгу. На всех участках он оказался единственным непослушником. Остальные безропотно шли на любую мобилизацию.

На поимку Агафонова снаряжались карательные отряды, но не могли найти в тайге. А через полгода он сам явился с повинной. «Дезертира трудового фронта» сразу посадили в каталажку и больше мы о нём ничего не слышали. А через полтора года в армию забрали и его единственного сына Фёдора, парня такого же крутого нрава, как и отец.

Наши промысловики отправлялись на охоту только осенью, а летом, как и все, работали на полевых работах в колхозе. Разрешение на дробовое оружие им выдавалось спецкомендатурой, и после завершения охотничьего сезона ружьё нужно было снова сдавать.

Как и везде, среди ссыльных НКВД также имело своих осведомителей. О любом «крамольном» случае докладывалось «органам». Помню, на второй год войны на полевом стане во время обеденного перерыва один из колхозников по фамилии Сухорослов, длинный худощавый мужик лет сорока пяти, выйдя из-за длинного стола, подошёл к портрету Сталина, трижды перекрестился на него и поклонился. Кто-то в шутку спросил: «Ты

что, вождя с Богом перепутал?» А он в ответ: «Сталин сейчас и есть наш Бог». Через сутки мужичонку забрали в НКВД. Осиротела большая семья. А ведь кто-то не поленился, доложил, «куда следует», о «странной выходке» Сухорослова. Дорого мужику обошлась его безобидная, казалось бы, шутка.

Всё лето первого военного 1941 года я трудился на полевых работах. В свои пятнадцать лет запросто один управлялся с лошадьми. Мог делать всё – пахал землю плугом, вручную сеял зерно, жал серпом, скирдовал, косил сено, метал стога. Мог поймать и запрячь любую лошадь в телегу, бричку, привезти воз сена. Словом, был настоящим крестьянином.

Подходило время начала нового учебного года. А ехать учиться в Батурино мне уже было ни к чему. Саша ожидал там призыва в Красную Армию, Митя – тоже. Родители решили, что я поеду учиться в районный центр Асино. Там были знакомые, у которых можно было остановиться на квартире. Я согласился, и в конце августа мы с отцом выехали в Асино.

Меня приняла старая хозяйка, у которой когда-то квартировал Митя. Но у неё появились осложнения. НКВД навязало ей новых постояльцев – административных ссыльных из Западной Украины. Несколько дней я прожил вместе с ними. Ходил в школу.

Отец задержался в Асино в командировке. Зашёл ко мне перед отъездом, спросил, как дела. Видя моё невесёлое настроение, посоветовал: «Может, поедем обратно на участки? Идёт война. Хоть годик, да поживёшь с родителями. Мама будет рада». Я подумал и согласился с отцом, и мы опять вдвоём поехали обратно.

У меня тогда, конечно, было двойное чувство. Жалко было отставать в учёбе от ребятишек, с которыми начинал первый класс, но, по правде говоря, в Асино в классе были для меня совершенно новые ребята. С таким чувством, ни о чём до конца не додумавшись, я и приехал домой.

Дома первые дни всё было нормально. Я был занят домашним хозяйством. Но надо было выбирать себе более серьёзное дело. Шла война, и все должны были работать. Это я и сам понимал. Но идти в колхоз не хотелось. Было лучше бы уйти в город на завод, получить специальность. И сам отец, кажется, пожалел, что уговорил меня год не учиться.

Закончились осенние полевые работы. Мы набрали ягод, грибов, сходили в тайгу за шишками. И я устроился штатным охотником «Союзпушнины». Нашёл себе напарников – Ефима Колачёва и Александра Ермакова, которые после семилетки не учились, а работали в колхозе. Мы заключили договора,

получили в комендатуре разрешения на ружья. «Союзпушнина» нас отоварила провиантом под будущую пушнину, выдала кожу на пошив бродней. В общем, с полмесяца мы собирались. Сделали себе лыжи, подготовили собак, и в первых числах октября, навьючив на себя котомки, ушли по Прокопьевским затёсам за тридцать километров в тайгу. Зимняя дорога делалась в конце девятнадцатого века, когда томские купцы возили на Енисейские золотые прииски муку и другие грузы. В наши годы эту тропу можно было отыскать только по затёсам на деревьях.

Основным видом промысла была добыча белок, колонка, горностая, лисиц и, конечно, птицы – глухаря и рябчика. Последние добывались и для пропитания в тайге. Первый заход длился больше месяца. Домой вышли на празднование очередной годовщины Октябрьской революции. Отец потом ворчал: стоило ли бросать на несколько дней охотничий сезон?

После праздников опять навьючились. Теперь уже взяли с собой лыжи. К Новому году выбрались из тайги и перешли на охоту заячьими петлями вокруг посёлков. Несмотря на молодость, свой охотничий сезон мы провели на уровне охотников-профессионалов. Заработали денег, рассчитались с займами «Союзпушнины».

На охоту с собой мы набирали продуктов: соли, сахара, круп, масла, махорки. Всё это нужно было нести на себе, да ещё и провиант с ружьем. Накладно для пятнадцатилетнего подростка. В лесной избушке жили втроём. У каждого была своя собака. Мой Шарик был крупнее других. Я взял его щенком, и он вырос у нас. Отец ходил с ним на медведя, и Шарик ни разу не подвёл его, не струсил перед грозным зверем. Мой отец был настоящий медвежатник, о чём писалось и в книгах, и в томских газетах. Он со своим приятелем Николаем Яковлевичем Мельниковым за свою жизнь убил 12 медведей.

Шарик хорошо шёл как на крупного зверя, так и на белку, колонка. Облаивал и птицу, но за это я его ругал. Хорошая охотничья собака не должна была пугать птицу. Вот на глухаря нужно было лаять, но не бросаться на дерево. Тогда охотнику было легче его сбить.

Утром мы все выходили из избушки по разным маршрутам и знали, кто куда идёт, на случай непредвиденных обстоятельств: вдруг кто-то заблудится или произойдёт несчастный случай. С утра до вечера ежедневно проходили по тайге 30–35 километров, а собака покрывала сотни километров в поисках зверя. Всех охотников тогда подразделяли по рангу: медвежатник, бельчатник, зайчатник. Я относил себя ко второй категории.

Очень занимательной была охота на белку. Когда собака

загоняла её на дерево, белка обычно пряталась в ветках. Вот и приходилось прибегать к разным хитростям, издавать звуки, чтобы белка встрепенулась и как-то проявила себя среди ветвей.

Профессиональная охота физически очень тяжела. Убить зверя или птицу – полдела. Их ведь надо потом обработать. Особенно много возни со шкурками. Вечером, когда приходишь в избушку усталый, твой рабочий день ещё не заканчивается. Надо ободрать зверька, приготовить пищу себе и собаке, почистить ружьё, зарядить патроны и переделать ещё много дел.

Мои напарники охотно ели белок, а я со своими старообрядческими канонами не мог, хотя беличье мясо очень вкусное. Ведь они очень чистоплотные зверьки, питаются орешками, грибами и ягодой – чистыми дарами природы.

Из птиц я больше всего любил рябчиков, которых, как говорят, когда-то проклял Бог. Легенда гласит, что раньше рябчик был большой красивой птицей, самовлюбленной и капризной, не признававшей божественных заповедей. И вот за это Бог его и покарал. Сделал маленькой птичкой с белым вкусным мясом, легко узнаваемой в лесу по шуму при взлёте. Рябчик неважно слышит и сверх меры глуп в самозащите, чем и пользуются охотники. В общем, по воле Божьей рябчик совершенно беззащитен. Его легко застрелить, что и делается повсюду, где он только водится.

Ямщик и пахарь

С нового года мне предстояла новая работа – ямщичить, вывозить из колхозных амбаров зерно на Борисову гору, в «Заготзерно». Расстояние 110 километров. Три дня в один конец и три дня обратно. Туда и обратно с грузом. Возчиков было несколько человек, но все вместе собирались к выезду не всегда.

Дали мне две лошади и двое саней. Мои лошади принадлежали «Союзпушнине». Одна лошадка очень хорошая, а другая больная. Что-то с дыхательной системой у неё было не в порядке.

Технология перевозок была проста. Нужно было принять грузы на Втором участке и везти. На каждую лошадь полагалось 300 килограммов груза и фуража на дорогу. Самым трудным для меня были погрузка и выгрузка. Мой собственный вес тогда составлял вряд ли больше пятидесяти килограммов, а каждый мешок зерна весил столько же. Требовалась помощь, чтобы взвалить его на плечо, а в «Заготзерне» ещё поднять на этаж выше и засыпать зерно в бункер.

Зима была морозной, одежда худенькая. Единственное, что спасало, – тулуп из некрашеных овчин, приобретённый в ссылке. На санях в дороге долго не усидишь. Холодно, ноги мёрзнут. Поэтому половину пути, чтобы согреться, идёшь пешком. У лошадей ноздри забиваются льдом. Всё время приходилось его счищать, иначе лошадь задыхалась. Вторая проблема – дорога-однопутка в один санный след. При каждой встрече в пути обозов приходилось сворачивать, сталкивать лошадей в глубокий снег, а потом из него выбираться и даже на морозе перепрягать лошадей. Разъездов не было. Поэтому старались выехать с постоялых дворов пораньше.

Работа ямщика – дело хлопотное. Он практически занят круглые сутки. Приедешь на постоялый двор, выпряжешь лошадей. Надо дать им остыть, потом напоить, дать сена. Ночью ещё сходить и посмотреть. А рано утром снова напоить, дать овса и опять запрягать в дорогу. Я не сказал ещё, что надо вовремя чинить сбрую, проверять, в порядке ли сани.

Хлопотны ямщицкие дела. Всем известна песня «Ямщик, не гони лошадей…», в какой-то мере трагичная. Но мы возили не людей, а груз, занимались более скромным делом, хотя и в нашем деле были свои трагические моменты. Кроме перевозки грузов, мы часто ездили за тридцать километров за сеном в Монастырку. Уезжали почти ночью. Успевали наложить сена на двое саней и вечером возвратиться в посёлок.

Сначала сами протаптывали дорогу в глубоком снегу, потом тянули лошадей к стогу. Сильно выматывались. Я был рослый, но очень худой и порой стеснялся своей худобы. Дома стыдился раздеваться до пояса. Бабонька успокаивала меня: «Не бойся, Витя, своей худобы, помни пословицу: худая телега дольше скрипит». И действительно, худоба со временем прошла. Кости обросли мясом, и Бог дал мне прожить долгую жизнь, когда другие братья не дотянули до моих лет. По своему возрасту я всегда был сильным и ловким, всегда был сухопарым. Никто из моих сверстников меня не перебарывал.

Одевался по молодости я неважно. Не во что было. Вся моя одежонка состояла из телогрейки, ватных брюк и простой рубахи. Даже свитера никакого не было. Не было и шарфа. Только ситцевая повязка вроде кушака. Правда, на руках были лохмашки из собачьей шкуры. Они и выручали, не давали совсем околеть. А морозы доходили до пятидесяти градусов!

В дороге мы всегда скандалили со встречными подводами, кому уступать дорогу, залезать в глубокий снег. Со снегом была связана вся моя жизнь, поэтому я хорошо ходил не только на охотничьих лыжах, но и потом, во Владивостоке, на спортивных.

На вывозке зерна я проработал до весны 1942 года. Весной мобилизовали в армию мою любимую лошадь – гнедка. Мне самому надо было отвести его на призывной пункт в Асино. В последний раз в деревне Калиновке я хорошо его накормил. Отдал весь запас овса, и он резво бежал у меня до Асино. Там я освободил гнедка от саней и повёл в поводу до приёмного пункта. Моя лошадь была признана годной в армию. Обнял я гнедка за шею, постоял с ним и у всех людей на виду заплакал. И он, мне кажется, тоже пустил слезу. Возвратился домой я уже на попутной подводе.

В конце мая забрали в Красную Армию моего брата Митю. Он ждал призыва и даже не поехал поступать в институт. А зря! Из института ему была бы прямая дорога в военное училище или в элитные войска. А так он с другими ссыльными мальчишками попал в пехоту, а с нею сразу же в Пинские болота. Там ему не смогли своевременно оказать квалифицированную медицинскую помощь, и Митя скончался на операционном столе от гнойного аппендицита.

Наше прощание с ним было тяжёлым. Жизнерадостный человек, добрый и мягкий, Митя словно чувствовал, что уходит из дома навсегда. За посёлком при расставании он крепко обнял меня и поцеловал, что никогда не бывало при расставаниях мужчин Неволиных.

Как только после таяния снегов подсохла земля, я вместе с

другими хлеборобами выехал в поле пахать. Я любил пахать. Выезжали рано, а природа будто расцветала. Никогда не забуду трелей жаворонков. После ссылки я почему-то никогда их больше не слышал. Жаворонки забирались высоко в небо, а потом молниеносно пикировали к земле, издавая при этом неповторимые трели. Заслушаешься!

После пахоты на полях начиналось боронование, потом сев, прополка и уборка урожая. Полёгшую рожь всегда убирали серпами, а овёс гребками. В перерыве созревания хлебов шла активная заготовка сена. И так всё лето крестьяне работают не покладая рук.

Кроме хлеборобства, у наших колхозников были и другие заботы. Все теперь работали на войну. Ссыльные организовали пимокатное производство, делали лыжи из берёзы и заготовки-болванки для стрелкового и артиллерийского оружия. И ещё заготавливали дёготь, берёзовый уголь, пихтовую хвою, выгоняли из неё пихтовое масло. Женщины вязали рукавички и тёплые носки для воинов. Работы было очень много – сверх головы, но никаких послаблений спецпереселенцам не добавлялось за их трудовые подвиги.

Только в подтверждение того, что власть не дремлет, с началом войны в суровые сибирские края приходили с запада один за другим эшелоны с новыми ссыльными: немцами Поволжья, литовцами, латышами, эстонцами, западными украинцами и белорусами. Причём в отличие от прежних, новых спецпереселенцев везли семьями без мужчин, только женщин с детьми. Всех мужчин с отчего порога сразу отправляли в трудармию или же в лагеря.

Но сибирские эшелоны везли не только заключённых и ссыльных. Бесконечным потоком в Сибирь шли эвакуированные с запада заводы, которые прямо с колёс включались в работу на оборону страны. Патриархальный образ Сибири менялся в считанные месяцы, превращая её в Сибирь индустриальную – в базовый центр тыла воюющей страны.

Этот трудный первый военный год – с лета 1941-го и фактически до осени 1942 года – стал для меня последним годом моего длительного пребывания вместе с родителями в местах нашей томской ссылки. Далее жизнь пошла кругами, и каждый новый круг всё дальше уводил меня от этих гиблых мест.

Продолжение учёбы. Школа в Асино

Наша семья тяжело переживала смерть дорогого Мити. Я очень любил старшего брата и охотно отдал бы жизнь, только бы он остался жив. Прожил Митя всего лишь двадцать лет – день в день. И надо же было цыганке так угадать! Мама даже слегла от переживаний. Видно, недаром говорят: на войне первыми погибают лучшие.

Дальше я не мог уже оставаться в нашем глухом участке. Куда угодно, но только не жить здесь! И родители, посоветовавшись и обдумав всё на сто рядов, решили отправить нас с Машей учиться дальше в десятилетке, теперь уже в Асино.

А тут пришла телеграмма от Саши: его призывают на фронт. Отправка из Асино. До отправки оставалось ровно двое суток. На семейном совете договорились, что со старшим братом обязательно надо кому-то из нас повидаться и передать ему гостинцы от семьи.

До Асино было 110 километров. Транспорта никакого. И я вызвался добраться до райцентра за двое суток пешком. Родители сначала были против (идти по тайге в такое смутное время!), но потом согласились, понимая, что я от задуманного не отступлюсь.

Мама быстренько собрала мне котомку. В этом она была большая мастерица. Всю жизнь кого-то снаряжала и отправляла в дорогу. Кроме еды мне на дорогу, она настряпала гостинцев для Саши. Собрали кое-что из белья. И я ранним утром двинулся в путь.

Я всегда был резвым в ходьбе и сразу поднажал, а кое-где даже пробегал рысцой. Когда миновал деревню Кулички (позади шестьдесят километров), солнце стало заходить за горизонт, а в тайге темнеть. До следующей деревни Калиновки оставалось ещё километров пятнадцать, но я всё-таки решил дойти до неё без отдыха. Шёл по раскисшей от дождя тёмной дороге, озираясь по сторонам.

И вот когда я проходил сплошной хвойный лес, неподалёку раздался страшный треск. Кто-то шумно ломился сквозь чащу. Тут я, конечно, струхнул, хотя до этого не раз один ходил по тайге и ночевал в ней. Но тогда на охоте у меня было с собой ружьё. Здесь же в кармане лишь перочинный ножичек! Я прибавил ходу и, не оглядываясь, бежал бегом около десятка километров, пока передо мной неожиданно не открылась деревня Линда. При виде знакомой деревеньки я немного успокоился и сбавил ход, а потом долго размышлял, кто же напугал меня – медведь или лось? Одно ясно: зверь был крупный. В конечном

итоге на другой день к обеду я уже был в Асино в объятиях брата и в тот же вечер проводил его в армию.

Я получил справки от коменданта на право учёбы и проживания в Асино, а дальше уже начинается история нашей с Машей учёбы в Асиновской средней школе. Жили мы у троюродного брата отца Прокопия Артамоновича Неволина. Родственные отношения в те года были крепкими. Может быть, с позиции сегодняшнего дня кому-то покажется странным, зачем бы троюродному брату, обременённому большой семьёй и имеющему всего лишь одну комнату в полубарачном доме, брать на квартиру двух школьников только потому, что мы его дальняя родня. А вот взял без каких-либо условий.

Прокопий Артамонович тоже находился в ссылке, но его как истинного «лошадника» взяли на работу конюхом в Асино в районное отделение НКВД. И жил он с семьёй во дворе конного двора. В их одну-единственную комнату пристроились и мы с сестрицей, и оба стали учиться. Она в восьмом, а я в девятом классе.

Угла своего мы не имели. Спали на полу. Сами варили себе примитивную еду из картошки и круп, а родители привозили нам сало, мясо, ягоды, капусту, грибы. Хлеб покупали по карточкам. Жена Прокопия Ариша, добрая милая женщина, была не из наших ссыльных, но относилась к нам сочувственно и как-то помогала перебиваться с хлеба на квас. У Ариши с Прокопием были две дочки и маленький сынишка в зыбке, с которым мы иногда водились – качали зыбку.

В школе в Асино я быстро нашёл друзей. И мне здесь учиться тоже нравилось. В классе местных жителей было меньше половины. Преобладали дети эвакуированных родителей из Ленинграда и Северного Кавказа. Преподаватели, в основном, тоже были с запада. Девочек и мальчиков с начала года было приблизительно поровну, а потом парней постарше стали забирать в армию, и мальчишечьи ряды поредели. Кроме эвакуированных, в школе учились и дети военнослужащих из недавно образованного пехотного училища и охранных служб лагерей заключённых.

В 1942 году Асино представляло собой районный центр всего бассейна нижнего течения реки Чулыма, с огромной территорией: не город, а некая смесь рабочего посёлка и старой деревни Аксёновки, на базе которой он и возник. Посёлок не компактный, а весьма разбросанный по территории, включавший лагеря заключённых, военный городок, лесоперевалку, настоящую деревню с районной управой в центре, где стояла наша школа и жили мы. Тут же был небольшой железнодорожный вокзал,

здание которого существует и по сей день.

Директором школы был мужчина по фамилии Уланов. Правда, вскоре его взяли в армию. О директоре ходила слава как об умелом руководителе и воспитателе. Он и потом, после войны, возглавлял школу.

С Машей мы учились хорошо. Она у меня была хозяйкой по еде, а прочие обязанности выполнял я. Вообще нужно сказать, моя Маша была большой умницей и труженицей, а для меня она была не только сестрой, но и большим другом.

В школе я повстречал ещё одного друга детства – Алика Литвинова. Его отец работал у нас главным врачом участковой больницы, а мать – акушеркой. Позже стало известно, что мать вышла из состоятельной дворянской семьи, а отец из пролетариев. Оба были хорошими специалистами. Все ссыльные их уважали.

Кроме Алика, у Литвиновых был ещё младший сынишка. И я, как свой, ходил к ним в дом, где мы с Аликом играли на медвежьей шкуре. У них в доме, кроме всего прочего, был единственный на все участки патефон. В 1938 году отца посадили в каталажку, но потом отпустили (единственный случай в нашей округе!), и он после этого принципиально уехал в райцентр. Когда же мы приехали в Асино, сам Литвинов был уже на фронте, а дети остались с матерью. Алик учился на год младше, и мы с ним теперь виделись реже. Наша дружба ослабла.

Е. Ф. Карпов и В. А. Неволин: дружба длиною 70 лет. На р. Чулым у Ачинска

Зато самая крепкая дружба у меня завязалась с того времени и продолжается по сей день с Женей Карповым. Женя был самым

высоким в школе и способным учеником, особенно в математических науках. Отец его воевал, а он с матерью жил на квартире неподалёку от нас.

Из других одноклассников запомнились Анатолий Шалагинов, Роберт Янукович, Барков. В середине сентября в классе появился Ваня Иванников (летом он работал). Этот Ваня потом стал моим товарищем по военной службе, и мы дружили с ним до конца его жизни. Из девочек с нами учились Роза Альшиц, Ривлина, Кухта и другие эвакуированные ленинградки.

В те годы в школе была хорошо поставлена военная подготовка. Как и в Батурине, военруками были красные командиры запаса, настоящие вояки, люди дисциплинированные, готовящие нас к предстоящим боям. Занятия проводились всерьёз, по-настоящему, с выходом в поле, на местность. Девочки в это время учились на курсах медсестёр.

Иван Семёнович Иванников и Виктор Андриянович Неволин: встреча через 22 года. 1972 год

После занятий в школе я много помогал Прокопию Артамоновичу в хозяйстве. Ведь надо было как-то отрабатывать предоставленное жильё. Убирал в конюшне, кормил лошадей сеном, когда не было хозяина. Часто сам запрягал лошадей для сотрудников НКВД, а позже изредка превращался в кучера энкавэдэшных особ, которые ездили по своим делам, и вечерами ждал их на морозе в санках.

Войне не было конца. В Асино был глубокий тыл, но с

суровым лагерным оттенком. Мало того, что вокруг райцентра располагались сплошь лагеря заключённых, работающих на перевалке и переработке древесины. Сюда со всех концов страны везли ссыльных, выпущенных из тюрем, настоящих доходяг, в основном из западных территорий, освобождённых Советским Союзом перед самой войной.

Однажды я пришёл в парикмахерскую и ждал очереди. В коридоре стояла железная печь, и рядом со мной на лавке оказался мужчина средних лет, весь опухший, в старой лагерной одежде. Он поинтересовался, в каком классе я учусь, что изучаю. Хотя мужчина с трудом говорил на русском языке, я сразу почувствовал, что это человек учёный. Потом он попросил завернуть ему цигарку: у него самого руки не слушались. Я оторвал ему клочок газеты, насыпал махорки, завернул папироску и поджёг. Мой сосед с особым наслаждением вдохнул в себя дым. Спросил меня, изучаем ли мы бином Ньютона.

Потом он поведал мне, что окончил два университета – Венский и Краковский, математик. Когда пришли советские войска на Западную Украину, его за что-то посадили, отправили в лагерь, а потом выпустили по инвалидности и привезли сюда, в ссылку. Он пытался где-нибудь устроиться на работу, но доходяг нигде не брали и не предоставляли жилья, и вот он, горемычный, ищет место где-нибудь погреться. Пробовал пристроиться в деревнях – и там никто не берёт. Вот и ночует, где придётся. Раньше мучил голод, но сейчас даже есть не хочется. Только бы лежать, спать, но и для этого нет никакой возможности.

Ну чем я мог помочь этому обездоленному человеку, когда сам жил на квартире и питался, как попало? Через несколько дней ударил сильный мороз. Даже воробьи замерзали на проводах. Утром я рано пошёл на базар и на обочине дороги увидел замёрзшего человека. Все шли мимо, и никто не останавливался: трупы – дело милиции. В замёрзшем человеке я признал своего недавнего собеседника из парикмахерской. В те холодные зимние дни, рассказывали, помёрзло очень много этих ссыльных. Прямо у костров. Даже огонь не мог согреть их, голодных и обессиленных. Рассказывали, что на одном сибирском полустанке задержался эшелон с заключёнными. Охрана просто забыла о своих узниках, не обеспечила теплушки топливом на ночь, и заморозили заключённых. Человеческая жизнь в то время ничего не стоила.

В конце 1942-го и в начале 1943 годов шёл активный призыв в армию мужчин 1924 и 1925 годов рождения – моих бывших одноклассников. И не только из Асино, но и с участков, и из Батурино. Я не успевал провожать команды на вокзал.

В очередной раз я поехал в Пышкино проводить участковых ребят. Напоследок выпили (где-то нашли самогонки), попрощались, и с большинством навсегда, поскольку попали мои товарищи в самое пекло войны. В эти дни мой старший брат Саша писал с фронта: «Все эти юнцы гибнут десятками тысяч. Их бросают в бой, а они, бедные, кричат «мама!» Необученные, невооружённые, не кормленные как следует. Дадут стопку водки – и в бой!».

Примерно семьдесят процентов всех моих одноклассников не вернулись с фронта. А кто уцелел, уже не возвратился в ссылку.

Этой же зимой призвали в армию брата Васю. Сначала он проходил службу военным врачом в городе Бердске недалеко от Новосибирска. Когда сообщили, что брата увозят на фронт, я захотел повидаться с ним перед отправкой. Для проезда по железной дороге нужно было разрешение милиции. И хотя я иногда возил жену начальника милиции на их вечеринки, он не дал мне разрешения для поездки к брату. Сказал: не уважительная причина для выезда.

Среди моих знакомых по ссылке, не вернувшихся с войны, Ваня Михайлов, Гоша Петров, Ваня Калачёв, Сеня Пичугин, Саня Сухорослов, Миша Чайка, Миша Оралов, Георгий Калачёв, Ваня Макаров, Саша Ермаков, двое Золотухиных, Семён Горбунов…

Да разве всех перечислишь! Все они были очень молоды. Не успели даже познать юношескую любовь, не испытали прикосновения девичьих губ. Прямо из ссылки – и на смертную Голгофу!

Как мы отдыхали все вместе после уроков? Кроме кино, никаких коллективных выходов класса не было. Правда, мы посещали «взрослые» танцы, но там больше глазели, поскольку кавалерами были военные из училища размещённой в Асино пехотной дивизии, формирующейся на фронт. Командиры все были в ремнях, с пистолетами и наганами.

Старшеклассники тоже уже тянулись к женскому полу. Были школьные романы, крепкая дружба. Я дружил с десятиклассницей-отличницей Марией Кусковой. Потом она училась и успешно окончила Томский университет. Дальнейшей её судьбы не знаю. Карпов и Иванников тоже дружили с девочками, но вся дружба ограничивалась походами в кино и совместными занятиями.

В начале января 1943 года я проходил приписку в райвоенкомате и медкомиссию и был признан годным к военной службе. Однако на мандатной комиссии я дал маху. Сознался, что мои родители – ссыльные, отбывающие ссылку в Пышкино-Троицком районе, и потому был сразу переведён в разряд

призывников с ограничением службы в престижных родах войск. Для меня теперь годились только сапёрные, строительные войска или горемычная пехота, что меня, конечно, огорчило. А ведь в Асино никто даже из моих близких друзей, кроме Алика Литвинова, не знал, что я из ссыльных сибулонцев.

Учёба шла своим чередом. Учились. По всем правилам занимались военной подготовкой. Изучали оружие, ориентирование на местности, правила рукопашного боя. Военрук сформировал из нас роту. Меня назначили командиром взвода. Эти занятия здорово пригодились потом мне в дальнейшем.

Мы ежедневно наблюдали, как шло формирование войсковых частей, идущих на фронт. На солдат-новобранцев было жалко смотреть. Одевали их плохо, кормили тоже. Мы ходили с ними в одну баню и видели, как они стоя спят, измученные ежедневными занятиями в поле. Не лучше жили и курсанты пехотного училища. За шесть месяцев их делали офицерами – и на фронт! В общем, в Асино была в полном смысле лагерная и военная обстановка. Теперь и я в свои шестнадцать лет официально считался военнообязанным.

Школьное воспитание

Идеологическому воспитанию большевики придавали первостепенное значение. Хочу напомнить, с чего начиналось воспитание моего мировоззрения. С младенческих лет, едва я начал осознавать себя как человеческое существо, моей душой, всеми моими мыслями владела моя бабушка (бабонька) – истинно верующая старообрядка. До самой школы я фанатично исполнял все религиозные обряды, какие выполняла она сама. Мы вместе «ходили под Богом» и молились, молились, чтобы Господь помог нам выжить, обеспечить сносное существование, дать тепло и одежду.

Далее моё мировоззрение начало формироваться школой, учительницей, окружающей обстановкой. Ведь, несмотря на то что учителя были тоже из ссыльных, они твёрдо придерживались школьной программы, в которую крепко-накрепко была заложена коммунистическая идеология. И первым своим врагом большевики считали религию. С нею коммунисты вели жесточайшую войну, проводя репрессии против священнослужителей. У нас в посёлках, конечно, церквей не было, но их варварское разрушение повсеместно шло по всей стране.

Мне до сих пор кажется совершенно неоправданной в России эта жестокая война коммунистической партии с русской православной верой. Ведь в основу коммунистических идеалов были положены основные каноны христианства о гуманности и справедливости. Зачем нужно было противопоставлять одно другому, тем более добиваться уничтожения религии запрещёнными методами, фактически присваивая себе чужое? Наверное, эту борьбу можно объяснить тем, что большевики не терпели никакого инакомыслия, считая, что только им доверено владеть душами и думами людей.

Борьбу со старым режимом, с прежним укладом жизни партия вела по нескольким направлениям. Прежде всего, велась оголтелая атеистическая, антирелигиозная пропаганда в школе. Запрещалось носить нательные крестики, креститься, ходить в церковь, молиться, отмечать церковные праздники. Запрещены были даже рождественские ёлки (позднее их заменили новогодними).

Организовывались кружки безбожников, читались антирелигиозные лекции. В учебных программах, книгах, в газетах и журналах критиковалась так называемая поповщина, осмеивалось богослужение, помещались всевозможные

карикатуры на священнослужителей. Их обвиняли в пьянстве и аморальности. Слово «поп» стало оскорбительным и уничижительным в отношении любого человека. Среди хулителей этого уважаемого религиозного сана никто и понятия не имел, что истинное значение слова «поп» – пастырь овец православных. И нет в нём ничего унизительного.

Под напором идеологических антирелигиозных страстей и сложившейся школьной обстановки я постепенно утрачивал свою прежнюю приверженность к старообрядческим канонам. К тому же всё меньше оставалось времени молиться по утрам и вечерам.

Сыграл свою роль и отъезд моей наставницы бабоньки к дочери в Ачинск для поправки здоровья. Без неё и мои родители потеряли прежнюю стойкость в вере, стали жить по новым порядкам, поскольку потеряли связи со староверческими семьями, переехав сначала на Первый, а потом и на Второй участок. Я уже не говорю, как издевались над старообрядческими обычаями и верой приставленные к ссыльным крестьянам держиморды-коменданты.

Вот так со временем я почти перестал молиться, но всё же скажу, никогда в своей жизни не забывал Бога. Теперь я понимал, что Бог не сидит на небе и не смотрит на меня ежесекундно, но по-прежнему верил, что какие-то божественные силы существуют и управляют вселенной. Когда мне становилось трудно, я всегда обращался к Богу и просил его помощи.

Кроме школы, на наше воспитание активно воздействовали и общественные детские организации – октябрятские и пионерские. Они тоже били в одну точку в отрицании религиозности, в утверждении в детском сознании коммунистических идей. Детей ссыльных школа активно восстанавливала против своих родителей. Нас не заставляли отказываться от отца с матерью, но постоянно убеждали: «Ваши родители относятся к эксплуататорскому, ненавистному классу. Их привезли сюда для перевоспитания трудом».

Правда, такие «истины» никак не укладывались в детском сознании, потому что мы твёрдо знали: наши родители никогда не были эксплуататорами, всегда жили честно, всю жизнь работали не покладая рук. И жили они совсем бедно, даже нищенски. Просто не захотели принять нового уклада, не пошли в коммуну, а хотели жить прежним семейным укладом, как жили их деды и прадеды. Жить собственным трудом, растить детей и верно служить своему государству. Ведь всякая власть от Бога – так говорилось в священных книгах.

На всех карикатурах в газетах, книжках, журналах того времени показывали кулаков здоровенными мужиками с большим

пузом, как людей, высасывающих кровь из бедных крестьян, называли их мироедами. Нам смешно было смотреть на подобные картинки. Да из всех ссыльных мужиков невозможно было найти ни одного пузатого, мордастого, хотя крупных, сильных и жилистых было много. Эти мужики были настоящими крестьянами-трудягами, а не кровососами и лентяями. Лентяи, если бы они были, сразу бы все погибли в первые же дни ссылки.

Это было поколение людей, чьи предки-первопроходцы столетия назад пришли осваивать Сибирь. Именно на них надо было бы опираться власти в дальнейшем развитии морозной Сибири, а не уничтожать в томских болотах.

По той программе, которая вкладывалась в наши души в советской стране с младенчества, моим первым словом, когда я учился говорить, и первым словом в первом классе должно быть слово «Ленин», а только потом «мама» и «папа». Сколько помню себя, мне всё время твердили, что в жизни я всем обязан именно этому человеку, вождю мирового пролетариата. А вот чем именно я был ему обязан, понять было труднее. Тем, что меня с пяти лет держали в неволе без права выйти за пределы очерченного круга томских болот? Тем, что мои родители (и я вместе с ними) лишены всех человеческих прав неизвестно за что?

Однако вскоре всё чаще везде и всюду по делу и без дела мои воспитатели стали называть для поклонения и обожествления имя другого вождя. Произошла некоторая рокировка. На пьедестал «самого мудрого и великого» (позже даже придумали ещё более нелепую формулировку: «корифей всех наук») поставили генерального секретаря ЦК ВКП (б) Иосифа Виссарионовича Сталина. Вначале в наши головы вбивали лозунги: «Сталин – это Ленин сегодня», а потом Ленина потихоньку задвинули в задний угол, в самом деле превратили в наш вчерашний день.

Православный Казанский собор в Ленинграде превратили в центр антирелигиозной атеистической пропаганды. Зачем нам Господь Бог? Достаточно одного Сталина и на земле, и на небе!

Развитию коммунистической идеологии в тридцатые годы способствовали и процессы естественного движения человеческого общества к совершенству. С годами на службу человека приходили новые научные открытия, новые технологии производства, появлялась новая техника. Технический прогресс создавал новые машины и механизмы, совершенствовалась культура труда. И эти процессы не обошли не только страну Советов в целом, но и наш таёжный угол.

Мы все видели и чувствовали, что в целом жизнь улучшается. Мы уже не жгли лучину и коптилки. Появились керосиновые

лампы. Нам показывали кино. В небе летали самолёты. Пусть не у нас, но в нашем небе. И мы видели их!

«Жить стало лучше, жить стало веселей!» Так сказал сам И. В. Сталин на одном из партийных съездов. Нельзя было не согласиться: жить стало интереснее. Мы получали образование, приобретали знания в семилетних и средних школах, которые стали доступны младшему поколению. В колхозах повысилась урожайность. Развивалось животноводство. И ссыльные стали меньше думать о побегах, почувствовав заботу со стороны государства.

У нас появилась надежда не только выжить, но и жить. И все эти достижения мы связывали теперь с заслугами советской власти. Да ведь и выбора никакого не было. Лучших условий сибулонцам никто и не предлагал. Даже Ленина мы стали любить, как самого дорогого, близкого нам человека.

Отношение моих предков к советской власти было разным. Бабонька большевиков иначе не называла, как антихристами. Мама до конца дней своих не могла простить им, что они лишили её нормальной жизни. Жила она в привычной крестьянской обстановке. Трудилась, вела хозяйство, заботилась о семье. Нарожала семерых детей: кого в бане, кого на заимке или прямо в поле, и считала это вполне нормальным. И вдруг её, молодую тридцатитрёхлетнюю крестьянку, погнали в ссылку за тысячи вёрст и заставили жить в непролазном болоте целых восемнадцать лет. И все эти страшные годы она боролась за выживание своей семьи и детей. Жила в гнилом болоте безвыездно, загубив свои молодые бабьи годы.

Советскую власть мама называла хитрой, но не умной, а Сталина, кроме как кровопийцей, не звала. Она всего-навсего окончила два класса сельской приходской школы, но была мудрой женщиной и неплохо разбиралась в хитросплетениях лицемерной политики большевиков. Неизвестно, откуда, но она знала, что Сталин был рябым и сухоруким. Нам, детям, своего мнения о советской власти не навязывала и всегда повторяла: живите и действуйте, как считаете нужным. Вам жить!

Отец же был несколько иного мнения о советской власти. Свою высылку он считал грубейшей ошибкой властей. Тяжело переживал, что не смог создать благополучия семье, что пришлось ни за что претерпеть столько невзгод и страданий. Но в целом он надеялся, что советская жизнь будет лучше, чем раньше жилось крестьянину. И это мнение с его стороны было легко объяснимо. Рос он без отца, рано познал тяжёлый крестьянский труд, и всегда перед ним стояла проблема, как жить, как прокормить семью.

Правда, так отец рассуждал, когда уже был государственным служащим, жил на зарплату. Он говорил, что раньше крестьянину не было покоя ни летом, ни зимой, ни днём, ни ночью. В конюшне скотина и лошади, и о них надо заботиться. Надо думать о семенах, о фураже и другом. А сегодня колхозник отработал рабочий день и домой – трава не расти! Идёт и спит спокойно. И всегда в коллективе. Интереснее работать сообща.

Таковы были рассуждения бывшего крестьянина, порвавшего связь с землёй. Политикой же отец не интересовался. Ни с кем никаких дискуссий не вёл. Так было спокойнее и надёжнее. И Бог миловал его от дальнейших репрессий. Человеком отец был неконфликтным. Это его и спасло в 1937–1939 годах.

Несмотря на активную одностороннюю коммунистическую пропаганду, обещания построить райское социалистическое, а потом коммунистическое общество, общество равенства и братства, большинство людей не верило в эту утопию, но не протестовало, а просто отмалчивалось. Поскольку же в целом страна развивалась, укреплялась её военная и экономическая мощь, люди поверили советской власти. Рос авторитет Советского Союза на международной арене, да и в предвоенные годы жизнь становилась всё лучше и лучше.

Но доверие народа к партии и к Советам укрепилось всё же, в основном, после войны. В годы войны о хорошей жизни можно было только мечтать. Каждый день тогда перед каждым человеком вставал один-единственный гамлетовский вопрос: быть или не быть? Жить или умереть?

Военно-морское училище

Поскольку в январе 1943 года я уже прошёл приписку и был признан годным к военной службе, проблема моего призыва в ряды действующей армии встала на повестку сегодняшнего дня. Я уже проводил на фронт всех своих одноклассников из ссылки. На участке остался лишь один мой друг (мы с ним вместе охотились) – Коля Мельников. Он был на два года младше меня. Ушли на войну и все мои братья. Теперь я стал ждать своего призыва, хотя по возрасту оставалось более полугода.

Но помог случай. Нечаянно я разговорился с родственником моих знакомых, приехавшему в Асино по делам из Красноярска. Он рассказал, что в Красноярск недавно эвакуирован подготовительный курс Ленинградского высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, и сейчас он принимает добровольцев. В тот же вечер я написал патриотическое заявление, что хочу служить во флоте и прошу принять в училище.

Вызов пришёл быстро. Об этом я рассказал своему другу, однокласснику Ивану Иванникову, и он тоже захотел ехать вместе со мной, если ему пришлют вызов. Он сразу же написал заявление о приёме под мою диктовку. Мы договорились: если придёт ему вызов, поедем вместе. Я его подожду с отъездом. После этого я поинтересовался в райвоенкомате в Асино, может ли военкомат направить меня в училище ВМФ. Мне ответили: «Нет. Пошлём, если придёт вызов». Помня о своем социальном положении ссыльного, я не торопился говорить, что вызов уже пришёл, и решил ехать в Красноярск самостоятельно, не связываясь с Асинским райвоенкоматом.

Для принятия окончательного решения надо было посоветоваться с родителями и получить их благословение. На дорогу туда и обратно требовалось шесть дней. Придя домой пешком, я рассказал папе с мамой о сложившейся ситуации, о своём намерении уйти добровольцем на флот (и не просто в матросы, а в курсанты). Мама заплакала, вспомнив о гибели Мити. Последний сын уходит в армию!

Вначале оба родителя, переживая за меня, посоветовали пожить пока на свободе, поучиться. А вдруг война кончится к моему призыву? Вечером организовали застолье с пивом, которое умела отменно готовить мама. Окончательного решения принято не было. И вообще за столом эту проблему больше не обсуждали. Утром отец ушёл на работу, и мать сказала: «Мы ещё раз подумали вместе и решили: вопрос, идти или не идти

добровольцем, ты должен решить сам, чтобы потом не винить нас. Ты ведь рано стал взрослым. Сам и решай!»

И начались мои сборы на военную службу. Подготовили котомку из обычной мешковины, в которой возили зерно. В два угла котомки положили по картошине, за них привязали лямки – и готово!

Вечером пригласили на проводы близких знакомых и друзей. Родителей попросил не сообщать о моём отъезде коменданту. Кто-то за столом поплакал, кто-то повеселился от выпитого зелья. Такова тогда была традиция. Подружек у меня не было.

Утром встали рано. Отец собрался меня проводить до Зимовского. А там я уже должен был добираться пешком, если кто-то не подберёт на попутной подводе. Перед выходом из дома мама подвела меня к иконе и перекрестила перед расставанием.

Приехав в Асино, я узнал, что Иванников тоже получил вызов из училища. Ваня был из вольных, ещё и комсомольцем. В райвоенкомат решили не обращаться. Боялись, что нас там задержат. Но чтобы ехать самостоятельно, нужно было приобрести железнодорожные билеты – и обязательно с разрешения милиции. Выручила знакомая подружка Ивана. Она выписала нам командировочные удостоверения от «Заготзерно» на Красноярский хлебокомбинат. По этому удостоверению нам и продали билеты.

Теперь оставалось сообщить уже в школе и друзьям, что мы уезжаем в армию. Взяли справки в школе. Попрощались с преподавателями, одноклассниками – и на поезд! Проводить нас на вокзал пришли моя сестра Маша, брат и отец Ивана (мать его недавно умерла) и наши школьные друзья Женя Карпов, Алик Литвинов, Роберт Янукович, Димка Иванов, Маша Кускова, Роза Альшиц, Нина Кухта, Нина Козлова и другие. Ни один военный не сопровождал нас, как это обычно было с призывниками. Всплакнули только моя сестра Маша и отец Ивана. Остальные держались.

В ссылку меня, малолетнего, везли за тысячи верст на плотах, в телячьих вагонах, на подводах, вели пешком по пыльным дорогам и таёжным тропам. Теперь я возвращался в родной Красноярский край уже на пассажирском поезде и без сопровождения охранников. Прошло двенадцать лет. Я снова ехал в неизвестность, из несвободы в несвободу – в армию. Но, может быть, на сей раз эта несвобода будет с человеческим лицом?

Оставшись одни, мы некоторое время ехали молча. Каждый думал о своём, оставленном в ссылке, в Асино. Что можно было вспомнить с лёгким сердцем из пережитых лет? Светлыми в моём детстве и юности вспоминались только два учебных года,

прожитые в вольных посёлках Батурине и Асино. Лишь там я чувствовал себя хоть и маленьким, но человеком. Там не мозолил мне ежедневно глаза комендант с пистолетом на широком ремне. Там мне не надо было бояться, что в любой момент меня могут посадить в каталажку. Не надо было брать разрешения поехать или пойти дальше десяти километров от посёлка.

Сегодня люди из нашего поколения ссыльных говорят, что у нас не было детства и юности. Я с этим не согласен. Мы тоже росли, как все живущие на этом свете. И детство, и юность со всеми присущими только им впечатлениями и переживаниями у нас были. Просто мы рано стали взрослыми, и эти наши впечатления и переживания не были такими счастливыми, как на вольной воле.

Билеты у нас были взяты до Красноярска, но нам предстояло сделать пересадки в Томске и на станции Тайга. В Томск приехали в полдень. Поезд дальше шёл только вечером, и половина дня была в нашем распоряжении. Загруженные продуктами, мы оставили часть вещей в камере хранения, а большие булки хлеба, которые дали Ивану работники «Заготзерна» (он там работал летом), пришлось взять с собой. Съестное в военное голодное время оставлять было опасно.

Сходили на базар. Сфотографировались на «пятиминутке» на память. Чего-то поели. И возвратились на вокзал. До Тайги тоже добрались благополучно, а вот оттуда до Красноярска никак нельзя было уехать. Все проходящие поезда были перегружены. И мы нахально залезли в тамбур (билеты-то у нас были куплены ещё в Асино!), проехали в нём несколько станций и только потом всё-таки перешли в вагон. В Красноярск прибыли рано утром.

Мы совершенно ничего не знали об этом городе. Знали только адрес училища. Поместили в камеру хранения все свои пожитки (на этот раз даже продукты) и направились по указанному адресу, не зная ещё, примут нас там или нет. Училище размещалось на проспекте Сталина (ныне проспект Мира) в здании нынешнего финансового управления. Сели на крыльцо и стали ждать решения своей судьбы. Часовой у дверей сказал: ждите начала рабочего дня. И мы терпеливо ждали.

Ровно в назначенный час нас приняли в отделе кадров училища. Взяли наши документы и направили на пересыльный пункт, на улицу Ломоносова, в бывшую школу, которую занимало училище. Теперь мы шли уже в сопровождении рассыльного. Там нас без проволочки приняли, определили место, койку, сдали дежурному по пункту и объяснили, что на обед поведут строем, как и других, также находившихся на пункте, но ещё не зачисленных курсантами.

К обеду пришёл дежурный в матросской форме. Отдал команду строиться и повёл нас с парой десятков таких же юнцов, как и мы, в столовую, которая также размещалась на проспекте Сталина в железнодорожном доме культуры, куда позже вселился театр музыкальной комедии. Там же размещалось и общежитие училища. Строй у нас не получился полностью военным. Шли кто как. Мы в школе на военных занятиях ходили строем гораздо лучше. В общем, на фоне курсантов мы, новички, выглядели смешными и оборванцами.

За обедом нас посадили за столы рядом с курсантами. Обед из трёх блюд: борщ флотский, котлета с картошкой и компот – нам с Иваном показался просто шикарным. Я таких обедов в жизни не едал и не видал. На третье дали компот из сухофруктов. Поразило нас и то, что кроме ложки дали ещё и вилку с чайной ложечкой. Ну мы обрадовались: как вкусно нас накормили! Тем более что мы уже давно не ели горячего.

Потом нас снова строем вывели в карантинный блок. В первый день ничем не загружали. Объявили только, что для вновь прибывших завтра будет проводиться медкомиссия. Мы с Иваном оба волновались: вдруг забракуют? Ведь идёт набор на флот, да ещё в элитное училище! Конечно, в Асино мы тоже проходили медкомиссию, но здесь-то совсем другое дело!

На другой день нас пропустили через семь или восемь кабинетов с самыми разными врачами. Это была медицинская комиссия не одного училища, а всего Красноярского гарнизона, где призывников осматривают на пригодность во все рода войск. На наше счастье, мы с Иваном оба оказались годными для службы в военно-морском флоте, хотя несколько ребят из нашего потока были отсеяны сразу. Музыкой прозвучали для меня эти слова: «Годен к службе на флоте!»

С первых дней мы привыкали к воинскому порядку в карантине – от побудки до отбоя. Ужин был полегче. Не было первого, а на второе жареная рыба с картофельным пюре и что-то из холодного. А ещё вечером по распорядку был вечерний чай, но нас на четвёртую трапезу не водили и давали эту порцию при ужине, поскольку с улицы Ломоносова далеко было ходить.

Впервые в жизни я уснул на железной кровати под двумя простынями. «Отходить ко сну» разрешалось только по команде «отбой». А в другие дни нас уже выводили перед сном на вечернюю прогулку и заставляли петь.

Для того чтобы стать курсантом, предстояла сдача экзаменов в виде собеседования по математике, физике и химии по программе девятого класса. Сочинение я написал на «четвёрку».

Экзамены мы с Иваном сдали успешно, прошли по конкурсу.

Теперь предстояло пройти мандатную комиссию, которую я боялся больше всего. Нас завели в свободную аудиторию, каждому выдали большую анкету на два листа с множеством вопросов, для меня весьма не простых. Вопрос первый: социальное происхождение. Пишу ответ: из крестьян-середняков. Вопрос второй: лишение прав родителей. Пишу «нет». И ещё «нет» на три вопроса о моём прошлом и прошлом моих родителей, которые я отчасти скрыл, а отчасти исказил. Понятно, что такой ответ можно было назвать обманом государства, но я на него решился сознательно. Будь что будет!

На мандатной комиссии председательствовал сам начальник училища, капитан первого ранга Апостоли, высокий, красивый и стройный грек по национальности. Особенно впечатляюще он выглядел в парадной форме с кортиком. И когда он шёл по городу во главе колонны курсантов под духовой оркестр, весь Красноярск выходил смотреть на такое красивое зрелище.

В. А. Неволин – курсант подготовительного курса Ленинградского высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе.

И вот первый вопрос на мандатной комиссии: почему не являетесь комсомольцем? Отвечаю: не успел подготовиться для вступления. Начальнику политотдела мой ответ понравился, и он сказал: «Мы его примем в училище». А ведь на самом деле я пытался вступить в комсомол, но нам, ссыльным, путь туда был перекрыт как «враждебным элементам».

На все остальные вопросы я отвечал бойко, порой патриотично. И вывод мандатной комиссии был для меня вполне благоприятным: «Принять курсантом подготовительного курса Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе».

После помывки в городской бане, которая тогда находилась возле речного вокзала, нас переодели в военную форму. А на другой день было принятие военной присяги. Перед флагом и строем, с винтовкой, мы дали торжественную клятву верности служения своему Отечеству. Так я стал полноправным курсантом училища, о котором мечтал. У меня началась другая жизнь. Радость была неописуемая. Так я расстался со вчерашним позорным прошлым, со своей двенадцатилетней ссылкой.

Однако эта радость вскоре сменилась глубокой и мучительной тревогой, которая продолжалась более десяти лет. Я знал, что учиться и служить в элитарном высшем заведении не каждому дано право, тем более мне, учитывая социальное положение моих родителей.

Конец войне и ссылке

Находясь теперь далеко от дома, я постоянно следил, что происходило в наших ссыльных краях. Вёл большую переписку не только с родителями, но и с друзьями, родственниками.

Шла война. Шли похоронки. Мужчин в ссылке практически уже не оставалось. Их выкосили фронт и трудовая армия. Дома задержались лишь инвалиды. В колхозе работали одни женщины. Лошадей тоже забрали в армию. И бедные женщины пробовали пахать на бычках и коровах. Ужасно было представить такое зрелище!

С фронта возвращалась только калеки. Пришёл, вернее, привезли домой совершенно слепого Гришу Зиновьева. Он был офицером-миномётчиком. В бою перед ним разорвался снаряд и полностью лишил его зрения и повредил конечности. Жалко парня. Я с ним немного дружил, хотя он был гораздо старше. Но жили мы рядом. Гриша очень красиво плавал, по-змеиному, половина его туловища была на поверхности. Ослепший, Григорий не остался одиноким. Одна из знакомых девушек решила связать с ним жизнь – вышла за него замуж. Потом у них появилось двое мальчиков, которые стали поводырями отца.

Не обошлось в нашем поколении ссыльных и без героев. На Третьем участке жил Гриша Григорьев. Учился он где-то до шестого класса, но был страшным хулиганом. От него стонали все учителя, а Григорий не хотел признавать никого, почти открыто курил. И, наконец, директор исключил «неисправимого» из школы. Сказал: учись, где хочешь, а у нас для тебя нет места. И парень пошёл работать в колхоз.

Воевать он ушёл одним из первых. И к всеобщему удивлению (и радости, конечно!) стал первым Героем Советского Союза из наших мест. Григорий Григорьев приехал на побывку домой. И всё тот же директор школы пригласил его встретиться с учениками родной школы и сказал о герое много добрых слов. А как же! Ведь Гриша прославил нашу школу своим геройством. Почему бы школе не гордиться им?

Был и третий Григорий – Потылицин, ему сильно не повезло, он попал в плен. Ему долго пришлось доказывать и оправдываться, что туда попал не по своей воле, была окружена целая армия, но ему не верили, ведь он из бывших кулаков. Вот такова судьба моих земляков Григориев, ушедших на фронт.

Посёлки ссыльных потеряли до семидесяти процентов призванных на войну. Особенно пострадали парни 1922,1923,1924 годов рождения. Эти ребята в первые годы войны

приняли сокрушительный удар фашистских оккупантов на себя. Они стали живым щитом Родины. Им обязана Родина своим спасением.

Закончилась война. Посёлки опустели без мужиков. Население поредело. Хозяйство пришло в упадок. С самого начала было ясно, что земля эта не для хлебопашества. И после войны статус ссыльных поменялся. Смягчился комендантский режим. Люди получили избирательное право, но не получили права на выезд из спецпоселения.

Освободив население Восточной Европы от фашизма, «отец народов» наконец вспомнил о своих подданных, так называемых раскулаченных крестьянах, которых в начале 1930-х годов загнал в ссылку в самые глухие северные места России, куда в своё время даже царские сатрапы не могли додуматься упрятать его самого за политические и уголовные преступления перед законом государства Российского. И в 1947 году он лично своей рукой подписал постановление Совета Министров СССР от 7 мая № 1413—375СС, в котором говорилось: «Отменить особый режим и снять ограничения с бывших кулаков, расселённых в спецпоселениях Красноярского края, Карело-Финской АССР, Молотовской, Вологодской, Новосибирских областях и отменить в этих спецпоселениях спецкомендатуры Министерства внутренних дел СССР».

Тогдашние идеологи этот факт освещали как великодушие и заботу вождя о народе. В других же областях решение правительства вышло на год позже, в 1948 году. Постановление выполнялось в течение нескольких лет. С 1954 года началась выдача паспортов и частичная реабилитация, но это уже было при Н. С. Хрущёве.

После этого постановления правительства жалкие остатки сибулонцев стали вывозить из тайги поближе к районному центру Пышкино-Троицкому, в деревни Сергеевку, Крутоложное, Новомарининскую и другие, где ещё существовали разорившиеся колхозы. Численность выезжавших составляла всего лишь несколько процентов от ввезённых сюда людей в тридцатые годы. Это были старые и больные люди, из которых ссылка высосала все жизненные соки. Наши родители тоже переехали в районный центр, где отец продолжал работать в «Союзпушнине», и на этом закончилась их восемнадцатилетняя ссылка.

За всё время ссылки на поля колхозов ссыльных не поступило ни одного трактора, ни одной автомашины. Основной тягловой силой были люди, лошади, а в конце войны – бычки и коровы.

Как мне известно, обратно в Верхнеусинское из наших ссыльных на постоянное место жительства вернулось лишь

несколько человек. Среди них был и Викул Изотович Горбунов, потерявший на войне старшего сына, а также жену и дочь на участках. Сам он тоже отбыл трудовую армию. Приехал, как говорил, для того, чтобы умереть на родной земле, где жили его предки. Купил себе маленькую избушку на берегу Уса и там дожил свои последние дни. Собственный дом, им же построенный, принадлежал теперь другому хозяину.

Афанасий Колодкин добрался после войны на малую родину на костылях. Его ранили в самых последних сражениях военной мясорубки, и он остался без ноги. А как когда-то отплясывал Афанасий на первой колхозной гулянке – больше всех! Бесплатное жильё инвалиду войны в Верхнеусинском, конечно, не предоставили. Устроился сам у родственников.

Вернулся на родину и герой войны, кавалер солдатских орденов Славы Тимофей Михайлов. Я уже писал, что это был мужик богатырского сложения. Он ещё на ссылке хотел покончить жизнь самоубийством, но тогда не до конца перерезал бритвой горло, и врачи его спасли. А теперь, вернувшись с войны в Верхнеусинское, в порыве отчаяния добровольно ушёл из жизни.

Семья Артамона Алексеевича Неволит. 1937 год

Из молодых ссыльных вернулась в Верхнеусинское наша учительница младших классов Лида Кокарева. Её отец также появился там после 20 лет тюрьмы и ссылки. Я был у них в гостях в начале пятидесятых годов ещё студентом. М.И. Кокарев был красивый старик – мощный, с большой окладистой бородой.

Умное лицо, как у учёного. Он поведал нам о превратностях своей судьбы, и я поразился, как мог человек выжить в таких жутких условиях и остаться оптимистом.

Остальные же жители бывшего Усинского района, выселенные в 1930-е годы отсюда по воле большевиков, теперь по воле «демократов» получили статус политически репрессированных. Они реабилитированы, и для них установлены некоторые льготы. Однако возврат отнятой недвижимости и стоимости скота так запутан, что по закону ничего не добьёшься, и хлопотать здесь ни к чему.

Есть льготы для проезда на железнодорожном, водном и автотранспорте. Можно бесплатно проехать один раз в год в оба конца в любой населённый пункт России. Положено бесплатное протезирование зубов. Государство согласно даже похоронить репрессированных за свой счёт. Правда, скоро уже некого будет хоронить.

Что же касается Неволиных, то сообщу следующее.

В трех усинских неволинских семьях было 19 детей:

Первая, Неволиных Андреяна Моисеевича и Ефимьи Евстигнеевны, вырастила шестерых детей, имена которых называл неоднократно.

Во второй, Неволиных Павла Трофимовича и Евдении Алексеевны, было шестеро детей: Илья, Дмитрий, Павел, Анфиса, Гавриил, Назар.

В третьей, Неволиных Артамона Алексеевича и Марии Васильевны, было семеро детей: Капитолина, Прокопий, Семён, Агапия, Наталья, Тамара, Иван.

Восемь из детей стали участниками Великой Отечественной войны, двое из них не вернулись: Гавриил и Дмитрий, один пришёл инвалидом с одной рукой – Семён.

Назар Павлович Неволин. 1945 год

Никто из этих неволинских солдат после войны не вернулся к своим родителям в ссылку, они стали устраивать свою жизнь самостоятельно, искать себе пристанище на всей территории Советского Союза, помогая друг другу морально и материально.

Наиболее удачно сложилась судьба Назара Павловича. Демобилизовавшись в звании капитана артиллерии, он поехал к своему старшему брату Илье в Ташкент, устроился работать на один из заводов, руководство которого через некоторое время послало его в Москву в Высшую школу профсоюзного движения. Успешно окончил её, прошёл аспирантуру, защитил диссертацию. В дальнейшем стал работать в аппарате правительства СССР заместителем заведующего секретариатом Л.М. Кагановича. Закончил свою служебную карьеру заместителем министра труда РСФСР.

Павел Павлович, демобилизовавшись, остался в Ленинграде. Работал простым рабочим на заводе. Заочно окончил среднюю школу, институт и впоследствии стал главным инженером одного из крупнейших научно-производственных объединений Ленинграда.

Александр Андреянович стал кадровым военным, служил в Польше, а потом в Кантемировской танковой дивизии под Москвой.

Мария, Александр и Евдокия. 1948 год

Василий Андреянович врач, уехал в Донбасс в город Артёмовск и стал там жить и работать.

Семён Артамонович стал финансистом в районном центре Пышкино-Троицкое. Прокопий Артамонович, бывший конюх, выучился на машиниста паровоза.

Женщины из семьи Неволиных стали: врачом Мария, инженером Евдокия, фельдшером, медсестрой Наталья и Тамара, портнихой Анфиса.

Токарем высшей квалификации всю жизнь проработал на оборонно-космических предприятиях Илья Павлович, а Иван Артамонович – трактористом и шофёром.

Сегодня можно встретить представителей неволинского молодого поколения в Черногорске, Красноярске, Томске, Новосибирске, Омске, Москве, Санкт-Петербурге, Донбассе, Крыму и на Северном Кавказе. И, к большому сожалению, никто из Неволиных не возвратился в родные сёла в их разорённые гнёзда – в Верхнеусинское и Нижнеусинское. И никто из них не стал потомственным крестьянином-земледельцем, народным кормильцем.

Что же касается нашей семьи и лично меня, то в официальной справке о реабилитации, выданной УВД Томской области на имя Неволина В. А., говорится: «Неволин В.А. с учёта

спецпоселения снят (сбежал из ссылки на военную службу) 27 февраля 1943 года».

Родители с детьми и новым поколением. Абакан, 1959 год

Мои родители на основании Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года, ст. 3, пункт В, признаны реабилитированными, соответственно и я. На основании справки получил свидетельство как невинная жертва политических репрессий.

Политическая реабилитация произошла ровно через 60 лет после выселения. Но о ней уже не знали не только мои родители, но и старшие братья. В живых нас из большой семьи осталось только трое: я и младшие сёстры Мария и Евдокия.

Старшее поколение Неволиных, 1960-е годы

От «льгот», установленных правительством России, связанных с возмещением стоимости имущества нашей семьи, конфискованного в 1931 году, мы отказались.

Сталина я видел живым и мёртвым. Он никогда не был моим кумиром. Добившись неограниченной личной верховной власти, этот деспот, находясь за высокими толстыми стенами Московского Кремля, не слышал стоны, плач и рыдания миллионов беззащитных женщин и детей, не видел рек пролитых слёз и даже не услышал при своём правлении проклятий за совершённые им злодеяния против своего народа. Но я рано понял, осознал, что во всех этих злодеяниях не меньше его, а может быть, и больше, виновен русский народ, который ему верил и охотно выполнял его волю. Поэтому я не озлобился на власть и старался честно служить своему Отечеству.

Я всю жизнь любил деревню, сельскую жизнь и гордился своим крестьянским происхождением. Никогда не стеснялся признаваться, что вышел из старообрядческой семьи, зная, что население к ним относится негативно. Вследствие отсутствия религиозного познания я не видел разницы между старообрядцами и православными, у тех и других один Бог, которому они верят, и я считаю, что зря они ведут между собой борьбу.

Андреян Моисеевич Неволин с внучками Наташей и Людмилой. 1967 год

Я посетил все существующие в России и на Украине церковные лавры и, бывая в Москве, охотно посещал известные православные храмы, поскольку о существовании старообрядческих храмов не знал. Ставил свечи в память своих родителей и близких людей, уже ушедших в иной мир, присутствовал на богослужениях, кланялся, но никогда не крестился двуперстием. А в конце минувшего века узнал, что в Москве в районе Рогожского кладбища стоит старообрядческий храм, и сразу поехал туда. Увидел огромную колокольню, находящуюся в реставрации, и внешне поблекший храм. Вся территория и объекты были чисто прибраны, а внутри храм был очень, очень беден, имел жалкий вид по сравнению с православными московскими храмами. На кладбище отыскал могилы известных Морозовых. Там же увидел большую тёмную глыбу природного камня на могиле Саввы Морозова, но без креста, как покинувшего мир по собственному желанию.

Семья Мельниковых: Мария Андреяновна (сестра В.А. Неволина), Николай Николаевич, Оля и Вика

Старообрядцы были людьми слова и дела, отличались честностью и трудолюбием, были физически сильными. В старообрядческой общине уважали старших, с малолетства воспитывали и утверждали в людях Божьи заповеди и обряды. Запрещалось пьянство, курение и блуд. Сами по себе эти люди были дружны и всегда оказывали помощь друг другу, особенно по родству.

Но эти времена давно прошли. Сегодня в Центральной Сибири можно встретить лишь отдельные поселения в самых отдалённых местах Западных Саян, Алтая, Приангарья, Эвенкии, Туруханского района. Они не только поредели, но и изменили образ своего существования и исполнения религиозных канонов.

Моя семья. Галина Тимофеевна, Татьяна и Марта. 1978 год

Быть старообрядцем и строго выполнять все существующие религиозные каноны в современном обществе очень сложно. На этот счёт недавно ушедший в иной мир старообрядческий митрополит с высоким учёным званием сказал в своём интервью: «Эта религия не каждому по зубам».

Через 23 года и позже

Мои родители, пребывая в ссылке, очень часто вспоминали о родном Верхнеусинском. Хвалили, говорили, как им там хорошо жилось, любили сердцем свою малую родину. Для них всё там было красиво, и особенно природа: горы и леса, чёрная смородина и земляника, росшая на солнцепёке, чистая и прозрачная вода в Усе и её притоках, вкусная рыба, которая там водилась, не то что в томской тайге. Какие были красивые гулянья молодёжи и их обряды! Отец хвалил саянский горный пейзаж. Говорил, что если заблудишься в лесу, выйди на любую вершину горы, и сразу поймёшь, где ты находишься, не то что в болотистой тайге.

От всех этих рассказов во мне тоже с детства жила тоска по моей малой родине. Всё хотелось там побывать, увидеть своими глазами, какая она на самом деле, и даже думал возвратиться туда жить.

У родительского дома в с. Верхнеусинском. 1975 год

Но сборы на родину у меня были долгими, всё как-то не удавалось и откладывалось на потом.

И вот, будучи студентом третьего курса Томского госуниверситета, находясь на геологической производственной практике в Горной Шории на поисках титано-магнетитовых руд, я

был близок к Усинской котловине и был намерен туда поехать. Чтобы заработать немного денег, почти на месяц продолжил практику. Добираться до родных мест можно было двумя маршрутами: или ехать туда обратным путём через станцию Тайга, а это заняло бы 4–5 суток, или же таёжной тропой пройти до посёлка Абаза более 100 километров. Решил идти по второму маршруту. Начальник геологической партии Гурген Иванович Спандарашвили отговаривал, предупреждая, что путь очень опасен: здесь много медведей и часты побеги заключённых из лагеря неподалёку, которые отбывали срок за политические преступления и не имели даже своих фамилий, а носили только номера. Но я остался непреклонен.

Дали мне несколько банок тушёнки и сгущёнки, сухари, и я рано утром двинулся в путь.

Я не шёл, а почти бежал по таёжной тропе, при пересечении маленьких рек и ключей боялся её потерять, поэтому ориентировался только по засекам на деревьях. Ночевать остановился уже в потёмках. Выбрал большую ветвистую ель. Для защиты от зверя в двух метрах от дерева разложил костёр, запасся дровами, ветками и поддерживал его всю ночь. Тогда я не знал, что где-то совсем рядом обитал старообрядец Лыков со своей семьёй.

На другой день к обеду дошёл до Абазы, а там уже на попутной машине к вечеру приехал в Абакан.

И почти сразу заявил родителям, что еду в Верхнеусинск. Они стали меня уговаривать, что мне незачем туда ехать. Из родных там проживали лишь старенькие мои тёти по линии мамы. Но я был уже подготовлен, и через день, купив в Минусинске билет на автобус, поехал в сторону Кызыла по старой дороге Усинского тракта и на отвороте в Усинск сошёл с автобуса.

Подождал некоторое время попутный транспорт, но его не оказалось, пошёл пешком, а потом нагнала меня грузовая машина, и я поехал в кузове. Сердце моё стало учащённо биться: что же я увижу в родном селе и за его пределами? Вскоре слева я увидел сопку, на склоне которой когда-то был наш земельный надел. Меня один раз туда привозили, мы там копали сладкие корни солодки.

При въезде в село сразу разыскал на Зелёной улице (как тогда её называли) маленький домишко, в котором ютились три мои тёти: Анастасия, Ульяна и Феклуша. Первая была вдовой, а две другие остались старыми девами. Приняли меня они с радостью. Весь вечер я рассказывал о нашей семье и своей жизни. Жили они очень бедно, никто из них уже не работал по найму, хозяйства не было. Питались случайными заработками: нянчили

чужих детей, летом собирали ягоды и грибы, продавали их и этим жили.

На другой день утром я пошёл по селу и в первую очередь к своему родному дому, по памяти сразу его отыскал на главной улице Ленина. Берёза, которая стояла тогда у бабушкиного окна, исчезла, ворота и калитка в дом покосились. Решил зайти в дом. Хозяйка встретила меня недоверчиво, но впустила в квартиру. Вся внутренняя обстановка изменилась: не было длинной лавки, где спали старшие братья, как и полатей, куда нас, младших детей, родители забрасывали на ночь. Стоял небольшой стол, а нашего длинного уже не было, как не было и божницы, на которой стояли старообрядческие иконы.

Во дворе большие перемены: огород и конюшни для животных река Ус снесла, завозни и других хозяйственных построек уже не было.

Проходя по улицам, увидел, что по-прежнему стоит дом купца Вавилина, но уже покосившийся. Дутовскую мельницу сровняли с землёй. Речка Макаровка, протекавшая через село и в которой мы ловили пескарей, превратилась в небольшой ручеёк. Нет деревянной церкви. Снесло половодьем и мост через реку Ус, который связывал Верхнеусинское село с Нижнеусинским. На месте, где был погранотряд, построена средняя школа. В большом доме дедушки Павла Моисеевича разместилась контора местного колхоза.

Зашёл в два магазина, но полки там оказались полупустыми. Вина, чтобы угостить тётушек, в них не оказалось. Местные жители сказали, что его можно купить в посёлке мараловодов, это в 7–8 километрах от Усинска, сходил и туда. Купил продукты тётям. За весь день я обошёл всё своё родное село и не увидел ни одного нового дома, а в оставшихся от ссыльных деревенских домах жили новые хозяева. Дома эти не обновлялись и не ремонтировались.

Вечером устроили праздник, было воскресенье. Было уже темно, я вышел на улицу, вся жизнь на селе замерла, улицы не освещались в это время. Я не услышал весёлых, громких песен молодых людей, ни гармошки, ни хороводов, которые устраивались даже во времена нашей ссылки в посёлках. От увиденного душа моя успокоилась, и теперь я уже не хотел постоянно жить на моей малой родине. На другой день рано утром я покинул её.

Но непонятные мне какие-то внутренние силы продолжают тянуть меня туда даже по сей день. И когда я стал руководителем геологической службы Центральной Сибири (Красноярский край, Хакасия и Тува), то при служебных поездках в Тувинскую

автономную республику по Усинскому тракту я обязательно заезжал в Верхнеусинск, и как-то всё это происходило под вечер. Я приходил к своему родному дому, долго стоял и, поклонившись ему, уезжал, не останавливаясь здесь на ночлег. Уезжали на 6–7 километров от села на поляну, ставили палатку, готовили ужин, и потом я уходил на берег Уса, долго слушал шум его воды, смотрел на яркие звёзды и после долго не мог заснуть. Водитель служебной машины Николай Григорьевич Буянов чувствовал, что я о чём-то печалюсь, страдаю, но по своей скромности ни разу не спросил меня об этом, а я так ему и не раскрылся.

Сегодня я не могу себя понять и простить: почему, бывая в Верхнеусинске, я ни разу не зашёл в сельскую управу, не представился и не предложил помощь в проведении геологических изысканий материально-техническими ресурсами нашего объединения «Красноярскгеология», что я всегда делал в других районах Красноярского края.

В 1987 году я сопровождал министра геологии СССР Е.А. Козловского в поездке по Усинскому тракту от Кызыла до Абакана. Подъезжая к Усинскому маральнику, мы увидели несколько магистральных канав геолого-поискового характера, проведённых тувинскими геологами. Я министру сказал, что запретил здесь проводить горные работы, а через десяток километров пути был отворот просёлочной дороги на Верхнеусинск, и здесь я ему поведал, что в 20 километрах отсюда я родился. Он промолчал и ничего не сказал. И через какое-то время в Москве на совещании руководителей производственных геологических организаций, как бы между прочим, министр сказал: «Вот Неволин не любит геологию, он даже на своей родине запретил проводить геологоразведочные работы». Я не придал особого значения его высказываниям.

Геологическое строение Западного Саяна, в том числе Усинской котловины, я глубоко изучал по геологической литературе. Хорошо знаю все открытые здесь рудопроявления и месторождения асбеста, меди, золота. Но затаскивать в эту сибирскую природную жемчужину горно-металлургическую и химическую промышленность считаю преступным делом. Этот центр Азии должен быть заповедным местом, а его природный ландшафт и животный мир должны строго охраняться. Эта территория должна быть местом туризма, спорта и отдыха, здесь необходимо расположить центр научных исследований всех природных явлений, происходящих в Центральной Азии.

В своё время мне предлагали работу в Москве, но я отказался и до сих пор не жалею об этом. Теперь моим родным был весь Красноярский край.

Вместо заключения

В Гражданскую войну российские люди озверели, они искали своих противников и уничтожали друг друга. И, казалось бы, к 1930-м годам пора им успокоиться и начать мирно трудиться и жить. Однако существующий государственный режим искал новых противников, и нашёл их в деревне среди наиболее работящих крестьян, с неохотой принявших коллективизацию в стране. Вот их-то и объявили врагами народа и дали им имя так называемых кулаков. Конфисковали их имущество и целыми семьями сослали в самые северные дремучие места, где они и пробыли в спецпоселениях около 20 лет. Об этом я и пытался рассказать на примере своей семьи и раскулаченных крестьян юга Красноярского края.

Всех их потом реабилитировали, в основном посмертно, установили им небольшие социально-экономические льготы, а российская власть даже дала согласие на возмещение им материального ущерба, полученного при раскулачивании.

Память человеческая не даёт спокойно жить и забыть наиболее значимые события из прожитой жизни, тем более многолетнее пребывание в ссылке.

В год её пятидесятилетия мы со старшим братом Александром списались и решили проделать путь тем же маршрутом, которым нас везли в ссылку, только на автомобиле. Водный путь был исключён, поскольку Енисей перекрыт строящейся Саяно-Шушенской ГЭС, а путь поездом из Абакана до Ачинска для нас был уже давно знакомым. Мы хотели не только посмотреть, что же красноярские ссыльные оставили после себя в томской заболоченной тайге, но и постараться установить деревянный крест как память в центре спецпоселения на Втором участке, для этого взяли с собой топор, пилу и лопату. С нами согласился поехать в качестве водителя М. В. Шимохин на машине УАЗ-469 повышенной проходимости.

Наш путь на север начинался с железнодорожной станции Ижморка, проехать нужно было около 250 километров. В памяти, особенно у меня, сохранились многие подробности, и я, собственно, выбирал путь для этого путешествия. Что бросилось в глаза: эта просёлочная дорога мало изменилась, её покрытие осталось тем же, большинство бывших поселений уменьшилось по количеству людей, а многие вообще исчезли с этой земли. В районном центре Пышкино-Троицкое (ныне оно переименовано в Первомайское, как и сам район) встретили лишь две семьи – С.А. Неволина и Р.А. Истигечева, а вот доехать до места ссылки нам не

удалось. За 60 километров до него нам преградил путь разрушенный мост через речку. Погоревав, вынуждены были возвратиться, поскольку впереди было ещё много речек, и только недавно прошёл паводок. В Томске я посадил брата на поезд, и мы вернулись в Красноярск.

Но моё желание проделать этот путь на этом не угасло. Лет через десять я договорился со своим зятем добраться до ссыльных мест пешком от Монастырки, куда можно было доехать на автомашине. Н. Н. Мельников должен был в назначенный день приехать из Новосибирска в Томск, где я его должен был забрать. Но в Томске на железнодорожном вокзале его не оказалось. Позвонил сестре, и она мне сказала, что у Николая приступ радикулита. Что делать? Решил идти пешком один. На этот раз мы доехали до Монастырки, а дальше машина идти не может. Я попросил водителя, Владимира Павловича, меня здесь ждать, а сам, с ружьём и фотоаппаратом, отправился в путь. Через пару километров спугнул выводок рябчиков, а потом услышал в тайге шум трактора, идущего за мной по таёжной дороге.

Подъехал вездеход ГАЗ-54, в его кузове три человека, из кабины вышел молодой человек. Знакомимся. Охотовед, недавний выпускник биологического факультета Томского госуниверситета, живет в п. Орехово (бывший Куличков). Он получил лицензию на право создания охотничьего пункта на территории бывших спецпоселений. Там расплодилось много медведей, сохатых, соболя, белки и других зверей, а также боровая дичь: глухари и рябчики.

Сейчас он ехал туда для того, чтобы построить дом и рассчитать площадку для приёма вертолётов. Он намерен развивать там охотничий туризм для богатых иностранцев. В то же время собирался набрать брусники, которой в том году было много.

Когда я рассказал ему о своих намерениях, зачем я туда иду, он сказал, причём категорично, что в эти места я просто не смогу пройти из-за отсутствия моста через реку Чичка-Юл, который много лет назад был разрушен и снесён половодьем. А что касается моего желания увидеть бывшие участки спецпоселенцев, то на их месте ничего не осталось: поля и дороги заросли лесом и кустарниками, дома сгнили или сгорели, не найти и кладбища, не говоря уже об отдельных могилах, которыми я интересовался.

После этой встречи и рассказов мне ничего не оставалось делать, как вернуться к своей машине и следовать обратно в Красноярск. Охотовед попросил меня прислать ему несколько дефицитных запчастей к его вездеходу. Эту просьбу я охотно выполнил.

Вот так. Природа сумела залечить все свои раны, нанесённые ей человеком. А что же после этого сделать людям? Наверное, сохранить хоть горькую, но память об узниках, невинно пострадавших во времена бездумных, бессмысленных и жестоких репрессий сталинского режима против собственного народа, и не повторить их в будущем.

А вся политическая кампания тридцатых годов по выселению крестьян из своих родных мест является, как мне думается, не чем иным, как позором нации, которая не ценит и не уважает своих граждан.

Список семей в зоне спецкомендатуры на участках

Агафоновы
Андреевы
Баевы
Баншевы
Бреховы
Вахрушевы
Верёвкины
Горбуновы – *2 семьи*

Григорьевы
Даниловы
Доможаковы
Донковцевы – *2 семьи*

Донцовы
Дороховы
Дутовы
Евдокимовы
Елисеевы
Ермаковы
Ероховы
Жулидовы
Зайцевы
Зиновьевы
Золотухины
Зотовы
Зыряновы
Ивановы
Исаевы
Кадочниковы
Казанцевы
Катцины
Кокорева
Колачёвы
Колодкины
Коновы
Корнеевы
Коробейниковы
Корчаполовы

Краснощёковы
Кривошапкины
Кузьмины
Лалетины
Лапшины
Лиманские
Лопатины
Лоскутовы – *2 семьи*

Лузины
Макаровы
Маншанцевы
Медведевы
Мельниковы
Мильчаковы
Михайловы – *2 семьи*

Михеевы
Молафеевы
Молчановы
Мордвиновы
Моховы
Муравьёвы
Мурзины
Мыльниковы
Найдёновы
Неволины – *5 семей*

Непомнящие
Нижегородцевы
Никифоровы
Новошапкины
Обедины
Овчинниковы
Огородниковы
Озеровы
Ораловы
Осинцевы
Осколковы
Охотниковы
Павловы
Панфиловы
Петровы – *2 семьи*

Петуховы
Пичугины
Полежаевы
Полынцевы
Поляковы
Поначевы
Поповы
Потылицины
Прилуцкие
Путинцевы
Пушкарёвы
Расохины
Романовы
Рыбаловы
Рябухины
Селивановы
Семёновы
Сидоровы
Собакины
Сорокины
Стародубцевы
Стембовские
Стояновы
Суховы
Сухорословы
Ташкины
Тотышевы
Трофимовы
Фёдоровы
Федуловы
Филимоновы
Фунтиковы
Халуимовы
Хроменко
Худяновы
Чайка
Чеботаевы
Черепановы
Черноусовы
Чесноковы
Шарыповы
Шестаковы
Шешины
Шипилины

Шишкины
Шубины

и другие